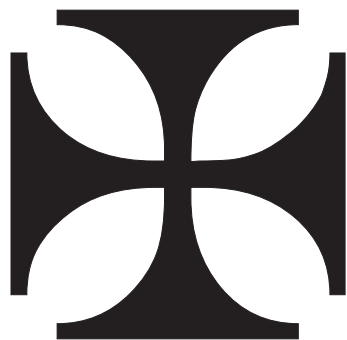

Сергей
Сагабанский

Демасову,
насмыху
и зероу

Сергей
Сагаганский

Демасову,
насмыху
и зероу

Сакадынский С. А. Демагоги, пастухи и герои (под ред. автора). – Луганск, 2010, - 170 с.

В книге рассмотрены основополагающие принципы возникновения и развития социального неравенства, проблемы происхождения и становления элитарных групп в человеческом обществе. В исторической ретроспективе рассмотрены основные вехи социального генезиса в контексте трансформации общества первобытной демократии в современное общество со сложной иерархией, системой подчинения и управления.

Данная работа может представлять интерес для занимающихся социологией, философией истории, культурологией и политологией.

Издатель ЛООО ЦТИ «Восточная Украина», тираж 500 экз.

© Сакадынский С. А., 2010

ОТ АВТОРА

Эта книга о духе. Во всяком случае, гораздо более о духе, чем о материи. И тем более это не рассказ о конкретных людях и событиях – это размышления о людях вообще, о социальном неравенстве, свободе и несвободе, справедливости и несправедливости, о силе права и праве сильного, в общем, о том, что движет человечеством изнутри, направляя его по пути Истории.

Прежде чем приступить к чтению, читателю следует принять к сведению, что данная работа не претендует никоим образом на строгую научность. Когда автор писал эту книгу, он не ставил целью последовательно изложить и прокомментировать какие-либо исторические факты и события или написать историю какой-либо отдельно взятой страны, народа или социальной группы. События и люди здесь - не более чем иллюстрации, предназначение которых - сделать изложение более наглядным и содержательным. Основная цель этой работы - систематизировать и упорядочить тот материал, который был собран и обработан автором, концептуально изложить свой собственный взгляд на вопросы социального генезиса в исторической ретроспективе. Возможно некоторые разделы покажутся читателю перегруженными информацией в силу того, что автор попытался в максимально сжатом объёме изложить весь тот огромный материал, который имеет непосредственное отношение к затронутым в книге проблемам. Как следствие концентрация мыслей на единицу площади очень высока и может вызвать некоторые затруднения при прочтении ряда разделов, хотя мы и попытались максимально облегчить эту задачу пояснениями и комментариями. Именно поэтому эта книга предназначена всё-таки для подготовленного читателя, знакомого хотя бы в общем с затронутой здесь проблематикой.

Написание этой книги также не имело целью навязать кому-либо излагаемые здесь мысли в качестве бесспорной аксиомы. Более того - мы не претендуем на знание абсолютной истины в силу неоднозначности ряда суждений, предлагаемых здесь вашему вниманию. Автор лишь излагает свою точку зрения, а принять или не принять её зависит исключительно от читателя.

*В отзвуке колоколов,
оглашавших пределы Гиона,
Бренность деяний земных
обрела непреложность закона.
Разом поблекла листва
на деревьях сяра в час успенья -
Неотвратно грядёт
увяданье, сменяя цветенье.
Так же недолог был век
закосневших во зле и гордыне -
Снам быстротечных ночей
уподобились многие ныне.
Сколько могучих владык,
беспощадных, не ведавших страха,
Ныне ушло без следа -
горстка ветром влекомого праха.*

**"Повесть о доме Тайра"
("Хэйкэ-моногатари")**

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИЛЛЮЗИЯ РАВЕНСТВА

*Мы, сильные духом,
должны терпимо относиться к слабостям тех,
кто не силен, а не себе угождать*

К Римлянам 15:1

Мир боится перемен. И в то же время с тайной надеждой и страхом ждёт их, вслушиваясь и всматриваясь в чёрную бездну неизвестности, пугающую и манящую, - словно кролик, глядящий в неподвижные глаза удава. Боясь заглянуть за горизонт сегодняшнего дня, он неуклонно приближается к нему и, охваченный паникой, всеми силами пытается оттянуть свой неизбежный конец.

Перемены несут в себе зерно неизбежной гибели. Поэтому страх нарушить равновесие, разорвать привычный и знакомый круг бытия воспринимается профанным сознанием как смертельная угроза. Однако бессознательное стремление к неизвестному, непостижимая жажда новых впечатлений влечёт воспалённый разум к краю пропасти, толкая на безрассудные поступки...

Община, варящаяся в собственном соку, точное повторение дня вчерашнего в дне сегодняшнем, неизменная стабильность, жидущаяся на неприятии любых нововведений, меняющих привычный уклад – вот сущность циклического бытия животного стада. Мир в себе, закрытый от влияний царящего за его пределами хаоса – идеальная модель мироздания, ставшая формой существования примитивных обществ.

Но в этом лишённом потрясений мире нет впечатлений, нет собственно того, что называется *историей*, ибо история – это в значительной степени беспорядок, хаос, фантастическая смесь людей и событий. Кроме того, – это ещё и движение, не всегда упорядоченное, часто стихийное, часто даже не имеющее определённой цели. Нет событий, нет движения – нет истории.

Человек всегда понимал *событие* как нечто, нарушающее привычный ход вещей. Отсюда большое количество «пустых» лет в трудах древних авторов – если спокойствие не было нарушено, значит, ничего и не произошло, и описывать, собственно говоря, нечего. И именно потому история первобытных обществ в учебниках

Демагоги, пастухи и герои

и монографиях изложена скучно и неинтересно – кроме описания материальной культуры и антропологических изысканий там нет более ничего. Даже название для этого периода есть соответствующее – **доисторический**.

Община – основная единица человеческого общества во все времена – будь то средневековая сельская община или население современного мегаполиса. Большинству людей нет никакого дела до векторного движения в никуда. Их вполне устраивает стабильная повторяемость. Призвание общины – охранять их интересы, их же задача – оградить общину от потрясений извне.

Но человеческое бытие может иметь две формы – оно может быть активным или пассивным, циклически-загнивающим или векторно-пассионарным. С одной стороны – стремление к гармонии, а с другой – вечная борьба с собой и с окружающим миром. В серой массе человекообразных время от времени возникают отдельные личности, страдающие от постоянной неудовлетворённости сегодняшним днём и жаждущие этот день изменить, поломав при этом привычный цикл бытия. Спокойствие создает порядок в мире, в то время, как главным способом заявить о себе, выделиться из толпы одинаковых человечков является эпатаж, вызов, подрыв устоев со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Толпа – безликая биомасса – не способна ни на что, кроме сытого, монотонного прозябания. Вершить историю – удел немногих избранных. Не случайно история человечества, в большей степени, это лишь описание деяний великих людей. Таким образом, тезис о том, что историю творит абстрактная и безликая сущность, именуемая народ, теряет всякий смысл. Любое движение вперёд порождается не слепой энергией масс – в истоках его стоит человек или группа людей, одержимых жаждой деятельности, нацеленных на достижение каких-то целей, смысл которых понятен только для них.

Однако никакое движение невозможно, если за меньшинством не следует большинство.

Здесь мы процитируем А. Тойнби, весьма точно излагающего суть данного вопроса:

Развитие – результат деятельности творческих индивидуальностей и творческих меньшинств; но они не могут двигаться вперёд, если не смогут вовлечь в своё движение своих менее одарённых соотечественников; а «нетворческий» слой «рядовых» человечества, которые всегда образуют большинство, невозможно во всей его массе поднять до уровня лидеров за короткое время. Осуществить это на практике – невозможно... Задача лидера – сделать соотечественников своими

сторонниками; а единственный способ, которым можно направить человеческие массы к непостижимой для их понимания цели, - это пробудить в них примитивную и универсальную способность к бездумному подражанию – мимезису. Мимезис – это, в конце концов, разновидность социальной муштры; ведь примитивное ухо, глухое к неземной музыке Орфеевой лиры, очень чувствительно воспринимает командные окрики сержанта на учебном плацу. Когда гениальный музыкант прекращает играть на волшебной флейте и гаркает властным голосом Фридриха-Вильгельма, человеческая масса, которая до этого стояла неподвижно, машинально начинает двигаться...¹

Управление массами подразумевает навязывание своих убеждений, своей воли безликому большинству персонифицированным меньшинством. Это своего рода социальная магия – непрменный атрибут вождя, лидера, стремящегося встать во главе человеческой массы.

Итак, в дальнейшем мы будем говорить о людях, в значительной степени одержимых, неудовлетворённых существующим положением вещей, ищущих действия, хотя бы это действие даже привело их к гибели. Мы будем говорить о творческом меньшинстве, если угодно, *элите*² – ярких индивидуальностях, проходящих путь от комплекса неполноценности к неконтрольной мании величия. О тех, кому суждено встать во главе общества, привести его к расцвету, а затем низвергнуть в состояние упадка.

Иллюзии демократии. Современная демократия породила массу недоразумений, возведённых в ранг аксиом. Поскольку данное исследование напрямую связано с проблемой неравенства в человеческом обществе, мы посчитали нужным остановиться на некоторых из них, по нашему мнению, наиболее глубоких.

Власть принадлежит народу. Что бы ни говорилось по этому поводу, народовластие в глобальном смысле – не более чем фикция. Собственно, эта самая «власть народа» в современном демократическом обществе проявляется лишь в возможности раз в несколько лет отдать свой голос за «достойнейшего».

¹ См. А. Дж. Тойнби. «Изучение истории»

² Автору кажется, что употребление этого термина не слишком уместно, и определение «творческое меньшинство» гораздо правильнее отображает суть данного понятия, но в современной социологии термин «элита» приобрёл широкое распространение, поэтому мы не можем его игнорировать

Что же можно говорить о древнегреческой аристократической демократии? Там, по крайней мере, вещи назывались своими именами – были граждане, имевшие право голоса, и все прочие, которым участвовать в политической жизни не полагалось. Современная демократия декларирует равноправное участие всех в общественно-политической жизни государства, однако же, как и в древних Афинах, на самом деле это право немногих избранных, остальные же могут только изображать политическую активность, подобно обезьянам, подражая действиям элиты.

Свобода выбора. На самом деле за всех всё давно решили. Свободы выбора как таковой попросту не существует. Во-первых, выбор большинства предопределён социальными факторами – осуществляется, так сказать, под давлением извне. За большинство решает меньшинство. Остальная же часть, относительно менее зависимая от прямого влияния, делает выбор, ориентируясь на мнение авторитетов. Вообще любая демократическая система в этом смысле напоминает карусель – движение по кругу лошадок с сидящими на них довольными малышами, движение, которое никуда не ведёт, и управлять которым его участники всё равно не могут. Ещё бывает карусель, в которой вместо лошадок закреплены автомобильчики, имеющие рули (иногда даже по два в каждом!), вращение которых абсолютно свободно и тоже ни на что не влияет. Тем не менее, малыши вполне счастливы, вращая эти рули.

Равноправие. Самым глубоким заблуждением является то, что люди от рождения абсолютно равны между собой. Отнюдь! Всеобщего равенства нет и быть не может! Люди не равны с самого момента своего появления на свет – физически, интеллектуально, в смысле материального достатка и социального положения. Изначально каждый новый член общества уже с пелёнок имеет чего-то больше или меньше, чем его ровесники. Формально демократия даёт равные стартовые возможности для каждого – дворник дядя Вася может при определённых обстоятельствах стать президентом, однако на практике это вряд ли осуществимо. Что касается прав – политических и прав человека вообще – то у каждого их ровно столько, сколько он сумел себе урвать. Ни больше, ни меньше.

Личная независимость. Все люди, так или иначе, зависимы – в том числе, и в первую очередь, от других людей. Кто-то диктует условия, а кто-то их принимает. Свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого, и залезть в чей-то суверенный огород разрешается только при наличии достаточно весомых аргументов.

Верховенство права. Прав, как известно, тот, у кого больше прав. Если кто-то может в силу наличия веских аргументов диктовать свою волю, попирая писанные законы, он это делает, остальные же покорно сносят правовой беспредел. В современном обществе есть такое понятие как «борьба за права человека». Само по себе его наличие указывает на то, что эти самые права никому не даются просто так. За них надо бороться. Возникает закономерный вопрос – с кем?

Итак, в современном правовом и демократическом государстве, как и многие столетия назад, лицо общества определяют не безликие массы, а немногочисленные доминирующие группы или более того – конкретные люди, имеющие больше прав и возможностей, чем среднестатистический обыватель. То есть, в обществе существует социальное неравенство, как бы оно ни маскировалось мнимой эгалитаризацией. В обществе существует особая – *избранная* - группа людей, которых в современной политологии принято называть *элитой*.

Однако надо отметить тот факт, что в условиях современного способа формирования власти победа на выборах ещё не означает *избранности*, и освободиться от усиленно внушаемой иллюзии, что само пребывание кого-то у власти накладывает на него несмыслимую печать элитарности. Вообще однозначно следует разделять понятия *элита* и *власть* в силу некорректности постановки вопроса об их идентичности.

Определение терминов. Термин «элита», употреблённый нами выше, получил широкое распространение в современной социологии в связи с изучением проблемы общественного неравенства в условиях выделения из общей массы отличных от других, занимающих особое место в социальной иерархии людей. Само слово «элита» происходит от французского *elite* - *лучшее, отборное*, и в социологии и политологии означает высший слой (или слои) социальной структуры общества, осуществляющий важные общественные, политические и культурные функции. В этом смысле *элита* является синонимом ***инициативного творческого меньшинства***, и мы будем употреблять это слово именно в таком значении.

Определений элитарности множество – от банальных до совершенно абсурдных. Нас же, в первую очередь, интересует вопрос: чем же *элита* отличается от *не-элиты*, в чём собственно суть её *избранности*.

Демагоги, пастухи и герои

Итак, мы можем выделить три положения, отличающих элиту от остальной части общества независимо от исторического времени, места и конкретной ситуации:

1. **Привилегированное положение.** Это то, что, прежде всего, бросается в глаза при рассмотрении элиты как социального явления.
2. **Обособленность.** Элита представляет собой относительно замкнутую, изолированную от остальной части общества группу (касту), попасть в которую достаточно сложно.
3. **Материальная независимость.** Элита не производит ничего материального – она вообще не занимается производственным трудом. Её деятельность лежит совершенно в иной плоскости; что касается средств существования, то живёт она исключительно за счёт «неэлитарной» части общества.

Таким образом, на данном этапе мы определим элиту как *социальное меньшинство, свободное от производственного труда и занимающее особое место в обществе благодаря личным качествам и способностям.* Это утверждение, однако, не даёт нам полного представления о феномене элиты как таковом, а лишь намечает общую направленность нашего исследования. Кроме того, из вышесказанного мы можем вынести несколько предварительных заключений.

***Первое.** Лицо общества, его уровень развития и прочие столь же важные вещи определяет его элита.*

***Второе.** Элита, по своей сути, является главным узурпатором тех самых прав и свобод, за которые борются поборники демократии.*

Следует полагать, что на любом историческом этапе развития человеческого общества, в силу его внутренней психологической неоднородности, неизбежность возникновения **обособленных групп и личностей**, в основном, не вызывает сомнения. Сомнения и споры обычно возникают вокруг **степени элитарности**, необходимости или полезности существования какой-либо конкретной правящей группы, в каком-то конкретном случае. И во многом из-за того, что **в понятия, связанные с элитарностью, часто вкладываются самые различные представления.** Поэтому нам по мере, необходимости придётся неоднократно уточнять смысл этих понятий.

Философия избранности. Многие мыслители, такие знаменитые, как Х. Ортега-и-Гасет, В. Парето, Г. Моска, а также

более многочисленные и менее известные, высказывали самые разные мнения по поводу основных аспектов элитарности: от абсолютизации роли элиты в общественном развитии вплоть до обоснования преимуществ «безэлитного» устройства общества. Очевидно, что попытка сформулировать ниже какое-то новое абсолютно оригинальное суждение в этой области, скорее всего, была бы малоуспешна. Но, представляется, что, рассмотрев наиболее интересные из существующих мнений, было бы весьма полезным сформировать обобщённый, реалистичный взгляд на вопросы, связанные с элитарностью и трансформацией властвующих групп.

Прежде чем приступить к подробному анализу феномена элитарности, следует выделить такую особенность элиты как непохожесть на остальную часть общества, её необычность, даже, следует сказать, *маргинальность*³.

Необычность или иными словами одержимость творческих индивидуальностей обретает различные формы. Однако, на наш взгляд, есть лишь два, антагонистичные по своей сути, пути самоутверждения в мире. Первый путь – путь Силы, Путь Меча, в основе которого лежит грубое физическое превосходство, жажда подвигов, замешанная на нежелании мириться с существующим положением вещей. Второй – путь Слова, Путь Змеи, магия убеждения, интеллектуальное превосходство над непросвещёнными умами. Первому свойственны прямота, доблесть и благородство, как следствие – Слава, и, - как следствие Славы, - гордыня. Второму присущи знание и ум, расчётливость, зиждущаяся на хитрости и обмане, и, - как следствие – подлость и коварство. Отсюда и разделение элит на два противоположных типа, идущих по двум совершенно непохожим, но, в сущности, параллельным путям: элиту героев и элиту колдунов, элиту воинов и элиту демагогов.

Иными словами, если говорить простым и общедоступным языком, можно либо путём словесных доводов убедить собеседника в том, что чёрное на самом деле является белым, либо же так ударить его по голове так, что он вообще перестанет различать какие бы то ни было цвета.

³ Маргиналы – в данном случае – индивидуумы, находящиеся как бы на краю социума (от *margina* – край, поле, граница) или даже за его пределами, игнорирующие общепринятые нормы и правила и всей своей жизненной позицией олицетворяющие протест, неприятие существующих законов общества.

Демагоги, пастухи и герои

Двуединство творческого меньшинства неразрывно связано с взаимодополняемостью. Два взаимоисключающих начала могут достигнуть цели, лишь объединив свои усилия. Это вполне чётко обозначено в мифах о создании мира двумя противоположными силами, нередко – братьями-близнецами; собственно, сама концепция о вечной борьбе добра и зла, бога и дьявола, светлых и тёмных сил, неизбежно сосуществующих во вселенной, есть отражение деятельности двух творческих начал.

Потребность друг в друге этих двух стихий очевидна как раз в силу их противоположности. Воин – это герой-победитель с обнажённым мечём в руке, символизирующий собой действие, активно изменяющий своими деяниями окружающий мир; демагог – колдун, корпеющий над древними фолиантами, коленопреклонённый жрец у алтаря, извечный фаталист, пленник предопределения, теоретик, указующий пути, но сам не следующий по ним. Олицетворение первого – король Артур, воин и государь, классический образ рыцаря, живое воплощение Силы; второго – его тень, двойник и бессменный советчик великий маг и чародей Мерлин, олицетворение всеильного знания. Первый – материальное воплощение доблести, своими руками творящий историю; второй – более дух, чем человек, слово и мысль, указующие дорогу силе.

Таковы два творческих начала, две ипостаси земного могущества, вершащие судьбы мира.

Остальные же – неопределившаяся часть общества, не стремящаяся к переменам и способная лишь на подражание лидерам, – обречены на однообразный повседневный труд, направленный, по большей части, на достижение далёких и совершенно непонятных целей творческого меньшинства.

Собственно говоря, подобное деление людей имело место в разные времена и у разных народов ещё в глубокой древности. Индийские касты, внутренняя иерархия греческого полиса – всё это исторические примеры, не требующие дополнительной расшифровки терминов.

Наиболее древний, единый для всех индоевропейцев архетип — представление о сакрально-военно-экономическом устройстве общества — с завидным постоянством воспроизводится в мифологии индоариев («брахманы», «кшатрии», «вайшьи»); античной философии («философы», «воины», «производители» Платона) и т.д. Подтверждая преимущественно бессознательную трансляцию архетипа, авторы многочисленных триад обычно не подозревают о первоисточнике своих представлений.

«Природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи — большое число, а первые и вторые — элита». Преобладание людей «мышечных» и «духовных» над «посредственными» отразилось в составе православных святых. Владимир Соловьев подметил, что невозможно найти между святыми «купца, или дьяка, или приказного, или мещанина, или крестьянина — одним словом, какой бы то ни было профессии, кроме монахов и военных».

В эпоху средневековья окончательно формируется и приобретает особую популярность идея о разделении общества на три социальных слоя: *“молящихся” (oratores), “воюющих” (bellatores) и “трудящихся” (laboratores)*. В этой классической форме, собственно, и зафиксирована идея неравенства, являющаяся определяющим вектором развития человеческого общества.

Вызывающий аристократизм Ницше мешает осознанию возвещенной им истины — историю творят «колдуны» и «воины». «Работники» — всего лишь объект, вечный «навоз истории». История как «живое творчество масс» — льстивая утопия колдунов-лицемеров.

Таким образом, власть имеет двойную природу — СВЕТскую (власть силы) и духовную (сакральную). Нерушимость этого двуединства сказалась на результате средневековой борьбы пап с императорами. Ж. Ле Гофф пишет об этой борьбе следующее:

«...Отношения глав христианского мира демонстрировали соперничество на самой вершине двух господствующих, но конкурирующих между собой церковной и светской иерархий, священников и воинов, шаманической власти и военной силы. Став христианами, варварские короли пытались вернуть себе ту власть царя-жреца, которой обладали франкские языческие вожди — “reges criniti”, косматые цари коротковолосого народа, в чьих длинных волосах таилась чудодейственная власть царей, подобных Самсону. Со стороны папы подобные попытки присвоения императорских функций особенно ощутимы с VIII в., с создания подложного “Константинова дара”. «Ничейный» исход этой борьбы — папа сумел помешать императору и королю присвоить себе священнические функции, но ему не удалось захватить светскую власть — был в пользу священства. Распределение «мест слагаемых» в средневековой триаде «oratores», «bellatores», «laboratores» «делает воинов защитниками церкви и религии, подчиняя их тем самым священникам».

Демагоги, пастухи и герои

Шаманическая власть, правда в сильно очищенном виде, поглотила воинскую доблесть.»⁴

Первоначальная иерархия трех функций восстанавливается по их расположению на «мировом древе». Крона отводится «колдунам», ствол — «воинам», корни — «работникам. Приниженное положение последних объясняется их подчинением власти «колдунов» и «воинов». «Колдуны» управляют мыслями, «воины» — действиями. В предельных абстракциях «слова» и «дела» — сущностные отличия сакральной (духовной) власти «колдунов» и светской власти «воинов».

Теперь обратимся к вопросу о том, когда же и на каком этапе развития человеческого общества появляются люди, выделяющиеся из общей массы и обособленные от всех остальных.

Все известные нам исследователи рассматривают феномен элитарности, избранности как нечто уже существующее, описывают его, лишь констатируя факты и мало касаясь истоков. По крайней мере, кроме Ф. Энгельса никто не попытался более менее вразумительно попытаться объяснить возникновение иерархического (мы принципиально не будем употреблять здесь термин «классовое», о чём речь пойдёт ниже) общества.

Во времена Маркса и Энгельса уже было обычным деление истории на древнюю, средневековую и новую, что соответствовало представлениям о рабовладельческом, феодальном и капиталистическом строе. Позже, когда в 1877 году Л. Г. Морган издал книгу «Древнее общество», Маркс и Энгельс добавили к этой классификации первобытнообщинный строй. Анализируя распад первобытной общины, Морган, а вслед за ним Энгельс, пытались научно обосновать расслоение общества исходя из того этнографического материала, который был собран в среде полудиких племён.

Вполне очевидно, что писаная история застаёт человеческое общество уже поделённым на иерархические группы. Это разделение происходит гораздо раньше.

Примитивное лидерство имеет место быть и в животном стаде, однако чётко структурированное иерархическое общество свойственно именно человеку. Люди стали людьми только тогда, когда создали область абстрактных понятий – религию, искусство, науку... Именно с абстрактным мышлением связано выделение человека из мира животных. И именно на этой грани возникает

⁴ Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада

социальное неравенство, основанное, по нашему мнению, не на материальных причинах, а более связанное с представлением, сложившимся в умах большинства, о «лучшестьи» или «избранности» отдельных членов общины. Феномен избранности более духовный, чем материальный, поэтому объяснить его с точки зрения экономических и прочих приземлённых причин не представляется возможным. Скорее наоборот, экономическое и социальное неравенство может быть объяснено через постижение неравенства по духу.

В основе избранности лежат, прежде всего, иррационализм и маргинальность. Она всегда стоит за порогом профанных норм, за гранью закона. Примечательно, что именно вне законодательного поля в любом обществе находятся как преступники, так и правители. «Кто нарушил табу, сам становится табу», - писал Зигмунд Фрейд. Элита, нарушая все писанные и неписанные законы «нормального» общества, оказывается в положении изгоя, маргинала, преступника, вступает на путь противодействия существующему порядку. Однако, разрушая старый порядок, творческие меньшинства одновременно становятся создателями порядка нового, проходя путь от преступников до законодателей. Таковы все творцы истории – революционеры и пророки, а также герои мифов, в которых часто «новое поколение богов» отбирает власть у своих предшественников.

Трудно сказать, благостна ли *избранность* для самих *избранных*, и тем более благостна ли она для остальной части общества. С одной стороны, провоцируя перемены, она нарушает равновесие, создаёт нестабильность, что чревато негативными последствиями; в более узком смысле избранность санкционирует социальное зло, порождая неравенство, отношения зависимости и прочие минусы иерархического общества. С другой стороны, застой создаёт иные, не менее реальные угрозы, - в первую очередь, накопление нереализованной творческой энергии, которая выплёскивается в виде различных проявлений внутренней деструкции, порождая разного рода социальные болезни; алкоголизм, психические расстройства, высокий уровень преступности – непереносимые атрибуты всякого стабильного циклического общества. Кроме того, у всякого общества, как и у мира в целом, очевидно, есть иррациональная потребность изменяться.

Таким образом, элита как творческое меньшинство, во-первых, поощряет социальный прогресс, выступая в качестве духовного проводника, а, во-вторых, указывает обществу пути выплёскивания

Демагоги, пастухи и герои

деструктивной потенции, оберегая циклические ценности своей векторной мощью.

Рассуждения о благостности избранности, в принципе, беспредметны по своей сути, потому что творчество – это, прежде всего, действие ради действия, не преследующее никакой иной цели, кроме немотивированного с точки зрения здравого смысла желания изменить, хотя бы в незначительной степени, статичный мир повседневного бытия.

Любая творческая личность неизбежно эгоистична – вследствие абсолютной самодостаточности, выливающейся в бесконечное самолюбование, которое не имеет ничего общего с профанным нарциссизмом, а есть всего лишь осознание собственной уникальности и духовного превосходства над толпой себе подобных. Так, как бы парадоксально это не казалось, настоящему актёру не нужен зритель, настоящему поэту не нужен читатель, ибо каждый из них совмещает в себе и то и другое. Высокая степень самодостаточности, отрицающая ценность чего бы то ни было иного, есть высшая степень одиночества, знаменующая собой вершину самосовершенствования духа. Одиночество всегда осуждалось профанным большинством (ср. народное: "Один в поле не воин", "Дурному не скучно и самому" и т.д.), профанное сознание всегда подчеркивало значимость количественности ("Одна голова - хорошо, а две - лучше"), что со всей полнотой отразилось в идеале современной демократии. Отсюда непонимание и взаимная неприязнь, неизменно возникающие между массами и лидерами, бунт и низвержение во тьму вечную.

Собственно говоря, мысль о том, что творческий дар скорее проклятие и наказание, чем благо, не лишена здравого смысла. Избранные обречены на страдания от вечной неудовлетворённости, им никогда не достичь гармонии с окружающим миром, их удел – одиночество, проистекающее из непонимания профанным большинством их иррациональных порывов, разочарование от окружающей действительности и расплата за деяния, неизбежная и жестокая.

Как мы уже говорили, феномен избранности более духовный, чем профанно-практический, и сила духа – неперменный его атрибут. Сила духа – прежде всего, способность подавлять других, та самая неуёмная «воля к власти», о которой писал Ф. Ницше, проистекающая не от патологической внутренней злобы, а от жажды блага, в первую очередь, для себя. В этом, собственно, наиболее полно проявляется гипертрофированный эгоцентризм творческих индивидуальностей, о чём было сказано выше.

Такова в общих чертах философия избранности.

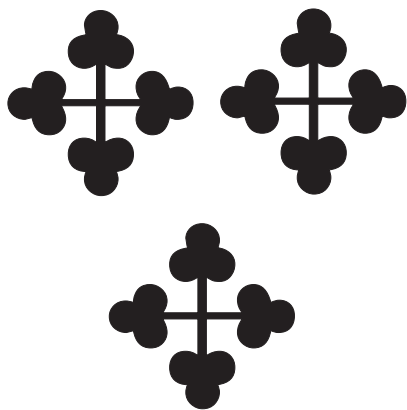
В своих попытках познать непознаваемое человек ни на шаг не продвинулся вперёд со времён каменного века. Причина тому – потуги понять нечто, находящееся за пределами профанного знания. Профанная наука способна изучить и объяснить только то, что находится в области материального мира, постичь же бессознательное невозможно – его можно только описать, но не более. Сфера духа, а, значит, и сфера затронутого нами вопроса, относится больше к бессознательному, чем к профанно-практическому, поэтому мы не будем повторять ошибки прочих исследователей, которые в попытках объять необъятное потерпели неизбежное поражение.

Мы будем двигаться другим путём.

Уацмь
первая

Уацмоку

Часть I. Истоки

1. Социальная структура в доисторическую эпоху

Рай. Легенда о пребывании в саду Эдемском не выдумка псевдоучёных маразматиков – человек как вид действительно возник в тепличных условиях, о чём свидетельствует даже поверхностный взгляд на имеющиеся факты. Существо, лишённое когтей и клыков, физически слабое по сравнению с другими животными, биологически уязвимое во многих отношениях – как, по-вашему, могло оно выжить в условиях глобального оледенения, окружённое хищниками, в широтах, где добыть пропитание невероятно сложно!? Всё это указывает на то, что прародиной человечества был земной рай – географически изолированное место с ровным, тёплым климатом, обилием пищи и отсутствием естественных врагов. Биологически человек возник как ошибка природы, тупая ветвь эволюции, и по всем признакам должен был сгинуть без следа, так и не развившись.

Многие нам возразят, опираясь на якобы научные факты. Они скажут: эволюция сделала человека таким, каков он есть; борьба за выживание, в которой он смог победить, поставила его над животным царством, даровала разум вместо силы, одежду вместо меха, оружие вместо рогов и когтей. Однако всё это лишь предположения, не подтверждённые ничем, кроме веского слова их авторов.

Теория Дарвина – новая религия Нового Времени, именно религия, ибо более опирается на веру, чем на научные доказательства и факты; она содержит две догмы, являющиеся, по сути, самым главным заблуждением в вопросе генезиса человеческого вида. Если следовать дарвиновскому вероучению, человек развился из обезьяны путём естественного отбора в дикой природе; Ф. Энгельс, развивая эту мысль далее, дополнил это заблуждение второй догмой, гласящей, что труд сделал из обезьяны человека. При всём уважении к авторам этой концепции, мы не можем принять её а priori, как есть.

В теоретических выкладках основоположников «единственно верного учения» доминирующим является утверждение, что якобы

труд сотворил из обезьяны человека, а именно: способствовал возникновению мышления, языка и тому подобных атрибутов разумного существа. На наш взгляд, труд, скорее, способен сделать обратное. Едва ли монотонная физическая работа может способствовать развитию интеллекта – по большей части, она наоборот тормозит умственное развитие, поскольку направлена исключительно на одну цель – выживание.

Средневековые книжники полагали, что *«голод — одна из кар за первородный грех. Человек был сотворен, чтобы жить, не трудясь, пожелай он это. Но после грехопадения он мог искупить свой грех только трудом... Бог, стало быть, внушил ему чувство голода, дабы он трудился под принуждением этой необходимости и вновь обратился таким путем к вещам вечным»*.

Здесь также уместно будет заметить, что принудительный физический труд всегда использовался для подавления инакомыслия. Все социальные катаклизмы возникали в среде творческой элиты, у которой было время для того, чтобы думать – не народ делает революции, революции рождаются в умах не занятых физическим трудом интеллектуалов. Потому-то тоталитарные режимы заботятся об искоренении безработицы, недовольных отправляют на каторгу, а обязательный всеобщий труд преподносится как универсальное благо. Чем больше люди заняты, чем меньше у них времени на праздные размышления, тем меньше социальная напряжённость, тем меньше вероятность нарушения внутреннего спокойствия в обществе.

Однако здесь мы уходим в сторону от основной темы этой главы, а потому самое время к ней вернуться.

Мир жесток. В дикой природе выживает тот, кто сильнее и хитрее; тот, кто успеет первым схватить добычу и избежать когтей хищника; тот, кто среди особей своего вида не пополнит ряды аутсайдеров, обречённых на быструю гибель.

Человек показал, что всё может быть как раз наоборот.

Оставим в стороне проблемы эволюции – в данном случае нас мало интересуют биологические аспекты происхождения человеческого вида. Для нас важно, что в тот момент, когда *homo sapiens* был впервые описан наукой, его физический облик ничем не отличался от нынешнего. Примитивные племена островов Тихого Океана, благополучно пребывающие в эпохе каменного века, биологически ничем не отличаются от своих цивилизованных собратьев, разгуливающих по улицам Нью-Йорка и Санкт-Петербурга. Гориллоподобные гиганты и карлики – по большей части, лишь плод большой фантазии, в лучшем случае, вымершие

Демагоги, пастухи и герои

ветви семейства гоминидов, или, как сказали бы церковники, «неудачные эксперименты Господа Бога». К числу этих самых «неудачных экспериментов» можно отнести лишь те немногочисленные ископаемые, на основе которых учёные-эволюционисты пытаются выстроить ряд обезьяна - человек разумный; живых примеров тому наука не имеет.⁵

Не вдаваясь в хронологию, можем заключить, что какое-то время назад в климатически благоприятной местности (см. выше) появилось существо, в дальнейшем именуемое человек. Было ли его появление результатом деградации неких гориллообразных приматов или боги спустились с небес, принеся с собой семена новой жизни, мы обсуждать не будем – пусть этим занимаются эволюционисты-антропологи и писатели-фантасты. Можем лишь предположить, что в этом земном раю первочеловек пребывал весьма долго и успел достаточно размножиться, ибо с наступлением иных, гораздо более суровых условий существования малочисленная группа физически неполноценных существ едва ли смогла бы выжить. Впрочем, неконтролируемое размножение в условиях отсутствия внешних ограничений – явление в природе известное и многократно описанное.

Дни, однообразные и потому не отличимые друг от друга, проходят в бесконечном поглощении пищи, запасы которой не истощаются, и оупляющем бездействии, от которого отвлекают только позывы к размножению и удовлетворению иных природных потребностей. Жизнь движется по кругу, бесконечно повторяясь. Таков был рай земной.

Широко известен средневековый тезис о первоначальном равенстве, распространённый в среде простонародья – «когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?». То есть, проще говоря, первобытное равенство имело место быть – это доказывают

⁵ Вообще большинство современных учёных полагают, что многообразие животного мира есть продукт спонтанных мутаций, а не последовательного развития. Все предыдущие попытки доказать обратное не имели успеха – мушки-дрозофилы, над которыми так долго и изошрённо измывались исследователи, конечно претерпели ряд внешних изменений, но они так и остались мушками-дрозофилами, новый вид при этом не появился. Точно так же ископаемые животные: в условиях суровой природы ледникового периода выживают крупные животные, покрытые густым мехом и имеющие толстый слой подкожного жира; в результате мы имеем бобра величиной с лошадь, но мы нигде не видим того, как у бобра срастаются задние конечности, превращаясь в лапы, и он становится тюленем.

разнообразные этнографические исследования. Большинство первобытных племён достаточно успешно боролось, в частности, например, с имущественным неравенством – именно в этом контексте полностью терпит крах теория Энгельса об экономических причинах возникновения классового общества. Внутри первобытной общины постоянно происходит перераспределение материальных ценностей, в частности, имущества. Избыток материальных богатств, сосредоточенный в руках одного человека или группы людей был противен самому духу первобытного общества, где первоначально всё имущество было коллективным и использовалось сообща. В более поздние времена «разбогатевший» человек, если такой даже и появлялся, должен был делиться своим имуществом с другими членами общины. На практике обычно устраивались всеобщие пиры, раздавались щедрые подарки родственникам, соседям и гостям, а также практиковалось перераспределение материальных ценностей в пользу нуждающихся. Собственно, попытка возродить практику перераспределения материальных благ имело место в Советском Союзе; вообще, идея коммунизма в большей степени близка по духу первобытной общине, чем посткапиталистическому обществу.

Этой же природы обычай *потлач*, известный в среде индейских племён – первоначально имущество умершего уничтожалось после его погребения, а в более позднее время раздавалось на особом празднике. Кроме того, потлач устраивали по разным другим поводам – при получении нового имени, вступлении в брак и т. д. Отсюда же обычай хоронить вместе с умершим его имущество.

В качестве пережитков эти обычаи сохранились и в более позднее время – в эпоху военной демократии и даже ещё позже.

Социальная структура первобытной общины достаточно широко описана в трудах этнографов и историков. Первобытная коммуна – а именно таковой можно в прямом смысле считать это образование, – опиралась на относительное равенство всех членов. Естественно, определённым авторитетом, как и у всех животных, пользовались старые и мудрые особи, ценные своим жизненным опытом, а также молодые и сильные, охотники и защитники, главная опора человеческого стада. Все члены общины питались из общих запасов, сообща добывали пищу и все вопросы решали общим собранием. Забота о слабых также возлагалась на всех членов общины, – в первую очередь, забота о потомстве; о стариках, правда, заботились лишь до тех пор, пока они могли приносить реальную пользу. Были в первобытном обществе, несомненно, лидеры и вожаки, однако это отнюдь не вожди эпохи военной

Демагоги, пастухи и герои

демократии – у них не было ни власти как таковой, ни особых привилегий по сравнению с остальными членами стада.

Такое «невнимание» к материальным благам, собственно говоря, делало невозможным возвышение за счёт имущественного неравенства, да и само экономическое неравенство не могло возникнуть в силу тех же самых причин. *Поэтому расслоение первобытной общины могло иметь только духовную природу.*

Чтобы понять невозможность такого явления как «прогресс» для первобытного сознания, необходимо понять саму сущность мышления первобытного человека, его кардинальное отличие от современного.

На самом деле первобытное мышление невероятно консервативно и замкнуто. Что больше всего поражает современного человека, в частности, европейца, оказавшегося в среде первобытных племён, так это не само содержание представлений первобытных людей, а их крайняя устойчивость, нечувствительность к данным опыта. Очевидные факты, которые, по мнению европейца, должны были неизбежно изменить представления первобытного человека, заставить его пересмотреть какие-то убеждения, не оказывают почему-то на него никакого действия. А попытки убеждать и доказывать приводят зачастую к результатам, диаметрально противоположным тем, которые ожидались. Именно в этом, а не в вере в существование духов и мистической связи между предметами состоит наиболее глубокое отличие первобытного мышления от современного.

В конце концов, все в мире действительно взаимосвязано! Излагая закон всемирного тяготения, мы могли бы говорить, что в каждом теле сидит дух тяготения, и каждый дух стремится приблизиться к другому духу силой, пропорциональной массам двух тел и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними. Это нисколько не помешало бы нам правильно рассчитывать движение планет. Впрочем, если мы не пользуемся словом «дух», мы пользуемся словом «сила». А что такое, в сущности, сила ньютоновского притяжения? Тот же дух: нечто невидимое, неслышимое, неосознаваемое, не имеющее вкуса и запаха, но, тем не менее, реально существующее и оказывающее воздействие на вещи.

Указанные особенности мышления первобытных людей обладают поразительной общностью. Можно сказать, что они общи всем без исключения первобытным народам, независимо от их расовой принадлежности и географических условий и несмотря на разнообразие конкретных форм культуры, в которых они

проявляются. Это и дает основания говорить о первобытном мышлении, противопоставляя его современному мышлению.⁶

В свете выше сказанного совершенно очевидно, что для качественного скачка, для переходя от первобыта к истории необходим *переворот в сознании*, который невозможно объяснить с точки зрения эволюции мышления и уж тем более с позиций биологической эволюции.

Изгнание из рая. Теория вызовов-ответов А. Дж. Тойнби достаточно широко известна, и мы не будем подробно на ней останавливаться. В нашем случае речь идёт об отсутствии вызова как такового. Циклическое общество не знает развития – отсутствие действия порождает застой. И выйти из этого состояния можно, лишь испытав большую встряску.

Привычный ход бытия рано или поздно бывает нарушен. Ломая статичность мироздания, откуда-то из запредельного мира обрывается катаклизмом, переворачивающий всё вверх дном. Гнев богов или слепая стихия природы – всё равно, – положили конец идиллии. Скопище бесшерстных приматов оказалось на грани гибели. Однако не погибло. Сказалась, скорее всего, социальная организация, что в условиях климатического кризиса могло оказаться решающим. Похожие вещи происходят, например, в африканской саванне, где в случае возникновения критических условий выживаемость у гиен выше, чем у прочих хищников за счет организации, хотя индивидуально (как охотники) те же львы превосходят гиен. По сути, сильные животные могут выживать в одиночку, слабые вынуждены объединяться в стаи. Очевидно, в этом причина высокой степени коллективизма человеческого стада.

Итак, вызов был получен, он требовал ответа. Как следствие – человек стал тем, чем он есть сейчас.

Отличие человека от всех остальных живых существ заключается в способности к творчеству. Творить подобно Творцу – в этом суть богоподобия человека.

Суть творчества – анализ и синтез, изменение уже существующего и генерация нового. Таким образом, творчество является провокатором события, толчком, который способен запустить механизм истории.

Событийность, открывающая слишком много возможностей для перемен, несёт в себе угрозу статичному, пребывающему в состоянии вечного равновесия обществу. Потрясения рождают

⁶ См. подробно об этом: В. Ф. Турчин. Феномен науки

Демагоги, пастухи и герои

новый порядок, нарушая устойчивые законы мироздания. Чтобы оградить себя от катастрофических изменений, сохранить свой внутренний мир, община устанавливает разного рода табу, регламентирующие взаимодействие профанно-практического и иррационального. Недаром многие религиозные учения и политические доктрины налагали запрет на несанкционированное творчество, объявляя его злом. Борьба с инновациями доходила до абсурда, особенно в те моменты, когда старый мир уже был не в состоянии противостоять волне перемен – достаточно вспомнить костры инквизиции, по существу, знаменовавшие собой агонию западного христианства.

В связи с этим миф об изгнании из рая может рассматриваться в двух аспектах.

Первый – как природный катаклизм, послуживший вызовом извне. В таком случае, ответом был стремительный виток развития, в результате которого человек небывало возвысился над природой, преодолел эволюцию и естественный отбор и сам стал навязывать природе свои условия, изменяя её и приспосабливая к своим потребностям.

Второй – как катаклизм внутренний, вспышка творческой энергии, требовавшей выхода. Адам, вкусивший запретный плод Знания, начал творить, уподобляясь своему Творцу, разрушив, таким образом, установленный порядок. Мятеж против Бога и мятеж против природы – и, как результат, рождение События, рождение собственно Истории.

Разделение истории человечества на дикость, варварство и цивилизацию может рассматриваться в данном контексте следующим образом. Первобытная дикость – внеисторическое время, когда циклическое Инь преобладает над векторным Янь. Варварство – вспышка истории, время сотворения нового общества, непрерывное движение, дающее возможность для совершения эпохальных деяний. Цивилизация же – возвращение к первоначальной стабильности, создание устойчивого нового мира, ограждённого от мира хаоса прочной стеной табу.

Нестабильность порождает потребность в наведении порядка. Возникает вопрос: кто должен осуществлять эту задачу? Углубляясь в данную тему, мы должны помнить об одном, весьма распространённом, заблуждении, касающемся природы элитарности.

Собственно говоря, множество узконаправленных концепций элитарности основываются на практической необходимости. Когда изменились окружающие условия и усложнилась внутренняя жизнь

общины, возникает потребность некой упорядочивающей силы, могущей эффективно организовать управление социальной структурой. Возникает некий прообраз законодательно-управленческого аппарата, впоследствии трансформирующийся в обособленную структуру, находящуюся в привилегированном положении относительно всех остальных членов общины.

Всё это вполне правдоподобно и не лишено здравого смысла, однако речь здесь идёт не об элитарности как таковой, а о возникновении собственно системы управления, в основе которой лежит не избранность отдельных индивидуумов, а их административные способности. В связи с этим имеет смысл сделать небольшое отступление.

Как в политике, так и в экономике успешно развивается и добывается успеха та структура, где рутинные управленческие функции выполняет особая когорта исполнителей – разного рода менеджеров и чиновников, в то время, как задача собственно лидеров – указание стратегических путей развития, генерация идей, а не решение конкретных технических задач. Основная отличительная особенность творческой личности – открытость для изменений и разного рода инноваций, стремление к масштабному действию, в то время, как функции управления системой требуют как раз иного – стабильности, упорядоченности и внутренней организации. Поэтому всякий управленческий аппарат не есть элита, это скорее инструмент творческих индивидуальностей, призванный избавить лидеров от выполнения нетворческих задач.

Не может рассматриваться как элитарность и примитивное лидерство, в том числе, лидерство в группе. Так, в волчьей стае тоже есть вожак и есть определённая внутренняя структура, однако же никто не пытается доказать существование у волков классового общества.

С другой стороны, человек вполне может обходиться без государства и правительства, вообще без каких-либо структур власти. Это весьма наглядно показывает пример внутренней организации общества раннесредневековой Исландии.

Таким образом, мы снова, уже в третий раз возвращаемся к мысли о том, что социальной трансформации предшествовала трансформация духовная, вряд ли связанная с биологической эволюцией.

Почти по Марксу: базис и надстройка. Переходя, собственно, к анализу причин социального расслоения, обращение к основам неизбежно.

Демагоги, пастухи и герои

Базис существования любого общества – стада антилоп или современного государства – средства существования, проще говоря, еда и различные материальные блага, позволяющие выжить. Нет средств существования – налицо кризис, голод и, в конечном счёте, гибель. Чтобы этого не допустить, необходимо иметь налаженную, отказоустойчивую систему, обеспечивающую общество всем необходимым.

Для первобытного человека, как и для любого животного, первичной и жизненно важной потребностью была потребность в пище, которую первоначально удовлетворяли собирательство и охота, а затем сельское хозяйство. Первое – экстенсивная модель экономики, поскольку не производит ничего, а лишь потребляет уже готовое; второе – перспективный источник материального насыщения, поскольку позволяет получить в большом количестве любой продукт.

Собственно говоря, всё, что мы видим вокруг – самолёты, машины, компьютеры, высотные здания и прочие объекты материальной жизни – является ни чем иным, как продуктом избыточного перепроизводства базовой экономики, то бишь сельского хозяйства. По сути, человечество стало производить такой значительный процент избыточного, «лишнего» продовольствия, что этот процент, составляющий несоизмеримо большую часть в отношении к реальным потребностям человека, позволил и позволяет содержать огромное количество людей, не занятых непосредственно производством орудий труда и добычей пищи. Эти люди обеспечили и обеспечивают стремительный рост человеческой цивилизации, создавая совершенно бесполезные с точки зрения биологического существа вещи и технологии.

Можно до бесконечности спорить о том, что появилось раньше – курица или яйцо, - но нам ситуация здесь видится следующим образом.

Примитивное общество в принципе не может произвести избыточный продукт - это противоречит природе и здравому смыслу. Первобытный человек никогда не пытался добыть чрезмерное количество того, что можно съесть – да это при существующем способе добычи пищи вряд ли вообще было возможно. Первобытному человеку приходилось ежедневно и ежечасно решать актуальные проблемы выживания, чтобы не оказаться на грани голодной смерти. Если в какой-то момент и удавалось добыть пищи больше, чем обычно, она распределялась поровну между всеми членами общины. Это равноправие было прямым следствием стадного образа жизни – физически слабый относительно остальных

представителей фауны человек мог выжить только в коллективе, при этом бесполезных людей в коллективе не было – такие просто погибали. Лишних вещей – орудий труда или предметов обихода – в то время не было тоже. Накопление материальных благ, которые невозможно использовать – нонсенс, непостижимая глупость, и первобытное сознание проникнуто пониманием этого насквозь.

Однако среди одинаковых человечков появляется, в конечном счете, некто, который видит немного дальше, а может быть и гораздо дальше, чем его ограниченные соплеменники. Несвойственная остальным широта мышления позволяет ему оценить возможные перспективы появления избыточного продукта как для всей общины, так и для самого себя. Причём для самого себя в первую очередь. В конце концов, почему бы, если это в принципе возможно, не организовать производство так, чтобы его результат удвоить, половину оставив соплеменникам, а остальное заполучить в собственное распоряжение.

Однако сама по себе эта мысль не влечёт за собой никаких глобальных последствий – уровень отношений в общине не позволяет выйти за пределы дозволенного обычаям. Поэтому говорить о трансформации родоплеменных отношений в прообраз государственной системы абсолютно бесперспективно.

Родоплеменной строй – это такое же старье, как и "норманизм-антинорманизм". На современном уровне развития науки формирование ранних общественно-политических структур видится совсем по-другому. Основная граница проходит не по линии "догосударственное общество - государство", а по линии "простое общество - сложное общество". Простое общество – то, в котором уровень интеграции не выходит за пределы общин. Сложное – где появляются надобщинные институты управления. То есть, по сути, в простом обществе происходит взаимодействие на уровне индивидуумов, а в сложном – на уровне общественно-политических структур.

Известно большое количество моделей догосударственных и негосударственных сложных обществ. Наиболее широко распространенная – вождество, другая – племя, племенной союз. Правда с Европой все не так просто – модель вождества на европейском материале работает плохо. Но нет сомнений, что и в Европе, и в большей части обитаемого мира (за исключением отдельных изолированных человеческих групп) эпоха простых обществ кончилась очень-очень давно.

Переход от простого общества к сложному сопряжен с рядом проблем, которые необходимо было решить. Чтобы перестроить

Демагоги, пастухи и герои

систему производства таким образом, чтобы создать дополнительный, т.н. «прибавочный» продукт, недостаточно авторитета главы рода, лидера человеческой стаи – для этого необходимо неординарное, почти сверхъестественное влияние на соплеменников.

Все имеющиеся данные говорят, что интеллектуальный и экономический прорыв был революционным: на протяжении сотен тысяч лет высшие приматы изготавливали разнообразные инструменты, но разнообразие их было крайне невысоко. А главное, сама процедура изготовления этих инструментов и характер их изменений насчитывает крошечный сдвиг за сотни и тысячи поколений – примерно с такой же скоростью меняется структура птичьих гнезд. А потом, где-то порядка 150 тыс. лет тому назад, для палеонтолога почти что вдруг, почти внезапно, поскольку временная шкала глубокого разрешения, конечно, не дает, происходит настоящий интеллектуальный взрыв – на смену пяти изделиям приходят пятьдесят, возникают первые социальные институты, появляются упорядоченные захоронения со следами особых похоронных обрядов... Последнее особенно интересно, ведь выходит, что разум и религиозность появляются практически одновременно, словно две стороны одной медали. Да и, посмотрите на это с другой стороны – примеров нерелигиозных культур нам тоже в принципе не известно.

Мистическая природа власти и социального неравенства находит отражение в мировоззрении всех народов. Божественное происхождение власти фараонов и римских цезарей, длинноволосых франкских вождей и скандинавских конунгов⁷, китайских императоров и ханов Золотой Орды – всё это свидетельствует о перманентной вере в избранность отдельных людей, получивших скипетр и корону из рук божества.

Эти верования возникли однозначно не на пустом месте, хотя, конечно, в последствии усиленно поддерживались и культивировались правящими кланами. Можно предполагать, что малое число людей, получивших власть над остальными, действительно отличались незаурядными способностями от среднестатистического члена общины, во многие разы превосходя его своими качествами. Эти различия порождали благоговение и страх в толпе человекоподобных, что позволяло одному человеку

⁷ Первоначально конунг – племенной вождь у скандинавов, как правило, возводивший свою родословную к потомкам богов; впоследствии то же самое, что и король.

руководить ими, направлять их и заставлять делать всё, что ему заблагорассудится.

Первоначальная – и единственно возможная – модель раннеиерархического общества состоит во взаимодействии массы и индивидуума, стоящего рядом с ней, как бы вне этой массы. Именно рядом, а не над, потому что на тот момент уровень взаимоотношений не перешёл в плоскость «руководство – подчинение». Вся остальная социальная структура – вторична, она появляется много позже.

Усложнение внутренней жизни общества ведёт к возникновению и развитию всё более сложной системы управления. Если в небольшой группе людей лидер может существовать сам по себе как самодостаточная сила, то с развитием внутренней социальной структуры и межобщинной интеграции у него возникает потребность в помощниках. По мере усложнения системы производства и управления, а также ростом численности членов общины помощников требуется всё больше. Так образуется немногочисленная каста избранных, сгруппированная вокруг лидера.

Сначала в ней нет чёткого разделения функций, но в целом основополагающей тенденцией является то, что эта группа уже не участвует в производственном труде – она живёт за счёт прибавочного продукта, который обеспечивает её существование.

И именно с этого момента начинается мощный виток развития религии и её производных – науки и культуры, что было абсолютно невозможным ранее.

2. Заклинатели духов, изгои и воины-звери

Путь Змеи, или В начале было Слово

*Горе Израилевым пастырям,
которые пасут самих себя!
Разве не отару должны
пасти пастыри?*

Иезекииль 34:2

Духи. С тех пор как появились слово и мысль, человек начал задаваться вопросом о смысле жизни. Об истоках мира и силах, действующих в нем, о том, как избавиться от страданий и бед, в чем причинах удач и неудач, о том, как, наконец, обрести то состояние духа, которое называется "счастьем".⁸

Основой Знания изначально была магия.

Магия вообще не имеет персонифицированного источника среди богов - это свойство самого Мира, составляющие его Силы, и эти разного типа энергии как раз и представляют архетипы различных богов...

Магия породила два антагонистичных и ущербных по своей сути пути познания мира - религию и науку. И то, и другое являются лишь слепым подражанием, особой формой мимезиса, копирующей магические действия древних, но совершенно лишённой способности проникнуть за границу непознанного в силу внутренней ограниченности и догматичности мировосприятия.

Религия лишь тупо повторяет заученные и выхолощенные ритуалы, совершенно не вникая в их содержание. Поднимая на щит слепую веру, она отвергает познание как таковое, абсолютизирует форму, которая полностью заслоняет собою суть. Показательны в этом отношении слова Мартина Лютера: *«Разум есть величайший враг веры; он не является помощником в делах духовных и часто борется против божественного Слова, встречая всё, что исходит от господя с презрением.»* Зрелая религия впадает в

⁸ Мысль о том, что единственным смыслом жизни является стремление испытать эйфорическое состояние, тождественное понятию «счастье», подробно рассмотрена автором в работе «В поисках смысла».

крайний формализм, чему пример – современное христианство, выродившееся в чистую обрядность, за которой не стоит ничего, кроме слепого следования догмам.

Наука же, на словах отвергая не подтверждённую опытом веру, с головой погрузилась в рационализации, породив при этом массу новых догматов, подчас не менее абсурдных, чем те, которые выдвигает религия. Утратив своё первоначальное предназначение, современная наука ушла от эмпирического познания мира в голую теоретику. Учёные мужи, на разный манер повторяя одни и те же заученные фразы, занимаются изощёренным словоблудием, не приносящим ничего нового.

Современный мир – рационально-практический, связанный по рукам и ногам материалистическим мировоззрением, полностью отрёкшийся от своей духовной природы, давно утратил связь с истоками. В нём не осталось ничего от прежнего одухотворённого мира.

К мысли о том, что коллективные и индивидуальные представления древнего человека были всецело иррациональными, мистическими в своё время пришли многие этнографы. И только возобладавшая, в конечном счёте, материалистическая идеология отодвинула на задний план эти убеждения.

Мир первобытного человека – мир магии, мир, одухотворённый настолько, что живыми считаются не только деревья и травы, но и холодные серые камни. Г. Джонс, занимавшийся исследованием верований в Корее, пишет: *«Духи занимают все небо и каждую пядь земли. Они подстерегают человека на дорогах, среди деревьев, в горах, в долинах, в речках и ручьях. Они неустанно следят за ним днем и ночью... Даже в собственном доме человек не находит убежища от духов: они и здесь повсюду, они засели в штукатурке стен, повисли на балках, прилепились к перегородкам!»*

Сродни этому японский синтоизм – всё, происходящее в мире, обусловлено не судьбой или законами бытия, а индивидуальной волей отдельных *ками* – духов, населяющих окружающую природу.

Мир иррационален, наполнен таинственными знаками, символами, голосами, пугающе непонятен и при этом как бы наделён мистическими чертами надприродного сверхсущества. Человек в этом мире не венец творения, а всего лишь часть космоса, ничуть не более выдающаяся, чем все другие представители животного и даже растительного мира. Облик человека – лишь оболочка, которую можно сменить: отсюда рассказы о людях, превращающихся в медведя, рыбу, оленя, птицу, морского зверя или ведущих свое происхождение от них.

Демагоги, пастухи и герои

Одухотворённый мир порождает разного рода страхи, перерастающие в фобии. Боязнь темноты – это не страх перед затаившимся в ней хищником, водобоязнь – это не страх утонуть. Страх смерти вовсе не инстинктивная животная боязнь умереть, проистекающая из примитивного инстинкта самосохранения.

Страх смерти, вообще страх отличает человека от животных. Заяц, убегая от волка, не боится смерти – его гонят инстинкты, подсказывая, что если волк его всё-таки догонит, случится нечто нехорошее. Животные не осознают смерть, они не отличают живое от неживого. Они не хоронят своих мёртвых, не совершают погребальных обрядов, вообще они не задумываются о смерти – думать о смерти, будучи живым, присуще исключительно человеку.

Человеческие страхи – это, прежде всего, страхи перед неизвестным, боязнь увидеть что-то настолько ужасное, что от одной мысли об этом кровь стынет в жилах. Страх встречи с запредельным миром – вот истинная причина душевного смятения любого человеческого существа.

Все, что нас окружает - леса, поля, горы, реки, озера, отдельные деревья и даже камни, - населено духами, способными помочь человеку, если их об этом попросить, совершив соответствующий обряд. И они же могут навредить, если о них забывают, если случайно или намеренно оскорбляют их.

Мир познаётся путём общения с духами. Магия при этом выступает посредником между человеком и inferнальным миром.

Магический опыт имеет две стороны: «вслушивание» в вызовы потустороннего мира и «ответание» на них. При этом, если знамение есть послание «оттуда», то магический акт – ответное отправление; и наоборот – магическое действие, в частности, жертвование может быть обращением к запредельному с целью получения некоего блага взамен, тогда знамение – это ответ извне, нуждающийся в толковании.

Наиболее восприимчивы к голосам извне те, кто испытывает потребность творить, воплощая в реальном мире то, что приходит из области ирреального в виде символов и образов. Первоначально, надо полагать, общение с запредельным было свойственно всякому, не являясь исключительным даром некой группы избранных, однако обыденное сознание, сфокусированное на повседневных проблемах, не может концентрироваться на соприкосновении с космосом. Окружающий мир диктует свои условия, и большая часть людей в конечном счёте утрачивает связь с сакральным. Причастность к запредельному начинает рассматриваться с течением времени как ненормальность; с ней борются – сначала с

помощью религии («охота на ведьм»), а потом и посредством сумасшедших домов.

Мудрость говорит: прислушайся к голосу сердца своего; глупость речёт: пусть разум твой ведёт тебя. Эти два разнонаправленных пути – проклятие человечества, порождающее внутреннюю борьбу противоречивых устремлений и разнородных мотивов. Первому свойственна излишняя эмоциональность, преобладание духовно-чувственного начала, действие по наитию; второму – рационалистическое осмысление принятия решений, превосходство здравого смысла над иррациональными порывами.

Однако первоначальный человеческий опыт – источник первых знаний о мире – родился не из абстрактных логических рассуждений, а, скорее, возник путём чувственного восприятия. Чувствовать важнее, чем понимать. Воображение важнее, чем знание. *Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu* – нет ничего в интеллекте, чего раньше не было бы в ощущениях, основной тезис сенсуализма. Вы можете сколько угодно твердить ребёнку, что нельзя прикасаться к огню, потому что это чревато негативными последствиями – он вам всё равно не поверит, до тех пор, пока сам не испытает этого на собственной шкуре. Разум по своей сути вторичен, он лишь перерабатывает имеющуюся информацию, делает заключения и расставляет приоритеты, шаблонизируя и упрощая действительность. Разум практичен. Если чувственному мировосприятию более свойственна вера и проистекающий из неё фанатизм, то интеллекту присуща меркантильность взглядов и суждений, заикленость на материальных проблемах повседневности и неприятие всего того, что лежит в иррациональном поле.

Уход от одухотворённости и мистического мировосприятия порождает подлинный переворот в сознании. Теперь несоответствие общепринятым разумным нормам воспринимается как маргинальность, нежелание мыслить рационалистически – как психическое отклонение, а способность общаться с запредельными силами – как божественный дар.

Как уже говорилось, первоначально магический ритуал не являлся чем-либо непостижимым, недоступным для большинства членов общины – наоборот, всякий мог общаться с духами по мере потребности. В этом смысле первобытное равенство отражалось в фактическом отсутствии касты избранных, посвящённых в тайны сакрального – прикоснуться к запредельному мог, в сущности, каждый. Магические обряды аборигенов Австралии и прочих туземных племён, чей уровень развития не продвинулся дальше

Демагоги, пастухи и герои

неолита, более коллективны, чем индивидуальны. Собственно говоря, подобное духовное единство общины пытались возродить различные протестантские направления в христианстве в противовес рафинированной церковной иерархии, достигшей высшей степени кристаллизации в период позднего Средневековья. С другой стороны, узурпация функций отправления культа обособленной группой жрецов, свойственная зрелому обществу, является продуктом возвышения элитарных групп и совершенно не соответствует духу первобытного коллективизма.

Хотя общение с духами и является всеобщим достоянием, общество, всё более озабоченное проблемами выживания, которые становятся всё острее по мере роста населения, нуждается в посреднике между человеком и инфернальным миром.

Некоторые члены общины вероятно более восприимчивы к сигналам извне, чем их менее одухотворённые собратья. На фоне всеобщего внутреннего однообразия они должны были выделяться – своей необычностью, экзатичностью поведения, склонностью к впадению в особые изменённые состояния, недоступные большинству.

Исключительность этих людей делает их особенными в глазах общины. Так появляется новый тип человеческой сущности, известный сегодня большинству под названием **шаман**.

Говорящие с духами. Советское религиоведение, опиравшееся на марксистскую теорию последовательности этапов развития религиозных взглядов, так и не смогло втиснуть в прокрустово ложе «единственно верного учения» шаманизм⁹. Причина тому то, что по своей сути шаманство вообще не является разновидностью религиозного учения – оно даже не предшественник религии, а, скорее, её предпосылка, мистическая первооснова. Шаманизм по праву является прародителем любой ныне существующей религии. Кроме того, любой современный религиозный обряд в той или иной степени уходит своими корнями в техники древних шаманов.

Между религией и шаманизмом есть существенное различие. Человек религиозный говорит: «Верую!» Человек «шаманствующий» – совсем иное: «Знаю!» Как пишет исследователь шаманизма англичанин Кеннет Медоуз: «...понятие истины у религиозного человека основано на вере в слова... Понятие истины у шамана основано на личном опыте. К примеру, религиозный человек верит в существование царств за пределами физического бытия...

⁹ См. Г. Луговский. «Сатанизм и шаманство»

Шаман же знает об их существовании, поскольку сам воспринимал их в измененном состоянии сознания и общался с населяющими эти царства духами. В шаманизме вы просто делаете что-то, чтобы узнать; знание приходит через действие. Не нужно принимать систему убеждений, прежде чем двигаться дальше; не нужно связывать себя догмами и символами веры; не нужно изучать и почитать священные писания: не нужно подчиняться жесткой иерархии; не нужно приносить клятв и обетов».

Шаман, как ребенок, открыт знаниям - всем без исключения, и вот почему адепты называют шаманов «универсальными гениями». В древних сообществах - идет ли речь о Сибири, Африке, Австралии или обеих Америках - шаманы играли исключительную роль: ни одно начинание не обходилось без их участия и одобрения. Они лечили, предсказывали будущее и погоду, определяли дни свадеб и похорон, решали, где сеять хлеб, и даже служили переводчиками в общении с соседними племенами.

Кроме того, шаманы стояли и у истоков искусств. Шаман-поэт складывал заклинания-стихи. Шаман-музыкант придумывал к ним мелодии. Шаман-скульптор вырезал из дерева, камня или кости идолов...

Современное знание определяет шаманство как мировоззрение, связанное с верой в способность служителей культа быть посредником между людьми и духами (шаман в переводе с эвенкского – «исступленный»). При этом шаман отличается от традиционного языческого жреца тем, что вступает в более полный контакт с запредельными силами: он не только принимает послания божеств, но и поддерживает с ними постоянный диалог, отвечая им на равных.

Известный советский этнограф и религиовед С. А. Токарев в своей работе «Ранние формы религии» определяет шаманизм как «особую форму религии, состоящую в выделении в обществе определённых лиц – шаманов, которым приписывается способность путём искусственного приведения себя в экстатическое состояние вступать в непосредственное общение с духами». Интересна точка зрения Е. В. Ревуненковой, которая считает, что «шаманизм – это особая система мировоззрения, включающая в себя элементы рационального, иррационального и художественно-образного познания мира, выражающаяся в представлении о возможности реального общения между тремя космическими зонами вселенной, которое осуществляется особым лицом путём специального ритуала, и удовлетворяющая самые разнообразные потребности

Демагоги, пастухи и герои

данного коллектива людей (социально-психологические, эмоциональные, эстетические и др.)»

Шаманизм не создаёт какой-либо системы верований, что дает возможность практически безграничного развития человека, вплоть до познания им сути самых основ Мироздания, без актов веры или слепого поклонения чему бы то ни было. Шаманизму не присущи молитвы и мольбы, поскольку слова носят чисто действенный характер. Шаман не просит, а добивается принадлежащего ему по праву.

Данные археологии и этнографии свидетельствуют, что шаманизм существует уже от 20 до 30 тысяч лет, однако не исключено, что на самом деле он еще старше и появился на свет одновременно с человечеством. Действительно, согласно М. Элиаде ничто не подтверждает предположения о том, что в течение сотен тысяч лет, предшествовавших раннему каменному веку, человечество не жило такой же интенсивной и разнообразной религиозной жизнью, какой оно жило в последующие периоды. Следы шаманизма обнаружены во всем мире, включая очень удаленные части обеих Америк, Сибирь, Азию, Австралию, северную Европу и Африку. Пока нет данных, определенно говорящих о том, что народы, жившие в Западной Европе, в частности во Франции, знали шаманизм. Но и это не исключено. Потому что именно во Франции, в бассейне реки Гаронны, в начале XX века была открыта пещера "Трех братьев" (Труа-Фрер), на стенах которой среди изображений, датированных верхним палеолитом (40-10 тысяч лет до Р. Х.), находится самое раннее из известных в истории изображение шамана - фигура пляшущего человека с накинутой на плечи шкурой, с рогами оленя на голове и конским хвостом. Похожие изображения часто встречаются и в Азии, и в Африке, но французское, из пещеры "Трех братьев", самое раннее. Удивительное сходство шаманов далеких друг от друга частей света порождает вопрос о том, как это сходство стало возможным. Одно из вероятных объяснений - его спонтанное возникновение в различных регионах, продиктованное, очевидно, насущными общественными потребностями или присущими всем людям внутренними тенденциями.

С исчезновением шамана как такового его место занимают разнообразные специалисты, берущие на себя одну из множества шаманских ролей. Таким образом, вместо шаманов появляются целители, священники, медиумы, колдуны. Они специализируются соответственно в медицинских и ритуальных практиках, черной магии и общении с духами. Аналогией в современном западном

обществе является исчезновение врача широкого профиля и появление медиков узкой специализации.

Интересно сравнить некоторых из этих древних специалистов с их предшественником - шаманом, специалистом широкого профиля.

Священники появляются как представители организованной религии и часто выступают в роли религиозных, духовных и даже политических лидеров. Они совершают обряды и церемонии, молятся и стремятся умилостивить духовные силы ради блага себя и своего общества. Но, в отличие от своих предшественников шаманов, они почти не знакомы с измененными состояниями и не обучены им.

Если священники наследуют социально значимые магические и религиозные роли шаманов, то с темными силами управляются люди, известные как колдуны и ведьмы. Колдуны и ведьмы - это специалисты по черной магии. Поэтому их боятся, ненавидят и преследуют.

Медиумы - это специалисты по общению с духами. Они тоже входят в измененные состояния, в которых ощущают себя получающими послания из мира духов, однако их деятельность является узконаправленной, односторонней - они лишь вслушиваются голоса иного мира и передают их простым смертным, но совершенно лишены способности отвечать и, тем более, не в состоянии оказывать воздействие на inferнальные силы.

Общение шамана с духами - камлание - происходит в состоянии транса. Этот французский термин трактуется как помрачение сознания, отрешенность, самогипноз. Часто для описания состояния, в котором находится шаман, используют и другой термин - экстаз - греческое слово, означающее исступление, воодушевление, особое состояние, присущее поэтам и провидцам. Наверное, каждый очевидец шаманского камлания, бывает поражен увиденным. Запоминается костюм шамана, увешанный металлическими изображениями зверей и птиц, головной убор, увенчанный настоящими рогами или их металлическим подобием; на лице - повязка с бахромой, прикрывающая глаза. Обтянутый кожей бубен с рисунками, металлическими подвесками или без них. С его помощью шаман постепенно приводит себя в транс. Под нарастающую дрожь он кружится, выкрикивает какие-то непонятные слова, вызывая дрожь, а то и страх у присутствующих. Те, кто наблюдал поведение шамана во время камлания, отмечают такие явления, как конвульсии, выпученные глаза, пену у рта, обмороки, припадки. Добавьте к этой картине полумрак закрытой юрты или яранги,

Демагоги, пастухи и герои

тлеющий в центре жилья очаг и вы прочувствуете состояние участника камлания, поймете, что такое зрелище не забудешь.

На основании таких свидетельств многие считали шаманов психически больными людьми.

В действительности, камлание часто напоминает эпилептический припадок. Чтобы добиться состояния транса, шаман использует самовнушение, концентрирует волю, мобилизует психические и физические силы. Несомненно, важную роль при этом играет бубен, из которого шаман с помощью колотушки извлекает различные звуки. Часто еще и напевает в такт.

У некоторых народов шаманы принимают средства, способствующие наступлению транса. У индейцев Южной Америки это кактус пейоте, у коренного населения Северной Евразии - мухомор. Однако употребление галлюциногенов – признак недостаточной силы духа. Настоящий шаман может в любой момент без помощи снадобий войти в изменённое состояние, пользуясь только своими способностями. Потому-то поведение шамана может показаться приступом шизофрении, истерикой, эпилептическим припадком.

Однако ни шизофреники, ни истерики, ни больные эпилепсией никогда не могут контролировать себя. Шаманы же не только абсолютно осознанно «путешествуют» в мир ирреального, но и помнят все, возвращаясь назад. Во время транса шаман, как правило, не теряет связь с теми, кто присутствует на сеансе. По ходу дела он нередко поясняет, где в данный момент находится и что видит.

Таким образом, шаман ненормален с точки зрения обычного человека, однако является ли его ненормальность следствием изменённой психики или же это добровольное «сумасшествие»? Откуда берётся шаман, каким образом он становится посредником между людьми и потусторонним миром?

Считается, что свой особый дар шаман обычно наследует от предков. В одних культурах считается, что шаманские знания могут открыться каждому. В других бытует убеждение: будущий шаман от рождения имеет какую-то метку - огромное родимое пятно, лишний палец и т.п., это знак, что его душа еще до своего воплощения на земле общалась с духами. При этом дар может открыться и в детстве (бывают семилетние шаманы), и в довольно зрелом возрасте. Кроме того, шаман обязательно должен быть избран духами. Духи предков или духи, населяющие окрестные горы, перевалы, леса, озера, реки, как бы избирают конкретного человека посредником между ними – духами, и людьми. И когда у людей

возникают какие-то трудности, (болезнь, пропажа имущества, смерть близкого человека, а порою и просто какие-либо непонятные явления) или, напротив, у духов появляются претензии к людям (редко вспоминают, произвели беспорядок в местах обитания духов, не приносят им положенные жертвы) - во всех подобных случаях шаман выступает в качестве посредника, заставляя людей и упрасывая духов сделать то, что положено.

Сначала избранник духов начинает слышать голоса – тут уместно вспомнить, например, Мухаммеда, чья деятельность в качестве основоположника ислама началась с общения с архангелом Джабраилом или Моисея, говорившего на горе Синай с пылающим кустом; голоса эти выступают как руководство к действию, как повеление свыше. Потом он начинает следовать этим указаниям.

Призванный духами человек не вправе свернуть с указанного ему пути. Отказ от шаманского дара грозит сумасшествием или смертью. И в любой день, в любой час, неважно, хочет он того или нет, шаман должен камлать по первому зову - людей ли, духов ли. Должен служить тем и другим одновременно, ведь он - связующее звено между ними.

Но прежде, чем человек обретет шаманскую силу, заставляющую и людей и духов слушаться его, он проходит обряд инициации (испытания и посвящения). Обряд довольно мучительный, длящийся от нескольких месяцев до нескольких лет. Внешне все проявляется в форме совершения поступков, непонятных прочим людям, нередко наводящих на мысли о психическом нездоровье человека.

Существует даже специальный термин - "шаманская болезнь". Это когда духи требуют от "избранного" ими человека согласия стать шаманом, а тот не хочет, сопротивляется. В ответ духи "ломают" его, угрожают, что нашьют болезнь или даже смерть на него, на его родных. А человек отказывается принять дар потому, что понимает, что, взяв на себя роль посредника между миром людей и миром духов, он уже не будет принадлежать себе. На него ложится тяжелая ответственность перед духами за людей, за их слабости и поступки. Он должен способствовать благосостоянию своих сородичей, оберегать их от бед, бескорыстно помогать каждому, кто нуждается в помощи.

Как только тот, кого называют избранником духов, соглашается стать шаманом, "шаманская болезнь" быстро проходит. Начинаящий шаман, руководимый духами, а часто и вполне земным учителем – другим, более опытным шаманом, - начинает постепенно набирать опыт и становится все большим и большим профессионалом в шаманской практике.

Блуждания разума. Первобытно-общинный строй не случайно называют первобытным коммунизмом. Наши далекие предки работали и жили сообща. Они не знали разделения труда и противопоставления труду физическому труду умственного. В первобытном обществе не имелось сколько-нибудь существенных знаний, которые не были бы общим достоянием, поскольку от этого в прямом смысле зависело выживание всего человеческого стада. Все люди в равной степени имели доступ к полезной информации. Если кому-то приходила в голову идея, как лучше загнать мамонта в ловушку, открытие опробовалось и использовалось всеми. В условиях неизбежных лишений, голодовок, постоянной угрозы смерти нельзя было допустить, чтобы в ряды охотников затесался неспособный или ущербный, не знакомый с передовыми охотничьими технологиями человек. Такие, как правило, просто умирали, не достигнув зрелого возраста.

Однако, тем не менее, на границе перехода от обезьяночеловека к человеку разумному в человеческом стаде появляются особенные люди, стоящие как бы в стороне от остальных. Они не участвовали в добычании пищи, строительстве жилищ и прочей совместной деятельности, но, тем не менее, благополучно доживали до глубокой старости. Как им это удавалось? Почему их кормили? Почему на них работали?

Шаманизм родился из свойств человеческой психики и естественных потребностей первобытного общества. Первобытные люди нуждались в гарантиях удачной охоты, хорошего урожая, и такие гарантии мог предоставить только тот, кто может на равных говорить с духами. Тот, кто знает о тайнах окружающего мира больше остальных.

Представьте себе условия жизни и быт древнего человека. Небольшая группа людей, человеческое стадо, объединённое потребностью выжить в полной опасности постледниковой тундре или дебрях непроходимого леса. Чтобы не погибнуть, первобытным охотникам, как и всем людям во все времена, нужна была целостная картина окружающего мира, которая позволяла бы объяснять то, что в нём происходит.

Древние люди внимательно наблюдали природу. Они пытались выяснить, какие причины вызывают те или иные события. Люди прослеживали и устанавливали причинные связи. Чтобы добиться того или иного результата, человек должен был совершить ряд последовательных действий. На это указывал жизненный опыт.

Распространяя этот опыт на природные явления, человек как бы понимал, что и они возникают в результате чьих-то действий: кто-то заставляет расти деревья, кто-то устраивает камнепады в горах, затягивает неосторожного охотника в болото и т.д.

Так возникли первые представления об устройстве вселенной. Вера в духов появилась как единственно возможное в первобытном мире объяснение действительности. Она служила чем-то вроде средства познания и освоения мира, таким же, коим является современная наука.

Как пишет В. Турчин, *так как первобытный человек не умеет делать свои представления объектом анализа, они образуют своего рода мусорную кучу*. Пополняется эта куча легко, но вот расчисткой ее никто не занимается. И чем дальше, тем больше она становится, тем сложнее найти в ней рациональное звено.

И вот здесь самое время появиться человеку, который в силу своих способностей сможет выполнить важную миссию – упорядочит эти представления и, самое главное, научится их правильно использовать.

«Божий дар» имел место быть, иначе такие люди никогда бы не появились, и человечество никогда не вышло бы из полуживотного состояния. В данном случае под «божьим даром» следует понимать радикальное изменение поведенческой модели отдельной человеческой особи. Как это произошло и почему - никто не возьмется сказать, теории, конечно, есть, но только теории. Объяснить, почему вдруг одна обезьяна в племени начала мыть фрукты, спустя некоторое время вся молодежь, а пару поколений спустя и все племя стало делать то же самое - мы и то не можем. Понять же причины более сложных изменений и подавно. Поэтому объяснение может иметь только иррациональную основу – спонтанную психическую мутацию, по сути своей чудо.

«Белые вороны» периодически рождаются всюду – у бабочек и тараканов, кротов и землероек, а также среди прочей живности, но, как правило, век их недолог, потому что их выживание противоречит всем мыслимым законам природы. При этом отклонение от нормы неизбежно воспринимается как аномалия, проявление ущербности, маргинальности в конце концов.

Очевидно, что отклонения от поведенческих норм, то есть психические отклонения, существуют и у животных, хотя не так ярко выражены. Психические отклонения человека проявляются гораздо более наглядно в виду более сложной психической организации. Вероятно, такие отклонения возникали у отдельных человеческих особей и проявлялись в виде неадекватных форм поведения – в то

Демагоги, пастухи и герои

время, как остальные члены племени занимались добыванием пищи, эти люди совершали непонятные действия, чертили на песке странные фигуры, издавали странные звуки, в общем, демонстрировали, как сказали бы сегодня, очевидное расстройство психики. Такие особи в условиях дикой природы выжить не должны были в принципе, так как не могли себя прокормить, однако некоторые из них всё-таки выживали. Попробуем объяснить почему.

Поведенческая модель древнего человека мало чем отличалась от поведения высших животных. Однако психическая и интеллектуальная эволюция привели к тому, что человек стал смотреть на мир несколько по-другому, не так, как другие животные. Выше мы уже писали о восприятии древним человеком причинно-следственных связей в окружающем мире, и в этой картине мира психические аномалии отдельных людей также находили своё естественное объяснение.

Ещё пару столетий назад психически больные люди воспринимались как одержимые некими запредельными силами – бесами, духами и т.п. Само слово «сумасшедший» во многих языках буквально означает одержимый, находящийся во власти потусторонних сил или богов (ср. укр. «божевільний»). Показательно отношение к т.н. «юродивым» на Руси, описанное и в художественной и в научной литературе. Примечательно, что нередко подобным было отношение и к людям искусства – поэтам, художникам, певцам и т.д., а также к философам и учёным. То есть на протяжении веков присутствует очевидная тенденция, которую не смогло искоренить из человеческого сознания даже всемогущее просвещение.

Когда в человеческом стаде появлялся свой «сумасшедший», очевидно, он должен был оказаться в положении изгоя. С одной стороны, чужаковатость поведения воспринималась как ненормальность, а с другой вызывала вполне естественные опасения, потому что всё незнакомое и непонятное порождает страх. Особенно если человек начинал демонстрировать странности поведения вследствие какой-либо нестандартной ситуации – например, выживал в условиях, когда должен был погибнуть (во время катаклизма, несчастного случая, нападения животного и т.п.), что, конечно, может быть объяснено пережитым потрясением, однако это очевидно для современного человека и совершенно неочевидно для человека первобытного. Вероятно, от психически неадекватных и бесполезных для общества особей старались избавиться – выгоняли в лес или даже пытались убить, сбросив со

скалы или умертвить каким-либо иным способом. Когда же при этом в силу счастливого стечения обстоятельств человек возвращался обратно живым и невредимым, это неизбежно вселяло суеверный страх в его соплеменников.

Примечательно, что практически неотъемлемым элементом шаманской инициации является ритуальное «умирание» и последующее воскрешение. Кстати, этот ритуал был распространён весьма широко, и имел отношение, например, к обрядам посвящения в воины. Вероятно, он как бы повторяет нечто, бывшее в реальности, то, о чём мы говорили выше.

Страх, несомненно, один из главнейших факторов в данном случае. Исходя из специфики первобытного мировосприятия, следует полагать, что такие люди должны были рассматриваться как «спасённые духами» или «избранные духами» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если же они ещё и общались с духами, видели их, слышали их голоса, то страх был просто неизбежен. Именно этому первобытному страху обязан своим появлением первый шаман.

Эволюция шаманизма начинается, очевидно, со случайных совпадений, стечений обстоятельств, в которых люди, имеющие определённые психологические предпосылки стать непохожими на остальных, проявляли себя неожиданным и необычным для соплеменников образом. Это позволило шаману занять обособленное положение в примитивном человеческом обществе, и именно это было первым примером нарождающегося социального неравенства.

Усвоив и приняв мысль, что отдельный член общины владеет некими способностями, благодаря покровительству со стороны духов, люди подготовили почву для будущего расслоения общества на тех, кто управляет и тех, кем управляют. Возник прецедент, когда отдельная личность, шаман, завладела чем-то важным, необходимым всему племени и тем самым возвысилась над прочими людьми, противопоставила себя первобытной коммуне.

Шаман был первым человеком, полностью освобождённым от производственного труда. Соплеменники, считавшие его избранником духов, очевидно, должны были поддерживать его существование хотя бы из страха этих самых духов прогневить. Вероятно, шаман также потреблял жертвенную пищу, предназначенную для духов.

Получив свободу, шаман вместе с ней получил возможность постигать мир, поскольку, в отличие от своих озабоченных добычей пропитания соплеменников, имел на это достаточно времени.

Демагоги, пастухи и герои

Несомненно, такие люди сами по себе должны были отличаться от остальных умственными способностями, и развитие этих способностей позволило им превзойти всех остальных членов племени в интеллектуальном плане.

Разумеется, что определённые знания накапливались в человеческом обществе веками. Древние люди знали свойства трав, особенности поведения животных, причуды погоды, однако только шаман имел время и возможность эти знания систематизировать и обобщить. Более того – он постоянно получает новые знания, наблюдая за природой. Обособившись, шаманство стало развиваться своим собственным, самобытным путем, по сути, присвоив себе исключительное право на познание окружающего мира. Шаман фактически узурпировал до сих пор являвшееся общим достоянием Знание, а вместе с ним монопольное право на его использование.

Владеющий Словом. Деятельность шамана неразрывно связано со Словом, поскольку «говорение» - неотъемлемая часть шаманского действия. Некоторые исследователи напрямую связывают развитие, и даже возникновение языка с шаманской практикой. Конечно, у первобытных людей существовала примитивная сигнальная система, позволяющая обмениваться информацией, но эта система носит сугубо утилитарный характер. Шаман же не просто говорит – он передаёт людям информацию из запредельного мира, изобретая при этом новые слова и понятия, поскольку без них здесь не обойтись. Вероятно, он же даёт названия до сих пор неизвестным предметам и явлениям, формируя, таким образом, словарный запас первобытного языка.

Бессмысленных слов для первобытного человека нет и быть не может. Если он не понимает слова, то оно пугает, как пугает незнакомое животное, или оружие, или природное явление. Общественной нормой мышления является отношение к словам, как к чему-то безусловно данному, абсолютному, не отделимому от других элементов реальности, ибо связь между языком и действительностью еще не стала объектом мысли. Это очень существенное отличие от современного образа мышления.

Индеец рассматривает свое имя не как простой ярлык, но как отдельную часть своей личности, как нечто вроде своих глаз или зубов. Он верит, что от злонамеренного употребления его имени он так же верно будет страдать, как от раны, нанесенной какой-нибудь части его тела. Это верование встречается у разных племен от Атлантического до Тихого океана.

Потому у многих народов распространен обычай пользоваться в быту не «настоящим» именем человека, а его прозвищем, которое рассматривается как нечто случайное и произвольное. Исследователь народов Западной Африки А. Б.Эллис утверждает, что среди них существуют верования в реальную и физическую связь между человеком и его именем: можно ранить человека, пользуясь его именем. Настоящее имя царя всегда является тайным.

Именно поэтому владеющий словом внушает окружающим суеверный страх и уважение.

Шаман, как уже говорилось, – это первый поэт. Поскольку его призвание – пересказывать людям то, что говорят духи, средств примитивного языка для этого недостаточно. Поэтому он использует сложные речевые обороты, словосочетания, рождающие поэзию. Не случайно люди, чья деятельность связана со Словом, часто воспринимаются как связные между людьми и духами или богами – например, скальды в древней Скандинавии наделялись способностью не только слагать стихи, но и видеть будущее; аналогичные представления существовали и у других народов.

После «изобретения» речи шаман делает следующее открытие - он изобретает обман.

На самом деле умение лгать неразрывно связано с умением говорить. Ведь для того, чтобы обмануть, необходимо мастерски владеть Словом – примитивная сигнальная система животных для этого совершенно непригодна. Речь "в примитивном виде" все-таки не речь. Примитивная речь не позволяет передать абстрактные понятия; так же она не позволяет передать заведомо ложную, неправдивую информацию.

Мы не берёмся утверждать, что изначально все шаманы были сознательные лгуны, однако ложь становится необходимым атрибутом шаманской практики, ибо она необходима, дабы поддерживать у соплеменников веру в сверхъестественные способности говорящего с духами.

Вся практическая деятельность человека может быть разделена на два вида: на деятельность, результаты которой зависят, прежде всего, от самого человека, - свободную практическую деятельность, и на деятельность, результат которой опосредован не поддающейся контролю человека игрой случайностей, - несвободную, зависимую практическую деятельность. Человеческая практика всегда включала в себя как свободную, так и несвободную деятельность.

Приведём одно высказывание крупнейшего русского этнографа Л. Я. Штернберга, в котором обобщены результаты наблюдений над

Демагоги, пастухи и герои

жизнью современных народов, находящихся на стадии первобытного общества: *"Какими же методами человек борется за свое существование? В первую очередь применяет он свои собственные силы. Наряду с грубой физической силой он применяет свое великолепное орудие - свой интеллект, свои изобретения - орудия, которые существовали уже с древнейшего известного нам периода человеческого существования. Его основной метод борьбы за существование - это метод техники, изобретений. Но вот оказывается, что все его гениальные изобретения недостаточны для борьбы с природой. При всем своем искусстве в одном случае он направляет стрелу в животное даже в самую плохую погоду и убивает его, а в другом случае при самых благоприятных условиях делает промах, стреляет и не попадает. В одном случае он может наловить рыбы в один день столько, что ее хватит надолго, а в другом случае могут пройти целые месяцы и он не поймает ни одной рыбы. Одним словом, перед ним в борьбе за существование встает "его величество случай", то, что мы называем удачей, счастьем и т.д., явление, для него совершенно непонятное, таинственное".*

Чтобы воздействовать на неведомое, используются различные формы магического ритуала. В частности, все люди всегда психологически настраивают себя на предстоящее дело. Прежде чем приступить к делу, люди убеждают себя, что оно будет выполнено. Здесь мы ведем речь не о практической подготовке, когда заранее составляются планы, готовятся необходимые инструменты и т.п., а о психологической, о той подготовке, которую психологи называют аутотренингом. Готовясь к чему-либо, люди занимаются самовнушением.

Шаманский ритуал, как и любой магический ритуал, есть комбинация действий, имеющих целью воздействовать, в первую очередь, на человеческую психику. В данном случае для успеха его проведения необходима вера – вера шамана в свои силы и способности, а также вера людей в силы и способности шамана. Для укрепления этой веры шаман должен был постоянно совершенствоваться в своём искусстве. Поиски эффективных приёмов психического воздействия не похожи на изобретение приёмов охоты или сельского хозяйства. Однако от их успешности часто напрямую зависела успешность повседневной деятельности, направленной на производство материальных благ.

Таким образом, камлание превращается в представление, театральное действие, имеющее целью поддержать веру в

сверхъестественность способностей шамана и заставить людей делать то, что последний считает нужным.

Людам и в голову не приходило, что их обманывают. Ведь когда-то, на самой заре человечества, обмана просто не существовало! Теперь же человек, обладающий большими знаниями и способностями, получает возможность дурачить целое племя, благополучно существуя за его счёт. Так с течением времени магическое действие превращается в фарс, а гений становится деспотом.

Однако следует заметить, что если бы шаманизм был бы просто мистификацией или примитивной религией, он бы не продержался столетия, выдержав натиск и христианства, и коммунизма, и не получил бы второе рождение в последние годы.

Жрецы, боги и мегалиты. Первобытное общество, как мы уже говорили, не знало иерархии. Не знала иерархии и первобытная религия. Это нашло отражение в представлениях древнего человека об inferнальном мире – в этом мире нет главного божества, нет всеопределяющей силы, нет соподчинённости одних духов другим, в конце концов, нет духов более главных и духов подчинённых. Любая сила существует как «явление в себе», и с каждой силой нужно вести отдельный диалог с целью её задобрить и получить в ответ какое-либо благо.

Такова структура первобытной религии.

Мир inferнальный, потусторонний есть ни что иное, как зеркальное отражение мира реального, повседневного, его двойник, развивающийся и меняющийся вместе с ним. Эволюция социальных отношений неразрывно связана с эволюцией религиозных представлений – они идут рука об руку с тех самых времён, когда человек разумный выделился из животного царства.

Структура взаимоотношений в первобытном обществе выглядит как система «община – шаман», компоненты которой находятся в одной социальной плоскости и взаимодействуют на равных. С усложнением шаманской функции и процессом накопления знаний положение шамана становится не только обособленным и привилегированным – шаман занимает доминирующее положение в общине. Коммуникация становится односторонней – вместо диалога, когда в процессе коммуникации участвуют все, складывается ситуация, когда шаман говорит, все же остальные только слушают.

Такая форма коммуникации не свойственна примитивным обществам с малоразвитыми формами религии. Она более соответствует эпохе перехода к язычеству, в котором, помимо

Демагоги, пастухи и герои

усложнения собственно самих религиозных представлений служители культа выделяются в особую касту. Если в шаманизме участниками магического обряда являются в той или иной мере все присутствующие, в языческом же ритуале жрец монополично выполняет религиозное действие, все же остальные могут лишь наблюдать и слушать, часто вообще не понимая смысла происходящего. Именно по этой линии проходит разделение примитивных религий простых обществ и религиозных представлений, свойственных сложным обществам.

Эволюция религии видится нам в следующем контексте.

Боги сначала живут среди людей, общаются и взаимодействуют с ними на равных. Затем они постепенно удаляются, сначала в труднодоступные места вроде горы Олимп или легендарного Асгарда, а затем возносятся на небо. Место полиморфности занимает унификация, и в конце концов на смену вере во множество многоликих божеств приходит вера в единого бога-царя.

При всём при этом человеческое существование предстает театром военных действий, которые ведут между собой боги. Квинтэссенцией реальности выступает в этом случае *политика* людей, которая обозначает собой войну богов, продолженную "другими средствами".

В мифологизированных представлениях древних народов жречество начинает рассматриваться как *"общественно полезная"* функция, неразрывно связанная с *политикой*. Политика оказывается *большим жречеством, чем само жречество*. Она начинает представлять собой таинство коммуникации, причем не только коммуникации между людьми, но и коммуникации людей с богами (и даже богов друг с другом). Политика постепенно перестала нуждаться в сакрализации - по сути, она воспринималась как практика установления договорных отношений с богами, то есть в каком-то смысле как *практика контроля над сакральной сферой*. Кульминацией подобного отношения к политике стало возникновение системы церемониалов, известных под общим названием *эвокации*. *Перед тем, как подчинить себе очередной италийский город, римляне научились переманивать на свою сторону его божественных патронов* (которые после успешного завоевания мгновенно становились ипостасями богов традиционного римского пантеона).

Религия Шумера и Древнего Египта сильно отличается от религиозных представлений пещерного века. Это религия высокоразвитого общества со сложной иерархической структурой, ломающая представления о поступательном развитии всей

человеческой цивилизации в целом. К примеру, религия древних германцев тысячи лет спустя не представляла собой единой системы религиозных воззрений; она выдвигает на передний план толпу человекообразных полугероев-полубогов с неопределёнными чертами и функциями, которые как бы создают общий фон, на котором происходит противоборство высших божеств, олицетворяющих в сильно приближённом виде добро и зло. Эта религия более соответствует верованиям греческих племён времён «Илиады»; однако греческая цивилизация в процессе своей эволюции создала гораздо более сложную и упорядоченную форму религии, в отличие от народов Северной Европы, которые сделать этого не успели в виду ранней и очень быстрой христианизации, поглотившей их древние верования. Соответственно и уровень развития человеческих сообществ европейского севера в том виде, в котором он впервые описан, сопоставим, вероятно, с египетской цивилизацией ещё до периода Раннего Царства.

Об эволюции общественных отношений в долине Нила мы можем судить только предположительно, по аналогии с другими народами, но следует полагать, что переход от простого общества к сложному в Египте произошёл очень давно, вероятно, за пять-шесть тысяч лет до новой эры, если не раньше.

Древние египтяне, согласно свидетельствам Геродота, были самым богобоязненным и религиозным народом Древнего Мира.

Ранее было принято считать, что тотальный контроль жрецов негативно отражался на жизни египтян и на развитии государства. На самом деле жрецы – хранители священных традиций – сыграли положительную роль в истории и культуре Древнего Египта. Об этом свидетельствует неоспоримый факт – ни одна цивилизация не просуществовала столь длительный период как древнеегипетская. Древний Египет часто вёл войны и проигрывал их, однако не переставал существовать как государство. Это указывает на то, что жрецами, очевидно, на случай проигрыша в войне был выработан некий принцип, который можно условно назвать "принцип культурного сотрудничества" со странами победительницами. Монотеизм как самая прогрессивная форма религии также возник в Древнем Египте. Гигантские сооружения в долине Нила, храмы, сфинксы и пирамиды, продукт многолетней работы сотен тысяч безымянных строителей, совершенно бесполезный с практической точки зрения — вот нерушимый материальный символ беспредельной власти царей-жрецов. Кстати, существование таких сооружений, как Стоунхендж наводит на мысль о существовании могущественной касты жрецов и у древних народов Европы.

Демагоги, пастухи и герои

Определённые параллели, правда, с некоторыми оговорками, здесь можно провести со средневековым европейским обществом, в котором священники обладали едва ли меньшей властью.

Здесь, следуя за Ле Гоффом, стоит поразмыслить над психологической почвой, пригодной для того, чтобы на ней внезапно расцветали коллективные кризисы, произрастали телесные и душевные болезни, религиозные сумасбродства. Средневековые изобиловало одержимыми, несчастными жертвами колдовских чар или вошедшего в их тело дьявола. Одни лишь святые могли их спасти и заставить нечистого выпустить свою жертву из когтей.

Средневековые было по преимуществу временем великих страхов и великих покаяний — коллективных, публичных и физических. Этот мир до фанатизма религиозен, может быть, гораздо более религиозен, чем древние сообщества в долине Нила. Власть священников пронизывает его насквозь — от самых низов до правящей верхушки.

Однако, если в Древнем Египте всё государство, в том числе и служители культа, хотя бы формально подчинялось богоподобному царю-жрецу, то в мире средневековой Европы верховный жрец — папа — узурпировал божественную власть, низведя светских владык до уровня простых смертных.

Григорий VII в своё время напоминал императору, что, не умея изгонять бесов, тот уступает простым экзорцистам. Гонорий Августодунский утверждал, что король есть обычный мирянин, ибо *«король может быть лишь или клириком, или мирянином. Если он не мирянин, он клирик. Но если он клирик, он должен либо совершать причастие, либо быть проповедником, либо экзорцистом, либо ризничим, либо дьяконом, либо протодьяконом, либо священником. Если он не обладает никаким из этих санов, тогда он не клирик. Если он не мирянин и не клирик, он должен быть монахом. Но его жена и его меч мешают ему считаться монахом»*.

Показательным в контексте борьбы за власть является так называемый «Константинов дар» - грамота, по которой император Константин якобы подарил папе Сильвестру свой императорский дворец в Латеране, императорские инсигнии, и вообще всю западную часть империи (*"Romae urbis et omnes Italicae seu occidentaliu[m] regionu[m] provincias, loca et civitates"*), а сам переехал в Византий. "Дар" был составлен, скорее всего, около 752 года, хотя не исключена и более поздняя дата. Что это фальшивка, знали уже в

XI веке, но римские папы отстаивали подлинность документа вплоть до XVI столетия.¹⁰

Создали фальшивку, само собой, в интересах папства. Менее очевидно, от кого защищали папство: от византийского базилиевса или от Карла Великого. Возможно, сразу от обоих. Главная идея проста: земному властителю нечего делать там, где находится представитель небесной власти.

Революционные метаморфозы Нового Времени низвергли власть клириков вместе с властью королей, заменив её властью демагогов. Современное общество с его так называемой *демократией* по своей сути мало отличается от древнегреческого полиса. Власть демагогов в сильно выхолощенном и изменённом виде есть ни что иное, как трансформировавшаяся в соответствии с веяниями времени власть жрецов-колдунов, искусно манипулирующих сознанием масс. Культовые сооружения, будучи не менее дорогостоящими и значимыми, становятся меньше и практичнее. На смену служению Богу приходит служение неким абстрактным идеалам, Библию заменяет Конституция, а церковные песнопения — высокопарные речи с трибуны.

Разграничение политической и магической практик привело к возникновению "*политики*" как самостоятельного способа социальной жизнедеятельности. В итоге управление осуществляется уже не под эгидой царя-жреца, обладающего сакральным даром его осуществления, а под эгидой гражданской власти, которая реализуется в самом факте жизнедеятельности общины (по типу полиса в Греции и *цивитаса* в Риме).

Суть, однако, от этого не меняется. Собственно, модель власти, возникшая после великих новоевропейских революций, характеризуется тенденциями её десакрализации и деперсонификации. Мифологическая сакрализация носителей власти сменяется мифологизацией её абстрактных, подчеркнута деперсонифицированных функций, которые символизируются идеей государственной службы (не путать с *государевой* службой!). Обожествление властителя трансформируется в обожествление самой власти, которая воплощается не столько харизматичным представителем, сколько безликой суммой вступивших в конкуренцию антропологических единиц, именуемых массой.

¹⁰ Самая древняя из существующих копий этого документа находится в Национальной библиотеке в Париже и датируется IX в.

Демагоги, пастухи и герои

Соответственно, культ власти связан теперь не с образом ее выдающегося носителя, а с перспективой тотальности контроля всех за всеми, в просторечье именуемого "демократией".

КНЯЗЬЯ ВОЙНЫ

*Возврати меч твой в его место,
ибо все, взявшие меч, от меча и погибнут.*

Евангелие от Матфея 26:52

В жестокой борьбе за место под солнцем побеждает сильнейший. Магия Слова заканчивается там, где начинается бесконтрольный разгул грубой физической силы. И если гений, по словам К. Юнга – опаснейший плод на древе человечества, то во сто крат опаснее гений военный, утверждающий своё превосходство силой, чем гений интеллектуальный.

Многочисленные военные конфликты, имевшие место на протяжении известного нам исторического периода наглядно показали, что вооружённый всегда сильнее безоружного, двое сильнее одного, а трое сильнее двоих. Военная сила, кулак в железной рукавице – этот последний довод королей, решающий аргумент в любом споре, - незамедлительно идёт в ход, когда прочие методы внушения оказываются малоэффективными. Когда политики оказываются не в состоянии урегулировать конфликт мирным путём, за дело берутся военные.

В различные периоды истории милитаризм то сводился к минимуму, то расцветал буйным цветом. Последнее, как правило, имело место в те моменты, когда общество впадало в состояние внутренней деструкции, и организующая роль гражданской власти сводилась к нулю. Ситуация, которую советские историки называли революционной – когда верхи не могут, а низы не хотят, - провоцирует силовые решения наболевших проблем. Именно по этой причине во времена этносоциальных брожений периода военной демократии на просторы истории выходят хорошо вооружённые, исполненные отваги и жажды подвигов воины – облачённые в ореол силы и славы свирепые и непобедимые князья войны.

По праву сильного. В наиболее отдалённые от нас периоды истории, как уже отмечалось выше, человек жил по принципам, присущим животному миру. Как и большинство коллективных животных, люди создавали небольшие замкнутые сообщества (вряд ли название "племена" применимо к этому способу организации) численностью в несколько десятков особей. Каждое такое

Демагоги, пастухи и герои

сообщество занимало определённую территорию, необходимую для того, чтобы прокормиться и выжить. Контакты между такими группами были редки в силу малой численности людей вообще и огромных (часто непреодолимых) пространств, разделявших регионы их обитания. Однако по мере сокращения природных ресурсов и вызванными этим миграциями, а также увеличением населения в целом, между ними возникает конкуренция, перерастающая в борьбу за ресурсы, ставка в которой – жизнь.

Конкуренция первобытных сообществ легко поддаётся описанию с помощью простой схемы: ресурсы местности истощались, и человеческие особи начинали ощущать недостаток пищи. Наступал момент, когда дело принимало критический оборот: в округе не оставалось практически ничего съедобного. Движимое инстинктом самосохранения, человеческое стадо предпринимает попытку захватить соседние участки земли. При этом, если эти участки уже оказывались занятыми, оно получало отпор со стороны другой человеческой группы, движимой теми же инстинктами. В животных сообществах в подобной борьбе перевес вполне естественно оказывается на стороне более многочисленной группы: малая группа вынуждена сдаться, умереть с голоду, исчезнуть. Так обстояли дела и в популяциях первобытного человека. До определённого момента – пока человек не изобрёл *оружие*.

Неизвестно когда и как появилось первое орудие убийства, однако мы можем утверждать, что это было первым и наиболее востребованным из всех орудий труда. Судите сами – ничто иное в истории человечества не совершенствовалось так, как совершенствовалось оружие, пройдя сложный путь эволюции от каменного топора до атомной бомбы. Если для Гоббса человек человеку стал волком, то у Августина *«даже львы и драконы не устраивали таких страшных войн против себе подобных, какие мы ведем друг против друга»*.

С появлением оружия ситуация радикально изменилась. Если до этого исход большинства стычек был вполне предсказуем, то теперь, с изобретением новой методики нападения, никто не мог знать наверняка, как будут развиваться события. Численность «обезьяньего войска» больше ничего не значила: побеждал тот, кто умудрялся обзавестись лучшим оружием и умел им хорошо владеть – иными словами, выиграть поединок или войну можно было теперь, только превзойдя противника в изощренности атаки. Лишь один аспект борьбы за существование, пожалуй, остался прежним – спасался тот, кто быстрее бегал.

Завоевание Америки и колонизация Африки наглядно демонстрируют превосходство более развитых в смысле вооружённости и военной техники обществ над менее развитыми. Настоящий воин – это сплав силы духа и военных технологий; хорошо вооружённый, но слабый духом и неподготовленный боец бесполезен в сражении, точно так же как доблесть и отвага, не подкреплённые силой оружия. Средневековый рыцарь не случайно с показным презрением относился к драке на кулаках, недостойной дворянина, потому как такой вариант объективно ставил его на один уровень с простолюдином. Один на один ацтекский воин и испанский конкистадор не уступят друг другу в рукопашной схватке, однако меч, аркебуза и стальные доспехи против деревянного щита и дубинки из обсидиана не дадут индейцу ни малейшего шанса. Многочисленные, отважные, но плохо вооружённые племена становятся жертвой оснащённых по последнему слову военной техники завоевателей. Точно так же, как ранее значительно более развитые экономически, политически и культурно римские провинции пали под натиском непросвещённых, но владеющих агрессивными военными технологиями варваров. И дело здесь вовсе не в численности – население римской Испании насчитывало, по меньшей мере, 5-6 миллионов, в то время как численность вестготов, создавших там своё государство (прихватив при этом ещё и изрядный кусок Африки), по различным оценкам составляло не более ста тысяч. Деградация военной техники поставило наследников великой державы в неравное положение с милитаризованными германцами (которые в последствии сами стали жертвой ещё более милитаризованных арабов).

Разумеется, следствием внедрения в обиход оружия стал неминуемый и стремительный прогресс военного дела. Новые серьёзные конфликты между сильными племенами постепенно превратились в настоящие войны. Орудия войны совершенствуются, совершенствуются и методы их применения. В то же время силовое решение конфликтов с применением оружия проецируется и на взаимоотношения внутри общины, знаменуя собой колоссальный психологический сдвиг: лидирующее положение в группе занимает не тот, кто лучше всего умеет охотиться и добывать пищу, а тот, кто с помощью палицы и топора доказал своё превосходство над своими сородичами.

Роль оружия в войне была тем более значительна, чем меньше его было в повседневном обиходе. «Каменные» и «деревянные» цивилизации не могли произвести высококачественное вооружение, да ещё и в большом количестве. Собственно, и с идеологической

Демагоги, пастухи и герои

точки зрения камень и дерево в большей степени средства созидания, обладающие рядом позитивных свойств. Иначе обстояло дело с железом. Холодный и твердый металл, связанный с убийством и разрушением, являлся предметом многочисленных древних табу, продиктованных мрачным миром подземных рудников, угольных ям и закопченных кузниц — миром кузнеца, мудрого и ужасного колдуна, ведшего уединенный образ жизни, знавшего песни-заклинания древних богов и тайны превращения железа в податливый материал. Нередко лучшие образцы оружия по легендам изготавливаются гномами или великанами в недрах огнедышащих гор и других малопривлекательных местах.

Наступление «железной эпохи» знаменовалось расцветом воинских культов. Чрезвычайно дорогостоящее, но в то же время источник могущества и богатства, железо ревностно хранилось его владельцами. Именно оно стало тем средством достижения мистической военной мощи, волшебным ореолом окутывающей деяния прославленных героев древности, их непременным атрибутом и предметом поклонения...

«...Тогда Октер, которому была ведома ни с чем не сравнимая сила Карла, проговорил, и голос его дрогнул от страха:

— Когда увидишь, что в полях колосятся железные всходы, а реки По и Тичин катят на берег крутые железные волны и железный разлив грозит смыть города, то знай — это Карл.

Едва он умолк, как на западе появилась грозная черная туча, предвещающая ужасный ураган. Померк дневной свет, и воцарилась жуткая темнота. Император приближался. Сверкание клинков ослепляло осажденных. День был мрачнее самой черной ночи. И они узрели его наконец. Это был Карл, железный император. На голове его — железный шлем, руки его — в железных наручах, грудь и широкие плечи покрыты железными латами, в левой руке высоко поднято железное копье, в правой — рукоять непобедимого меча... Даже щит его был целиком из железа. И конь его тоже поблескивал железным блеском... Железом наполнились поля и равнины. Солнце сверкало, отразившись в сиянии железа. И народ Павии, став от ужаса холоднее самого железа, преклонил колена перед хладным клинком. Обитатели мрачных и грязных подвалов побледнели от ужаса, увидев сверкающие клинки. Слышались отовсюду стенания горожан:

— О, тяжело ты, железо! Горе нам, железо!»¹¹

¹¹ Цит. по: Ф. Кардини. Истоки средневекового рыцарства.

Собственно, человеческая история – это история войн, и вершит её не хлебороб или пастух, а вооружённый с ног до головы боец. Большинство известных нам государств варварской эпохи возникли как следствие завоевания одних племён другими, при этом малочисленные, но хорошо вооружённые завоеватели образовали господствующий класс, а массы местного населения, в основном безоружного, превратились в зависимых и бесправных рабов. Один из более поздних тому примеров – норманнское завоевание Англии; при этом различия между господами и рабами были настолько очевидны, что на протяжении трёхсот лет (вплоть до Столетней войны, когда соседи-французы превратились в непримиримых врагов, а говорить на языке врагов стало непатриотично) английская знать говорила по-французски, а всё остальное население – на английском языке.

Культ силы с течением времени приобретает всеохватывающий характер. Наиболее наглядно переход к силовым решениям прослеживается в деле судопроизводства – ордалия, «суд божий», имевший до этого вид магических действий, принимает форму судебного поединка. Причём здоровый мужчина обязан был защищать себя сам, а женщина, старик или иной человек, по разным причинам неспособный сражаться, могли выставить заместителя. Примечательно, что замена поединка вергельдом – выплатой денежной компенсации – воспринималась раннесредневековым общественным мнением не как признак "гуманизации" общества, а как признак "порчи нравов", достойный всяческого осуждения.

...Все знали, как поступают в том случае, если двое одинаково крепко уперлись во взаимной обиде, так, что уж и не разберёшь, кому истцом быть, кому отвечать! Выносят железо и раскаляют его в жестоком огне, а потом дают обоим нести его в руках. И через день-другой смотрят ожоги: у кого как зарастает. И говорят люди, будто ни разу ещё не выходил чистым виновный - злая кривда не позволяет его язвам исцелиться быстрее...

...Тут князь глянул поочерёдно на тяжущихся и впервые подал голос:

- Правда велит на железо вас обоих имать... Ты, Добрыня, поднимешь ли его в руке?

И кожемяка швырнул шапку на лёд:

- Подниму!

Рюрик повернулся к Гуннару Сварту:

Демагоги, пастухи и герои

- А ты, гость урманский?

Гуннар не торопясь отделился от своих, вышел вперед. Снежинки садились на его бороду и таяли в ней. Он сказал:

- Мне незачем бояться железа, конунг, ведь на мне никакой вины нет. Но думается, что такое испытание не для свободного человека. У нас на клевету отвечают хольмгангом! И решают дело оружием, один на один! Да ты сам то знаешь, не мне тебя поучать.¹²

Действительно, в ходе судебного поединка верх одерживал более сильный и умелый, а – главное – морально устойчивый воин, следовательно, более ценный для общества с практической точки зрения. В то же время, если принять во внимание внутренний настрой сражающихся, уверенный в своей правоте боец имеет больше шансов на победу, чем его противник, подавленный психологически и подсознательно готовый к поражению – в этом, собственно, квинтэссенция божьего суда в применении к судебному поединку. "Денежное" же решение спора могло предоставить преимущество менее ценному с точки зрения моральных и других качеств человеку, владеющему большим богатством в силу каких-то случайных обстоятельств или даже низменных черт своего характера (склонности к скопидомству, хитрости, торгашества и т.д.), то есть стимулировало не "доблесть", а "порок". Неудивительно, что при таких взглядах на данный вопрос судебный поединок смог сохраниться у германских народов вплоть до конца Средних веков и даже пережить их, превратившись в дуэль.

Отметим, что авторитет старинного суда англосаксов, в котором решающую роль играл поединок, подорвали реформы Генриха II Плантагенета в XII в., а официальная отмена такого рода суда произошла только в 1818 г.

Тут уместным будет отметить, что германцы рассматривали войну вообще и сражение в частности как своего рода судебный процесс, выявлявший "правду" и "право" каждой из сторон. Показательна в этом смысле речь, вложенная хронистом Григорием Турским в уста франка Гондовальда: *"Бог рассудит тогда, когда мы сойдемся на поле битвы, сын я или не сын Хлотаря"*. С современной точки зрения подобный способ "установления отцовства" кажется анекдотическим, но для германцев он был вполне рационален. Ведь фактически Гондовальд претендовал не на установление "биологического факта" отцовства (что в то время

¹² М. Семёнова. Урманские гости

было просто невозможно), а на материальные и юридические права, проистекающие из этого факта. И сражение должно было установить, обладает ли он необходимыми качествами и способностями, чтобы удержать и реализовать эти самые права.

В свете подобного понимания войны не случаен для варварских народов обычай решать исход боя или даже военной кампании поединком двух или нескольких бойцов. В самом деле, зачем проливать кровь множества людей, которых в то время и так было мало, если всё равно всё в руках Божьих, и войну выиграет наиболее достойный.

Одержимые. Прежде мы говорили о том, что шаман живёт как бы на грани двух миров – мира человеческого и мира духов. Шаманское камлание – ритуал, открывающий дверь в иную реальность, проход между этими двумя мирами. В то же время настоящий воин – это отчасти шаман, не случайно его действия напоминают действия шамана: он точно также впадает в изменённое состояние, незнакомое другим людям. Нередко воины перед боем употребляли галлюциногены – например, те же самые мухоморы. Параллелей можно провести достаточно. Шаманский характер кавалерийской атаки отмечают разные авторы. Барабанный бой, сопровождающий её, тем более сближает экстатическое состояние воина с шаманским трансом – тот самый барабанный бой, буквально околдовавший в битве при Каррах легионы Красса. Одежда и атрибутика воина – цепи, ленты, знамёна, перья и рога на шлемах, боевая раскраска, доспехи, оружие – всё это сильно смахивает на шаманские атрибуты. *«Чем живописнее одет солдат, тем больше у него желание драться, тем ужаснее он для врагов»*, – писали средневековые авторы. Кроме того, описано особое состояние, подобное шаманскому трансу, у скандинавов, например, именуемое боевым безумием.

В связи с этим следует рассмотреть один небезынтересный исторический факт – ритуальное превращение воина в дикого зверя, естественно не в прямом смысле. Следы «превращения в зверя» с древности хранят воинские лексиконы и геральдическая символика, унаследованная от античности и средневековья. Обычай присваивать тем или иным армейским подразделениям имена диких животных тоже берет начало в глубоком прошлом, как и выражения «сильный как бык», «храбрый как лев» и тому подобные.

У древних германцев зверю подражали, он играл роль наставника при инициации (когда юноша, вступая в ряды взрослых воинов, демонстрировал свои боевые умения, ловкость, мужество и

Демагоги, пастухи и герои

храбрость). Одной из форм инициации являлась схватка с этим зверем, которая завершалась поеданием его плоти и питьем его крови. Воину это должно было придавать силу и ловкость, отвагу и ярость дикого зверя. Победа человека над тотемным животным (которое считалось предком и покровителем данного племени) означала передачу воину самых ценных звериных качеств. Считалось, что в результате зверь не умирал, а воплощался в победоносном герое.¹³

Психология и антропология давно уже выявили механизмы, посредством которых человек «вживается» в образ того существа, чью роль он исполняет в данный момент. Германский воин, рычавший как медведь или лаявший как собака, надевший на себя шкуру волка или вепря, как бы на самом деле становился медведем, волком, бешеной собакой или вепрем...

Рассмотрим, к примеру, *берсерков*.

Берсерк - это слово можно перевести как «медвежья рубашка». В скандинавской мифологии Берсерком звали внука героя с хтоническими чертами Старкада, который был известен безудержной яростью во время боя, а также тем, что дрался без доспехов. Так называли неистовых воинов, которые в бою теряли человеческий облик и, одержимые приступом священного боевого безумия, совершали невероятные подвиги. В более поздние времена термин «берсерк» стал синонимом слова «воин», или, скорее, «разбойник», потому, что имелся в виду такой воин, который был подвержен приступам бешенства, необузданной ярости, был крайне агрессивен, не чувствовал боли и при этом был не способен контролировать свое поведение. Однако, в более древние времена дело обстояло иначе, об этом свидетельствует этимология термина. «Берсерк» - «некто в медвежьей шкуре, воплотившийся в медведя». Обратите внимание: *воплотившийся в медведя*, а не просто одетый в его шкуру. Различие принципиальное. За обыденным фактом (воин в медвежьей шкуре) скрыта более глубокая истина. Она говорит, что это человек, одержимый медведем, если угодно, «медведь с человеческим лицом». Медвежья шкура являлась своего рода «магической клеткой», помогающей осуществить колдовской акт такого превращения.

Берсерков считали неуязвимыми, потому что они не ощущали боли и не обращали внимания на раны. Иногда пишут, будто для

¹³ В этом смысле показательна победа Зигфрида (Сигурда) над драконом: поразив чудовище и выкупавшись в его крови, герой обретает невиданные дотоле качества, в частности становится неуязвимым.

достижения подобного состояния воины употребляли наркотические грибы, но это не всегда верно, как и в случае с шаманами. Также феномен берсерков пытались объяснять эпилепсией, однако и это предположение несостоятельно. На самом деле следует говорить о сложной смеси воинских верований и самогипноза, который, как известно современной науке, способен творить настоящие чудеса. Берсерки всерьез полагали, будто на время боя превращаются в волков и медведей; отсюда "медвежья рубашка". Можно полагать, что, принимая настойки редких наркотических трав и сушеные мухоморы, берсерки становились нечувствительными к усталости и боли, не замечали ран и превосходили в силе и ловкости лучших воинов. Известно также, что берсерки редко пользовались защитным доспехом и в сражении порой срывали с себя одежду. Берсерк в одиночку был способен потопить вражеский корабль, остановить большой отряд, обвалить на себя дом, погибнув вместе с врагом. «Сага об Инглингах» рассказывает, что в бою они (берсерки) *«рвались вперед без доспехов, грызя края щитов, как бешеные собаки или волки, пуская изо рта пену, и были сильными словно медведи или быки. Они убивали врагов с одного удара, но ни огонь, ни железо не могло ранить их самих. Они нападали с ужасными воплями и воем, как дикие звери, и никто не мог остановить их ...»*.

Тут самое время порассуждать ещё об одном полумифическом свойстве берсерка: о его неуязвимости. Различные источники в один голос утверждают, что воин-зверь фактически не мог быть сражен в бою. Иногда он был неуязвим лишь против метательного оружия; в некоторых случаях уточнялось, что при искусном владении оружием его всё-таки можно было ранить, и даже смертельно, но умрёт он только после боя, а до того словно не заметит раны. От метательного (да и ударного) оружия берсерков берегла своеобразная «мудрость безумия», животное чутьё, шестое чувство или интуиция, как сказали бы современные психологи. Расторможенное сознание включало крайнюю быстроту реакции, обостряло периферическое зрение и, вероятно, обеспечивало некоторые экстрасенсорные навыки. Берсерк видел (а то и предугадывал) любой удар и успевал отбить его или отскочить.

Бок о бок с берсерком, облаченным в медвежью шкуру (лучше сказать, воином-медведем), стоит *ульфхеднар*, то есть «некто, облаченный в шкуру волка», «воплотившийся в волка». Родственная связь воина-медведя и воина-волка столь тесна, что оба термина выглядят как синонимы. Считалось, что берсерки и ульфхеднары обладают просто-таки сверхъестественной силой. Саги утверждают,

Демагоги, пастухи и герои

что ульфхеднары и берсерки действовали иногда в одиночку, а иногда небольшими группами. В сагах также говорится об их свирепости, безжалостности, бесстыдстве (т.е. об отсутствии нравственных норм в поведении) и об их пристрастии к оргиям. Таким образом, предания об оборотнях и волколаках звучат вполне правдоподобно.

«Настоящие» берсерки становились как бы заложниками собственной ярости. Они были вынуждены искать опасные ситуации, позволяющие вступить в схватку, а то и провоцировать их. В одной из саг например говорится о человеке, имевшем 12 сыновей. Все они были берсерки: *«У них стало обычаем, находясь среди своих и почувствовав припадок ярости сходить с корабля на берег и кидаться там большими камнями, выворачивать с корнем деревья, иначе в своей ярости они покалечили бы или убили родных и друзей».*

Позднее викинги большей частью всё же ухитрялись контролировать такие приступы. Иногда они даже входили в состояние, которое на востоке называют «просветлённым сознанием» (хотя шли они к нему обычно не через отрешённость и медитацию, а через боевую ярость; правда, такой путь иногда чреват тем, что «зверь» возьмёт верх над человеком). Это делало их феноменальными воинами:

«...Торольв так разъярился, что забросил щит себе за спину и взял копьё обеими руками. Он бросился вперёд и рубил и колот врагов и направо и налево. Люди разбегались от него в разные стороны, но многих он успевал убить...» (Сага об Эгиле).

«Тогда Вагн и Аслак Камнедробитель прыгнули на палубу корабля Эйрика и устроили с двух сторон там такую резню, что все попятнулись от них. Аслак был без шлема, но оружие отскакивало от его головы, как будто то был кусок китового уса... Вагн и Аслак убили многих на корабле ярла, который без толку кричал на своих людей. Наконец Вигфус Вигаглумссон схватил тяжеленную наковальню и метнул ее в голову Аслаку. Острый конец наковальни попал ему в голову, и тут Аслак рухнул мертвым» (Сага о йомсвикингах).

Однако даже во времена викингов «настоящие» берсерки были уже редкостью. Гораздо больше стало поддельных, которые имитировали внешние признаки боевого безумия и запугивали мирных хозяев, отнимая, по сообщениям саг, «жен и добро».

Постепенно с принятием христианства берсерка стали изображать как существо, одержимое бесовскими силами. В «Саге о Ватисдоле» рассказывается, что прибывший в Исландию епископ Фридрек обнаружил там много берсерков. Их описание дано во вполне традиционном духе. Они творят насилие и произвол, отнимают женщин и деньги, а если им отказывают, то обидчика вызывают на поединок и убивают. Они лают, подобно свирепым псам, вгрызаются зубами в край своего щита, ходят босыми ногами по раскаленному кострищу, даже не пытаются хоть как-то контролировать свое поведение. По отношению к основной массе населения они самые настоящие изгои, их деятельность совершенно несовместима с обществом.

Все изменилось по сравнению с теми временами, которые описывали Тацит, Павел Диакон и авторы ранних саг. По совету новоприбывшего епископа, берсерков стали отпугивать огнем (словно самых настоящих волков!) и забивать насмерть деревянными кольями (ибо считалось, что железо не уязвляет берсерка), а тела сбрасывали в овраг без погребения...

Уповая на война. Война всех против всех – этот тезис, пожалуй, наиболее верно характеризует эпоху раннего Средневековья, часто называемую периодом «тёмных веков». До предела милитаризованная Европа пребывала в состоянии перманентного военного конфликта, лишь изредка сменявшегося периодами временного затишья, которое противоборствующие стороны использовали для восстановления сил и подготовке к новой войне. Средневековые государи вели непрерывные войны между собой, с ближайшими и дальними соседями, с внешними врагами, с собственными подданными, вообще с кем угодно, едва только возникал малейший повод взяться за оружие. Империи создавались и рушились в течении жизни одного-двух поколений, варварские королевства, возникавшие тут и там, сгорали в пожарах междоусобиц, мир содрогался от лязга оружия и топота конских копыт. Положение скороспелых европейских государств на материке осложнялось внешней угрозой – с востока надвигались орды степняков, на юге и юго-востоке разворачивался, стремительно набирая силу, мусульманский мир, а с севера год за годом усиливался натиск норманнов. Естественно, в этих условиях социальная значимость война с мечом в руках возросла до небывалой степени.

В условиях нарушения спокойствия для коллективного сознания наиболее важны вопросы обеспечения безопасности, в том числе, и

Демагоги, пастухи и герои

даже в первую очередь, безопасности физической. Обеспечить её – при наличии внешней силовой агрессии – едва ли могли шаманствующие демагоги. По принципу равновесия силы, чтобы одолеть колдуна – нужен ещё один колдун, чтобы победить воина – нужен другой воин.

Железный век был одержим железной манией. Преклонение перед закованным в стальную броню героем достигло апогея, а длинный плоский кусок железа, заточенный с двух сторон, становится культовым предметом. Более того – слова «вооружённый» и «свободный» становятся синонимами, точно так же, как «безоружный» и «несвободный». Хорошее оружие ценилось дороже золота, а боевой конь по стоимости мог сравниться с табуном обычных лошадей. В это время окончательно подходит к концу действие древнего германского принципа, по которому каждый свободный человек имеет право носить оружие. Только тот, кто располагает средствами и возможностями самостоятельно позаботиться о своей защите и, таким образом, внести непосредственный вклад в оборону общества, может всерьёз называть себя свободным человеком. В представлении франкской аристократии зависимое состояние отождествлялось с трусостью и подлостью: всякий безоружный считался трусом.

Физическая сила – достояние немногих, точно так же, как и способность мыслить. Поэтому быть воином может не каждый, точно так же, как не всякому дано постичь глубину Знания. Герои не плодятся в инкубаторе, бойца нельзя воспитать на пустом месте, потому что не только сила как таковая, а гораздо в большей степени сила духа выделяет настоящего воина из толпы человекообразных.

В период перехода от первобытности к традиционному обществу варварской демократии, пока что ещё не той военной демократии, о которой обычно принято говорить в связи с дальнейшим историческим развитием человечества, люди жили достаточно малочисленными группами, разделёнными обширными незаселёнными пространствами. Среднестатистическая община могла иметь в своём составе максимум двадцать-тридцать здоровых мужчин, реально способных взяться за оружие. В этих условиях в случае межгрупповых столкновений исход схватки малочисленных воинских контингентов вполне могли решить индивидуальные боевые качества одного единственного бойца. В особенности, когда большая часть сражающихся – это наспех собравшиеся земледельцы-общинники, ничего, кроме мотыги, в руках не державшие.

Именно поэтому в профанном сознании имела место сакрализация образа могущественного героя, в том числе и тех самых средневековых рыцарей, надолго ставших символом несокрушимости профессионального бойца.

Дело в том, что эти самые герои, поначалу весьма малочисленные, в условиях смутного времени межгрупповых конфликтов представляли собой *единственную реальную силу*, так необходимую обществу: сначала для защиты от внешних врагов, потом для усмирения врагов внутренних, позже – для выяснения отношений с соседями и агрессивных переговоров с конкурентами.

В период Тёмных веков объективно сложилась ситуация, когда варварским предводителям — новоявленным королям раннефеодальных государств — в условиях постоянной нестабильности и военной угрозы как со стороны подчинённого ими местного населения, так и со стороны внешних врагов потребовалось обзавестись верными и преданными, многочисленными, но сильными воинскими контингентами. Их основой должен был стать профессиональный и хорошо вооружённый воин, который в бою стоил бы целого отряда.

Чтобы понять специфику индивидуального бойца, следует рассматривать его как явление в окружении тех факторов, которые имели место. Сам воин-одиночка феноменален по своей сути – от стиля поведения до вооружения. Меч – оружие более ритуальное, чем практичное. В тесноте рукопашной схватки, когда напрочь отсутствует свобода манёвра, меч против алебарды даёт никакие шансы. Один среднестатистический рыцарь занимал на поле боя слишком много места. Чтобы размахнуться мечом и нанести удар, необходимо иметь свободное пространство спереди, сзади, по сторонам. Не удивительно, что и греки, и римляне вооружали своих пехотинцев коротким колющим оружием, поскольку длинный меч был совершенно бесполезен в сомкнутом строю.

Сражения носили жестокий и кровопролитный характер. Бой обычно начинался с удара копьями – закованные в железо всадники мчались друг на друга и сталкивались со страшным грохотом. Если после такого столкновения копьё ломались, а противники оставались в живых, в ход шли мечи. И это было отнюдь не изящное фехтование из фильма «Три мушкетёра» - удары были редкими, но страшными, о чём свидетельствуют разрубленные черепа и перерубленные берцовые кости из древних погребений.

“...Диего Ордоньес также, когда почувствовал, что серьезно ранен, встал против Родриго Ариаса и ударил того мечом в

Демагоги, пастухи и герои

темя, так, что разрубил шлем и кольчужный капюшон, и половину черепа...”

Поэтому воин должен был быть готов не только побеждать — но и в любой момент умереть.

Мир объективно нуждался в Герое.

Герой должен был обладать определёнными качествами, для того, чтобы быть героем.

Первое – физические предпосылки. Сила, в данном случае, это – по крайней мере, изначально, пока войны велись в форме банального столкновения бойцов лицом к лицу – физическая сила вообще, без которой победа в рукопашном бою невозможна.

Второй немаловажный фактор – наличие оружия. Если наши доисторические предки дрались чем попало – в ход шли палки, камни и прочий набор природных инструментов, то настоящий воин нуждается в настоящем оружии. Крестьянский топор и охотничье копьё в этом качестве вряд ли сгодятся. А хорошее вооружение, как известно, на дороге никогда не валялось – в частности, полный набор оборонительно-наступательного оружия средневекового рыцаря в купе с боевым конём оценивался в 45-60 коров, что было эквивалентно имуществу средней по размерам деревни. То есть, по современным меркам, снарядить на войну полноценного конного бойца примерно то же самое, что сегодня купить танк.

Но недостаточно просто взять в руки оружие – им надо ещё и уметь пользоваться. А этого можно достичь только постоянными упражнениями. Следовательно, настоящий воин должен быть человеком полностью обеспеченным в отношении своих повседневных материальных потребностей и, кроме того, свободным от занятий производственным трудом для того, чтобы иметь время, необходимое для тренировок.

И, наконец, воин – это, прежде всего, состояние духа, ибо *«воину не нужен меч: его дух, растворённый в пустоте - вот его оружие»*. Пожалуй, этот пункт стоило бы вынести в начало списка. Не всякий мужик крепкого телосложения морально готов бросить привычный и спокойный жизненный уклад ради иррациональной жажды подвигов и сражений. Изучение источников наглядно показывает, что рядовые общинники с большой неохотой шли на войну и при первой же возможности возвращались к своему хозяйству. С другой стороны, тот же самый крепкий мужик, даже имея требуемые 45 коров вряд, ли согласится отдать их за груду ненужного железа и красивого, но абсолютно непригодного в хозяйстве боевого коня.

Проблема эта решалась достаточно просто и эффективно — не имея средств и возможностей содержать за свой счёт постоянную армию, феодальные государи щедрой рукой раздавали всем желающим сражаться и умирать ради их интересов земли с лесами, полями, крестьянами, которые должны были обеспечить их всем необходимым и — в первую очередь — средствами на вооружение.

В капитулярии 786 г. Карл Великий говорит о «недворянах» (судя по контексту, быть может, едва ли не рабах), получивших бенефиции для того, чтобы обрести возможность вооружиться. Низкое социальное происхождение, таким образом, не являлось препятствием для участия в военных походах при одном только условии — воин должен был иметь средства на приобретение оружия. Король побеспокоился о том, чтобы создать экономические условия, необходимые для пополнения войска вооруженными воинами, невзирая на древний обычай, согласно которому только свободные люди имеют право носить оружие. Физическая сила, военная выучка и безоговорочная преданность господину становятся важнейшим фактором продвижения по служебной лестнице и социальной мобильности.

Воины, получавшие землю при условии, что уровень их вооруженности намного будет превосходить средний уровень остальной массы свободных франков, именно в тот момент, когда в верхах франкской политической системы происходили чрезвычайные изменения, образовывали новую политическую силу, которая должна была стать опорой королевской власти. Получив землю, они лезли из кожи вон, наперебой демонстрируя свою военную доблесть, лишь бы убедить своего военачальника в том, что только от них и зависит его благополучие и процветание. Они должны были вооружаться и совершенствовать свое боевое мастерство, чтобы доказать — они лучше и сильнее других, недовольных новым положением дел, часто не считаясь даже с тратой большей части доходов, которые приносила им земля. Всё это в совокупности легло в основу рыцарского сословия — касты профессиональных воинов, основы средневекового феодального мира.

Рыцарь — это не просто конный воин, закованный с ног до головы в железо. Рыцаря следует рассматривать как неотъемлемый элемент феодальной иерархии, её основу, более того — как сущностную квинтэссенцию феодального общества средневекового Запада. При всей сопутствующей ему мишуре и романтике — при доспехах, герольдах, мечях, плюмажах и прекрасными дамах — рыцарство обладало весьма четко выстроенной и организованной

Демагоги, пастухи и герои

идеологией, – выше, чем просто морально-этические нормы и принципы, – которая выкристаллизовывалась на протяжении довольно длительного времени и являлась регулятором деятельности рыцарей практически во всех сферах общественно-политической жизни.

Эти предписания не обрели, в конечном счёте, такой завершённой формы, как идеология бусидо. Однако они оформились в различных кутюмах (обычаях), зафиксированных письменно и являвшихся необходимой нормой поведения для каждого благородного воина, определявшей не только его стиль действий, но и рыцарское мировоззрение в целом.

Рыцарь становился собственно тем, кем он был по своей сути с момента принесения клятвы верности сеньору. И постепенно, к XI–XII векам тяжеловооружённые всадники превратились в касту рыцарей. Доступ в это привилегированное сословие становился все более трудным, основным уже на родovitости, которая подтверждалась грамотами и гербами. За эти привилегии воин отдавал ни больше, ни меньше – жизнь. На подобных отношениях в Европе выстроилась сложная феодальная система, просуществовавшая не одну сотню лет.

Эта система оказалась гораздо более высокоэффективной, чем вся совокупная мощь варварского мира, опиравшегося на общинный уклад и принципы варварской военной демократии. В битве при Гастингсе потерпели поражение не только англосаксонские хускарлы¹⁴ и крестьянское ополчение: в их лице потерпел поражение весь тот общественный строй варварской эпохи, к которому ближе всего стояли государства Северной Европы. Полуфеодальные королевства, только-только пережившие период племенной организации, естественно, оказались слабее государств с уже сложившимся феодализмом. Конечно, они могли с переменным успехом состязаться друг с другом. Но историческая перспектива раскрывалась в пользу высокоразвитого феодального общества, с вассальной иерархией, тяжеловооружённым конным рыцарством, сильной властью сюзеренов. Это общество оптимальным образом было приспособлено к ведению войны, и ни сила натиска, ни

¹⁴ Хускарлы – личная гвардия короля в Англии и Скандинавии, профессиональные воины, вероятно, не имевшие земельных наделов и находящиеся на полном содержании правителя. Аналогичные подразделения были и в других странах, например, хатамото в Японии или министриалы – безземельные рыцари на содержании у германского императора.

героический энтузиазм варварских воителей, ни их сравнительная многочисленность не могли уравновесить мощи высокоорганизованной, базирующейся на прочных поземельных и иерархических служебных отношениях, обеспеченной дорогостоящим и совершенным вооружением военной машины западноевропейских рыцарских государств.

Франко-нормандские рыцари Вильгельма Завоевателя на боевых конях, покрытые стальной чешуей доспехов, являли собой новую силу новой эпохи. Время эпических героев вроде Ахилла, Зигфрида и Беовульфа миновало; на смену им пришло время иных героев.

Искушение славой. Если политика – это война богов, продолженная другими средствами, то война в собственно прямом значении этого слова не что иное, как *политика, продолженная другими средствами*. Собственно, нет принципиальной разницы между войной и политикой в чистом виде, ибо военная машина, прежде всего, подчиняется политической воле и политической целесообразности. Однако это справедливо для стабильных обществ с развитой инфраструктурой. Для обществ же, переживающих героическую эпоху, свойственно ставить войну во главу угла. Если для Римской империи, например, характерно было сначала попытаться найти политическое решение конфликта, а лишь затем пустить в ход силу оружия, то для варварских племён оружие всегда оставалось первостепенным средством решения спора, и лишь когда оно оказывалось бессильным, они прибегали к политическим средствам.

Дело тут вовсе не в особой специфике римского государства – просто для Рима эпоха, когда приграничные конфликты решались поединком вроде сражения между Горациями и Капуациями на тот момент давно прошло, для германцев же это было делом обыденным и привычным.

Избыточное количество людей вооружённых и готовых доказывать свою правоту оружием представляла серьёзную опасность для традиционной общины. Обладающий неодолимой мощью в окружении более слабых подвергается искушению утвердить своё превосходство над ними. И чем ниже его моральные качества, чем более одержим он земными желаниями, тем страшнее его власть для остальных. Община была призвана, по мере сил, оградить своих членов от произвола сильных. Могучий боец представлял собой угрозу для внутреннего спокойствия общины, нарушая принципы равенства и справедливости, посягая на святая святых – незыблемость внутреннего уклада. Но в то же время он

Демагоги, пастухи и герои

необходим для защиты этого самого уклада от угрозы извне – других таких же неуправляемых агрессоров, силой оружия пытавшихся переделать мир.

Главная задача общины в данной ситуации – направить деструктивную энергию бойца наружу, сконцентрировав его внимание на внешних врагах. Если же таковых не находилось, их приходилось выдумывать. В противном случае, защитник запросто мог превратиться в неконтролируемого деспота.

Так, на заре средневековья нехватку профессиональных бойцов приходилось компенсировать за счёт набора воинов из среды крестьян. Эти, так сказать, «крестьянские рыцари» снаряжались на средства своих соседей – по сути, сельская община вместо того, чтобы отправлять на войну целый отряд необученной и плохо вооружённой пехоты сообща выставляла одного конного воина в полном боевом снаряжении. Однако, вернувшись с войны, такой воин часто уже не желал возвращаться к повседневному труду, превращаясь в тирана для своих односельчан.

Продолжая эту тему, следует вспомнить, что средневековые феодалы, вышедшие из народа и в массе своей не имевшие ничего, кроме желания жить за чужой счёт, для самоутверждения прежде всего старались подавить других себе подобных. Говоря словами Макиавелли, *начали они с того, что, возвышая себя, повсеместно унизили пехоту. Это нужно было затем, что, не имея достаточных ресурсов, они не могли бы прокормить большого пешего войска, а малое не создало бы им славы. Тогда как, ограничившись кавалерией, они при небольшой численности обеспечили себе и сытость, и почет.* Поэтому поражения, нанесённые им пехотой при Стирлинге, Куртрэ, Пуатье и в других местах, были для них столь неожиданными и столь позорными. *В дальнейшем они проявили необычайную изворотливость для того, чтобы избавиться себя от опасностей и тягот военной жизни: в стычках они не убивают друг друга, а берут в плен и не требуют выкупа, при осаде ночью не идут на приступ; обороняя город, не делают вылазок к палаткам; не окружают лагерь частоколом и рвом, не ведут кампаний в зимнее время. И все это дозволяется их военным уставом и придумано ими нарочно для того, чтобы, как сказано, избежать опасностей и тягот военной жизни.*

Этот пассаж относится, в общем-то, к итальянским кондотьерам, однако, в целом, верно характеризует рыцарство «развитого» Средневековья. Превращение войн в турниры, упоение собственной значимостью и славой, породившими высокомерие и гордыню, в конеч-

ном счете, сделали своё дело, низведя былых героев до уровня простых смертных.

Естественно, превосходство тяжёлой кавалерии над всеми остальными видами войск имело вполне объективные причины. Качество вооружения, наличие коня и прочных доспехов склонили чашу весов в пользу конного воина. Отсутствие, а в последствии несовершенство огнестрельного оружия в значительной степени этому способствовало - мушкеты и аркебузы XVI-XVII столетий часто не могли нанести ощутимый вред всадникам, закованным в стальные доспехи, особенно если стрельба велась с большого расстояния. Скорострельность такого оружия также оставляла желать лучшего - стрелки, как правило, успевали сделать всего один-два залпа, затем, если им не удавалось вовремя укрыться под защитой своей пехоты, конница просто сметала их своим стремительным натиском.

Вообще ход состязания между оружейниками и доспешными мастерами – вечный спор щита и меча, длившийся столетиями, – в эпоху осени Средневековья склонялся к победе последних. Так, в Японии затяжные войны шестнадцатого века довели защитное вооружение до такого совершенства, что доспехи могли выдержать не только удар меча, но и выстрел из мушкета или аркебузы, и в то же время допускали максимально возможную свободу движения. То же самое можно сказать и о защитном вооружении западноевропейского рыцаря.

Позволим себе несколько вольную, притянутую за уши аналогию. Представьте себе, какими способами один среднестатистический пехотинец может справиться с одним среднестатистическим танком в открытом поле - ну там, гусеницы лобзиком перепилить, дуло шинелью заткнуть, песка насыпать в смотровую щель и т.п.? Примерно также боролись средневековые пехотинцы с конницей. Разбегались - куда глаза глядят. Или умирали.

Кроме фактора оружия, существует ещё психологический фактор, который нельзя не учитывать.

Вот как описывает в середине XIX в. полковник В. Зигман эффект производимый конной атакой: *"Нравственное влияние, присущее кавалерии, которым она часто больше делает, нежели своими пиками и саблями... если сплоченная кавалерийская масса... отважно... летит на пехоту, то... неприятное чувство охватывает эту последнюю, так как каждый отдельный человек остается простым смертным; чувство это может перейти в панический страх, особенно если конница явится неожиданно..."*. По мнению военных того времени, *«физически невозможно, чтобы пехотинец устоял против лошади, несущейся на него во весь опор»*. Даже хо-

Демагоги, пастухи и герои

рошая пехота выдержит натиск конницы лишь если та "дурно управляема", имеет изнуренных лошадей или действует на вязкой или скользкой местности.» Последнее весьма наглядно продемонстрировали, кстати, создатели фильма «Огнём и мечём» - в сцене сражения под Жёлтыми Водами хорошо видно, что бывает с тяжёлой кавалерией, когда она атакует по мокрой земле.

Заметим, кстати, что римляне так ничего и не смогли противопоставить тяжёлой кавалерии парфян и сарматов. Позднеримские катафрактары и клибанарии – всего лишь слабая и сильно запоздалая попытка ответить на вызов, брошенный с Востока; да и то эти отряды поначалу даже пришлось одеть в доспехи, снятые с убитых парфянских всадников, за неимением своих собственных.

Только с повсеместным введением в армиях пулемётов и скорострельной артиллерии, а также появление танков свело на нет эффективность не только тяжёлой кавалерии, но и конницы вообще. Но это произошло гораздо позже.

В отсутствии же скорострельного мощного оружия тяжеловооружённая конница безоговорочно определяла исход сражений. Победы пехоты в средние века - редкие исключения, совокупность природных факторов и стечения обстоятельств, демонстрация таланта одних военачальников и бездарности других.

В битве при Стирлинге в 1297 году англичане, имевшие преимущество и в качестве и в количестве войск, оказались разбитыми шотландской пехотой просто в силу того, что переоценили свою мощь (заклучавшуюся, прежде всего, в сокрушительном натиске тяжёлой кавалерии) и не учли особенностей местности, наличия у противника вооружённых длинными копьями пехотинцев и полководческих талантов Уоллеса. Спустя год король Эдуард при Фалкирке нанёс Уоллесу поражение, тем более показательное, что шотландские копейщики, занявшие круговую оборону, численно превосходили англичан и занимали более выгодную позицию под прикрытием болота, английская же армия, гораздо меньшая по численности, была измотана долгим маршем и отсутствием продовольствия.

Тем же, кто любит вспоминать о "битве золотых шпор" при Куртрэ и пресловутой "пехотной революции" Западной Европы, хотелось бы задать один простой вопрос – *а что же случилось с этими золотыми шпорами, этими славными символами победы "современной" фламандской пехоты над "устаревшей" рыцарской конницей?* Ответ очень прост – впоследствии их увезли домой французы из спаленного дотла Куртрэ, уничтожив предварительно при Роозбеке такую же пехотную фалангу, что стояла при Куртрэ в 1302 г. А еще раньше –

нанеся сокрушительные поражения этим же фалангам при Мон-ан-Певеле и Касселе.

Что касается Креси, Пуатье и Азенкура, которые считаются рядом историков в известном смысле «показательными», то тут и говорить не о чем. Во всех трёх случаях отступающая английская армия была перехвачена на марше численно превосходящими силами французов, причём в последних двух сражениях речь идёт о значительном численном превосходстве.¹⁵ Во всех трёх случаях английские военачальники спешили часть (именно часть) своих рыцарей и выстроили их на склоне холма, прикрыв этой стальной стеной своих лучников. И во всех трёх случаях действия французов были неорганизованны, они атаковали разрозненными отрядами, топтали свою собственную пехоту и, в конечном счёте, были побиты опять же английскими рыцарями, часть из которых оставалась в седле, чтобы иметь возможность контратаковать.

Чего стоит хотя бы поведение французских рыцарей там же, при Азенкуре – сначала они провели всю ночь в сёдлах, чтобы не испачкать на грязной земле своё дорогое и красивое вооружение, а затем, перед битвой, построились впереди собственной пехоты, дабы та не скрыла за своими рядами их блеска и великолепия, лишив тем самым пехоту свободы манёвра, а затем в ходе отступления растоптав её копытами коней.

Можно ещё вдоволь порассуждать о военной тактике и преимуществе одного вида войск над другим, но это может увести нас в сторону от основной мысли, которую мы попытались здесь донести до читателя. Собственно, все эти поражения наглядно демонстрируют духовный закат феодального рыцарства. Тяжёлая конница – настоящий бог средневековой войны – утратила своё значение не в силу каких-то сугубо технических причин, а исключительно из-за избытка высокомерия, нежелания меняться и подстраиваться под изменяющиеся условия. Рыцарство сгнило изнутри, поражённое недугом гордыни и мании величия. Будучи уверенными в своём всемогуществе, своём всесилиии на полях сражений, феодальные рыцари изжили сами себя, уступив место регулярным армиям нового времени, на чём мы более детально остановимся в другом месте.

¹⁵ Слова Томаса Элтема, капеллана Генриха V, весьма красноречиво характеризуют положение англичан под Азенкуром: *«мы, сколько нас ни было, возвели глаза к небесам и воззвали из глубин сердец наших к Господу, моля явить сострадание и избавить нас от французов».*

3. Элита: особенности характеристики

*Не было еще гения
без некоторой доли безумия.
Луций Анней Сенека*

Закон Божий и закон человеческий. Всё в мире подчиняется определённым законам и правилам. Однако есть те правила и законы, которые придуманы людьми, и те, которые существуют сами по себе, так сказать вне зависимости от воли человека. Законы природы обойти гораздо сложнее, однако за их нарушение в тюрьму не сажают. Законы, придуманные людьми, обмануть легче, но далеко не всем разрешено их нарушать безнаказанно.

Мы уже говорили о том, что элита является творцом правил и законов, и она же есть их главный нарушитель. Отрицание и протест, и в то же время показная правильность граничащая с консерватизмом — в этом противоречии суть её поведенческой модели.

Правила и законы придуманы исключительно для толпы, серой человеческой массы, причём многие из них, как то например мораль, преподносятся как нечто ниспосланное свыше, продиктованное волей богов. И не мудрено — ведь первые нормы и правила были установлены теми, кто говорил с духами и богами, и потому закон — священен, а его носитель облечён в ореол сакральности, о чём ещё будет сказано далее.

Однако сами хранители порядка всегда сами готовы его нарушить, если этого требуют их устремления.

Благородство и великодушие, милосердие и справедливость с одной стороны и расчётливость и изощрённость, хитрость и коварство с другой суть неотъемлемые атрибуты человека. И вообще проблема двойственности восприятия моральных ценностей всегда была актуальна для человеческого общества.

Проблема выбора между достойным, но при этом нерациональным поступком, нередко ведущим к гибели, и неправильным с точки зрения морали, но гораздо более рациональным деянием всегда была серьёзным камнем преткновения. Милосердие и великодушие — неперемennые атрибуты рыцарственности, — суть вещи иррациональные, своего рода палка о двух концах. Недостойно благородного рыцаря нападение на безоружного; тем более недостойно убийство раненного или молящего о пощаде. Однако поверженный враг —

всё ещё враг, пока он жив, и потому его надлежит добивать немедленно, топтать копытами коня, разить без пощады. Оставляя на своём пути недобитых врагов означает подвергать себя риску получить удар в спину.

А если хитрость и вероломство – единственный способ достичь желанной и жизненно необходимой победы? Оказывается, что тут рыцарь может *"напасть на противника спереди и сзади, справа и слева, словом, там, где может нанести ему урон"* – так гласит устав тамплиеров.

Воинская мораль, в принципе, не поощряет коварство и обман. *Даже когда человек лишен гуманности, если он хочет быть воином, он, прежде всего не должен лгать. Необходимо также, чтобы он не вызывал подозрений, придерживался прямоты и честности и имел чувство стыда. Ведь если человек, прежде лгавший или совершавший подозрительные поступки, участвует в каком-нибудь значительном деле, на него будут исподтишка показывать пальцем и ни друзья, ни враги, ни за что не поверят ему, какие бы разумные слова он ни говорил. Никогда не забывай об этом.* – Так говорит японский полководец Асакура Сотэки.

В арсенале японских самураев всегда было достаточно различных военных хитростей, однако если во времена войны Гэмпэй, классической самурайской «честной» войны, те, кто ими пользовался, считались мерзавцами и негодьями, то в период Сэнгоку Дзэдай эти методы вошли в разряд необходимости, став законным и одобряемым средством достижения победы. Акэти Мицухидэ, военачальник того времени и бесспорный эксперт по части вероломства, недаром сказал, что *ложь воина следует называть стратегией, и что честные люди встречаются только среди крестьян и горожан.*

Отсюда проистекает противоречивый характер, например, рыцарского сословия, и такие разные взгляды на рыцарство и рыцарские добродетели. Неустрашимые воины, преданные вассалы, защитники слабых, верные слуги прекрасных дам... Это о рыцарях. Неустойчивые в бою, неверные слову, алчные грабители, жестокие угнетатели, агрессивные и кичливые невежды... И это тоже о них. Где же истина?

За всю свою историю человечество не придумало иного способа идентификации, кроме противопоставления по типу *свой-чужой*. Двойственность моральных убеждений, меняющихся в зависимости от разделения общества по этому принципу обусловила неравнозначность поведения в различных ситуациях и неоднозначность моральных оценок совершаемых поступков.

Демагоги, пастухи и герои

Путь Силы прямолинеен и прост, как удар меча. Он не допускает лавирования между множественными истинами. Поэтому двойственность рыцарской морали заключается в чётком разделении к кому и как следует относиться, и какие критерии моральной оценки применимы к тем или иным поступкам в отношении тех или иных людей. А поскольку сила как таковая подразумевает прямое противостояние, то все умозрительные построения выводились исходя из этого.

В связи с этим в средневековом мировоззрении существовало два типа отношения к противнику, вообще два типа войны.

Первый – война благородная, “честная” или “рыцарская” война, *“guerre loyale”*, собственно говоря, война между достойными противниками, равными между собой, и имеющая целью не физическое истребление врага, а выяснение правоты сторон силой оружия; в основу этой войны были положены доблесть и благородство, а также взаимное уважение противоборствующих сторон. Во время такой войны с противником полагалось обходиться максимально в соответствии с кодексом чести, а милосердие и великодушие провозглашались основными принципами отношения к побеждённому. Вообще куда более достойным и почётным считалось взять врага в плен или обратить в бегство, чем банальным образом лишить жизни. При этом соблюдались все задекларированные принципы справедливого ведения войны – вражеских посланцев принимали со всей возможной учтивостью, с пленными обходились как с гостями, соглашения и договорённости соблюдались неукоснительно, и вообще противнику выказывалось всяческое уважение. Подобным подходом к вопросу ведения боевых действий объясняются ничтожно малые потери сторон в классических “рыцарских” сражениях, в которых достойные соперники мерялись силами без участия вспомогательных войск. Само собой, велась такая война исключительно между противниками, взаимно признающими равенство и “достоинство” сражающихся. Отметим, что в данном случае “война чести” являлась как бы прямым следствием концепции поединка как “суда Божьего”.

Вторым типом войны являлась война смертельная, война “огня и крови”, которая ведётся на уничтожение и главной целью которой провозглашается максимально возможное истребление всяческой “погани”. В такой войне были допустимы любые средства достижения победы, а всевозможные вероломства и жестокости не только поощрялись, но и систематически предписывались. Таким образом, в отношении “недостойного” противника допускалось всё: убивать парламентарёв, пытать пленных, во время боя добивать раненых,

нападать на безоружных и избивать бегущих; нарушать соглашения, когда это было выгодно, а также совершать иные неблагоприятные поступки. Война на уничтожение велась, как правило, против внешних врагов, разного рода иноверцев, язычников и еретиков, а также против гражданского населения и отрядов, состоявших из воинов низкого происхождения.

Вообще субъективность и индивидуальность подхода к постановке проблемы в данном случае ничуть не упрощает ситуацию. В зависимости от поставленных целей и фактических намерений сторон противник мог считаться “благородным” и “достойным”, и тогда к нему относились соответствующим образом; при иных условиях тот же самый противник мог быть зачислен в список “недостойных”, приравнен к быдлу – и тогда с ним обращались в соответствии со всеми правилами ведения войны на уничтожение.

Двойная мораль позволяет оправдать любой самый неблагоприятный поступок. Если аморальное деяние направлено против “недостойного” противника, то оно приобретает силу справедливого возмездия в глазах всего остального общества. При этом “недостойным” можно объявить, в принципе, кого угодно, если подвести под это прочное идеологическое основание. Таким образом, с точки зрения двойной морали один и тот же поступок в разных ситуациях совершённый в отношении разных людей может рассматриваться и как низость, и как проявление справедливости.

Если для воинов принципиально важным было оправдание себя в своих же собственных глазах, то для колдунов эта проблема никогда не была столь актуальна.

Путь Змеи извилист и скрыт от глаз непосвящённых – её движение можно лишь угадывать по колыханию травы. Благородство и доблесть – удел героев; для демагогов же изначально свойственна изощрённость ума и пренебрежение высокими мотивами.

Искусство говорить – прежде всего, искусство лгать. Обман и притворство – вот главное оружие любого демагога. И при этом цель оправдывает любые средства.

В основу европейской, и даже шире - евро-американской цивилизации была положена безоговорочная апология христианской морали, основы основ западного мира со времён заката Римской империи. Однако именно в этой безоглядной ориентации на постулаты Нового Завета проглядывается зерно грядущей катастрофы.

В поведенческую модель христианина никак не вписывается идея “сильной личности” - христианство ни коим образом не способствует воспитанию сильных людей, и вообще, христианский образ жизни обессилил мир и предал его в жертву негодьям, так как христианская

Демагоги, пастухи и герои

религия направляет силы человека на терпение и смирение, а не на подвиги. Христианство – религия угнетённых и подавленных, а не могущественных и гордых. Поразительно вообще, как в христианском обществе вообще могла возникнуть идея Крестовых Походов как таковая.

Идеалом христианского рыцаря был, как это ни покажется странным, вовсе не герой вроде Роланда, а артуровский Ланселот. Роланд (как и все прочие герои «шансон де жест») озабочен мирскими делами – он думает о славе и чести, клятвах верности, своём короле, победе над врагом и достойной смерти; Ланселот же более «там» чем «здесь», он живёт в другой реальности, заботясь больше о спасении и покаянии, и в конце жизни становится чуть ли не святым — перед нами уже не блистательный рыцарь, а проповедник в рваной одежде и с крестом в руке. Примечательно, кстати, что в ранних легендах артуровского цикла Ланселота нет – он появляется позже как воплощение рыцарского идеала позднего Средневековья.

Несоответствие христианской морали реалиям средневекового мира привело к необходимости ревизионизма в отношении библейских тезисов.

Христианская мораль, в сущности, поощряет лицемерие, ибо противоречивость моральных принципов заложена в христианстве изначально. Бог Ветхого Завета - бог гнева и войны, новый бог - Христос - бог милосердия и всепрощения. Ветхозаветный принцип *"око за око, зуб за зуб"* и последующее *"если тебя ударили по левой щеке, подставь правую"*. И новозаветное: *"вложи меч в ножны его, ибо все, взявшие меч, от меча и погибнут"*, однако *"не мир, но меч принёс я вам"* и *"продай одежду свою и купи меч"*. Толкование этих фраз неоднозначно, поэтому само по себе допускает наличие двойной морали.

Заповедь "не убий" в эпоху «развитого» Средневековья иногда, например, трактовалась не как запрет на убийство, а как запрещение кровопролития, поэтому клирики использовали различное ударно-раздробительное оружие вместо секиры и меча. Папа же специальной буллой разрешил в виду исключительной необходимости проливать кровь рыцарям-монахам.

Воин-крестоносец, защитник веры, освободитель Гроба Господня... невежественный варвар, грабитель и насильник... Это ли не проявление лицемерия и двойной морали?

Военная авантюра христиан на востоке была самой мощной и перспективной идеей своего времени. Однако меркантильные соображения поглотили саму идею. Крестоносные князья поделили Святую Землю ещё до того, как она была завоёвана. Многие из них так и

не дошли до Иерусалима, предпочтя войне за веру обустройство своих новых владений, что и привело, в конечном счете, к потере этих земель, столь же быстрой, как и их завоевание.

Именно двойственность и неоднозначность христианской морали позволили вознестись над обществом людям, которые смогли отбросить все догмы христианской этики, в то время, как все остальные молились и соблюдали предписания толкователей Слова Божьего.

Торжество Зла неизбежно и неотвратимо. В артуровском цикле, о чём говорилось выше, это прослеживается однозначно. Все благие начинания умирают вместе с Артуром, Ланселот не достигает ничего, кроме разочарования; в то же время самый зловещий из всех персонажей Мордред хотя и погибает, но вместе с ним гибнет и королевство Артура.

Христианство призывает не к борьбе со злом, а к терпению и смирению, что, естественно, не могло не привести к перекосам мировоззрения.

По сути, христианская мораль в её первоизданном виде была растоптана копытами коней рыцарей-крестоносцев, а на её надгробной плите Макиавелли написал своего "Государя".

Победа или выгода? Особенность мировосприятия элиты – стремление к достижению иррациональных по своей сути идеалов. Если профанное сознание рассматривает стремление к благу как примитивное желание материального насыщения, то для творческого меньшинства благо суть понятие иррациональное, не могущее быть сведённым к простому обогащению. Материя и её сакральное воплощение – деньги, это всего лишь средство, а не цель, открытая возможность, позволяющая достичь недостижимого.

Отсюда возникает дилемма – допустимо ли использование недостойных способов для достижения высокой цели?

Стоит ли благо одного человека страданий сотен других людей?

В связи с этим мы должны рассмотреть следующий вопрос: что лучше – приобрести или потерять? и что же более важно – доброе имя или выгода?

Выгода и победа суть вещи часто совершенно разные. Путь Меча предполагает достижение победы, Путь Змеи подразумевает получение выгоды. Суть победы - одержать верх над противником в бою, не обязательно бою в буквальном смысле, выйти победителем из схватки. Однако победа может быть не всегда выгодна. Выгода предполагает выход из какой-либо ситуации с наименьшими потерями, получение блага любым способом. Однако расчётливость

Демагоги, пастухи и герои

и корысливость не достойны настоящего воина. Как сказано в "Хагакурэ бусидо", *чрезмерно изощрённый и расчетливый ум не достоин уважения*. Рассчитывать — это значит взвешивать и помнить, что можно потерять и что нужно выиграть. Расчетливый ум никогда не сможет подняться над мыслью о корысти и убытках.

А что есть смерть, как не убыток? Что есть жизнь, как не корысть? Кто рассчитывает, тот корыстен. Поскольку такой человек в любых обстоятельствах работает только с корыстной целью, — он должен опасаться смерти. Значит, такой человек — трус. Воин же не может быть трусом. Поэтому бусидо запрещает увлекаться рассуждениями. По словам Яомото Цунэтомо, рассуждающий воин не может принести пользы в бою. Он говорит: *Не думай о твоём князе. Не думай о твоих родителях; путь воина означает лишь одно — сражаться бешено, насмерть. Только идя этим путем, ты выполнишь свой долг перед твоим владыкой и перед твоими родителями*. Именно в силу подобных взглядов обуюнные жаждой подвигов герои часто в штыки воспринимали политические ходы своих вождей, заключающих соглашения с противником за шаг до победы, уходящих от прямого столкновения с врагом, играющих в непонятные для большинства интеллектуальные игры. Порой это недовольство выливалось в насмешки или даже бунт, толкая полководцев на необдуманные поступки, заставляя идти на поводу у своих солдат. Пример тому - поражение французов при Креси, прямое следствие настроений французского рыцарства, недовольного поведением своего короля, упорно уклонявшегося от генерального сражения.

Невольно напрашивается вопрос: "Почему я должен умирать, когда это невыгодно? Почему я должен платить жизнью за ничто?" Это обычные рассуждения себялюбивых людей. Когда надлежит сделать выбор, не позволяй мыслям о выгоде колебать твой ум. Принимая во внимание, что все мы предпочитаем лучше жить, чем умереть, это предпочтение определяет и наш выбор. Думай об ожидающем тебя бесчестии, когда ты, стремясь к выгоде, вдруг ошибешься. Подумай о жалкой участи человека, который не добился цели и продолжает жить. Так сказано в «Хагакурэ».

Однако выиграть поединок и выиграть сражение или войну - далеко не одно и то же. Во время Столетней войны англичане повсеместно одерживали победы, однако же в конце концов войну проиграли; в кампании 1812 года Наполеон выигрывал сражения одно за другим, однако же стратегия Кутузова, построенная не на геройстве и самопожертвовании, а исключительно на тонком расчёте, взяла верх. Мы не будем абсолютизировать частные исторические события - есть факты, доказывающие возможность обратного; однако

речь идёт не о том, какой путь лучше, а об их принципиальном различии.

Расчётливость - удел демагогов, путь изощрённых умов, ищущих не победы, но выгоды. Для достижения выгоды допустимо хитрить, торговаться, выжидать и пускаться во всякие прочие ухищрения. Если для воина поражение - несмываемый позор, то для демагога это может быть тонким ходом, позволяющим достичь, в конечном счёте, преимущества в чём-либо ином.

Если идеология воина, суть которой сводится к сакраментальной фразе "победа или смерть", изложена довольно детально в различных трактатах, то идеология поведения политика, поступки которого никогда не афишировались, поскольку не считались образцом для подражания, почти нигде не описана. разве что можем обратиться к "Государю" Макиавелли. Правда, как справедливо заметил Г. Гегель, *«Государя» надо читать под непосредственным впечатлением исторических событий, предшествовавших эпохе Макиавелли, и современной ему истории Италии, и тогда это произведение не только получит свое оправдание, но и предстанет перед нами как истинно великое творение подлинного политического ума высокой и благородной направленности».* Но, рассуждая о морали, мы никоим образом не можем пропустить это произведение. Макиавелли периодически вспоминает о христианских добродетелях и морали, однако его идеал политика - Чезаре Борджиа, человек аморальный во всех отношениях, лицемерный, жестокий и вероломный, одна из самых мрачных личностей того времени, человек, идущий к поставленной цели невзирая ни на какие препятствия, не обращающий внимания на судьбу; такой человек должен уметь отбросить всё, включая десять заповедей, во имя решения стоящей перед ним задачи. Для успеха на ниве политики государь должен быть умён, хитёр, изворотлив, он должен уметь предвидеть последствия каждого сделанного им шага, должен отбросить в сторону все принципы чести и понятия морали и руководствоваться единственно соображениями практической выгоды. Как политик, идеальный государь обязан сочетать в себе смелость и решительность с осторожностью и предусмотрительностью.

Лицемерие и обман – неперемменные атрибуты удачливого политика. Макиавелли по этому поводу говорит следующее: *Александр VI всю жизнь изощрялся в обманах, но каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее, обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк в этом деле.*

Демагоги, пастухи и герои

Отсюда следует, что государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими - полезно. **Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым - и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранить готовность про-явить противоположные качества, если это окажется необ-ходимо.**

Долг и отречение. Об одном из старых приближенных Такеды Сингэна, который вел его армию в какую-то битву в сопровождении своего младшего сына, рассказывали следующую историю. Для юноши это был первый военный опыт; исполненный гордости, он повернулся к отцу и сказал: «Я иду в бой, я забыл свою жену и семью!» Отец очень рассердился. Он ответил юноше: «Истинный самурай никак не может забыть жену и семью, когда идет в бой, потому что истинный самурай вообще о них никогда не думает!»

Главным столпом самурайского кодекса чести (как и кодекса западноевропейского рыцаря) была верность долгу. В “Хагакурэ” сказано: *Если ты появился на свет в старинном самурайском роду, достаточно лишь глубоко задуматься над верностью предкам, презреть тело и разум и всецело посвятить себя служению хозяину. Можно считать удачей, если ты, к тому же, наделен мудростью и талантами и умеешь правильно воспользоваться ими. Но даже тот, кто ни к чему не пригоден и неуклюж, может стать надежным слугой, если он исполнен решимости выполнять волю своего хозяина. Однако грош цена человеку, если его достоинства ограничиваются только мудростью и талантами.*

Долг важнее всего. Важнее дружбы, любви, благополучия и даже собственной жизни.

Молвит король:

- Возьмите же себе в моем замке такую свиту, какая вам пристала, и не медля отправляйтесь в путь и постарайтесь добыть мне Изольду.

Услышав эти слова, понял Тристан, что дядя посылает его в Ирландию не за Изольдой, а за смертью. Но не смеет он ему отказать.

Перед лицом смерти Тристан готов исполнить волю короля Марка – отправиться в Ирландию за Изольдой, хотя знает, что будет там непременно убит, ибо незадолго до этого сразил в поединке Морхульту, брата ирландской королевы.

Впоследствии любовь к Изольде, в конечном счёте, не мешает ему исполнить свой долг до конца и доставить её королю Марку.

...И когда исцелился Тристан и увидел красоту Изольды, - а она была так прекрасна, что молва о ее красоте обошла всю землю, - пал он духом и помутились его мысли. И решил он, что попросит ее в жены себе и никому другому, ибо тогда достанется ему прекраснейшая женщина, а ей - прекраснейший и славнейший рыцарь на свете. Но потом рассудил, что будет это величайшим вероломством: разве не поклялся он перед столькими добрыми людьми, что привезет Изольду своему дяде? И если не сдержит он своего слова, то будет навеки опозорен. И порешил он, что лучше сберечь свою честь, уступив Изольду королю, чем завладеть Изольдой и тем навлечь на себя бесчестье.

Маркграф Рюдигер, герой «Песни о Нибелунгах», вынужден сражаться со своими друзьями по воле своей королевы, ибо так повелевает долг.

*Маркграф промолвил: "Долгу я верность соблюду,
Как мне ни горько, что друзьям я принесу беду".*

Напрасно маркграф просит Кримхильду не заставляя его биться с бургундами. В ответ она упрекает его в том, что Рюдигер не верен долгу и своему слову и напоминает, скольким он обязан своим государям, поскольку их милостью он владеет землями и замками, полученными в обмен на военную службу.

*С отчаяньем на это ей Рюдегер сказал:
"Итак, своею кровью заплатит ваш вассал
За все, чем вы взыскали в былые дни его,
И больше мне доказывать не надо ничего.*

*Теперь лишусь не только земель и замков я.
Безременно прервется сегодня жизнь моя..."*

В обоих случаях конец истории печален – Тристан обречён на вечные страдания и душевные муки, которые в конце концов приво-

Демагоги, пастухи и герои

дят его к смерти, а Рюдигер гибнет, сражённый рукой своего друга Гернота, причём тем самым мечом, который сам до этого ему и подарил.

Герой по сути не принадлежит себе, он принадлежит долгу, в своих действиях он подчиняется необходимости, которая связывает его волю. Это в определённой степени противоречит самому пониманию феномена элиты как самодостаточной силы, обладающей абсолютной свободой воли и действующей по своему желанию в любых жизненных обстоятельствах. Однако же такое положение вещей вполне объяснимо логически, если вспомнить описанный нами в предыдущем разделе процесс возвышения воинского сословия.

Разрыв связей героя с миром, к которому он принадлежит, ставит его в исключительное, более того, опасное для него положение. Вне своей среды он переставал существовать как личность. Не случайно еще в XI в. в Исландии самым страшным наказанием, которому подвергались лишь за совершение наиболее тяжких преступлений (убийство родича, например), было изгнание, объявление человека вне закона. Утрата своего места в системе социальной иерархии создавала для человека почти непреодолимые трудности: лишенный покровительства, человек не мог рассчитывать на защиту и помощь, его имущество, земля и сама его жизнь переставали быть огражденными от посягательств более сильного. Не случайно так заботит Беовульфа судьба его дружины, если он погибнет в поединке с матерью Гренделя. Не случайно и требование англосаксонских судебныхников, чтобы каждый человек имел сюзерена и покровителя.

Утрата связей со своей средой уничтожает человека, лишает его всего: определенного положения в социальной иерархии, имущества, земли. Более того, зачастую он теряет даже свое имя.¹⁶

¹⁶ Именно таков герой англосаксонских элегий. В результате каких-то трагических событий (войны, болезней, изгнания), которые упоминаются лишь вскользь, герой отторгнут от привычного ему мира: утратил благосклонность своего господина Деор; защищая свою землю, погибли все соплеменники воина из «Беовульфа»; в битве пали родичи, друзья и вождь Скитальца; в изгнании Морестранник, Вульф («Вульф и Эадвакер»), воин из «Послания мужа»; какая-то болезнь опустошила город, описываемый в «Руинах»... Примечательно, что ни один герой элегий, кроме Деора, не имеет имени. Обычно рассказ ведется от первого лица, в авторском же повествовании герой назван «мужем», «воином» или просто обозначается местоимением третьего лица—«он». Даже в том единственном случае, когда из поэмы мы узнаем имя героя, оно приводится во фразе: «было мне имя Деор». Прошедшее время — «было» — странно звучит для

Душа самурая - меч, смысл жизни - смерть, главный жизненный принцип - честь, профессия - война, постоянное занятие - воинские искусства, отдых - изящная словесность и живопись. Воины не умели делать ничего другого, кроме как воевать. Война была их повседневным занятием и источником средств существования. Ничего иного у них не было и не могло быть.

Конница бенефициариев Карла Мартелла — продукт мобилизации той маргинальной части франкского общества, которая не имела ничего, но готова была сражаться и умирать на поле боя только ради того, чтобы не гнуть спину вместе с крестьянами, физическим трудом зарабатывая кусок чёрствого хлеба. Этим маргиналам были немедленно выданы средства на приобретение вооружения, естественно не в денежном выражении, а в виде недвижимого имущества — земли, которая являлась источником богатства и материального благополучия.

Примечательно, что воевать «за деньги» считалось гораздо менее престижным. Деньги никогда не были абсолютной ценностью, земля же могла дать её владельцу всё необходимое, в том числе, и в первую очередь средства на вооружение. Деньги же в чистом виде всего лишь деньги, которые воин не мог инвестировать, не мог приумножить каким либо иным способом, а мог только потратить.

По сути и в военном, и в политическом, и в финансовом отношении средневековые феодалы были предоставлены сами себе. Но только до тех пор, пока могли распоряжаться своей землёй. Так с течением времени сформировалась система вассальной зависимости.

Верность долгу и господину изначально была замешана на меркантильных соображениях. Рыцарь без своих замков, земель, вассалов, крестьян и прочих феодальных атрибутов не представлял из себя ничего. Лишённый милости сеньора, земель и владений, он терял всё. Нарушить долг перед господином означало обречь себя на жалкое существование, на голодную смерть в конце концов.

современного человека: ведь, что бы ни случилось, человек сохраняет свое имя. Иного мнения, очевидно, придерживается певец: Деором звали человека, имевшего господина и друзей, службу и земли. Теперь же, лишенный всех связей со своей средой, он утратил и свое имя. В этой поэтической условности концентрируется и достигает вершин патетики идея утраты героем присущего ему мира. См. Е. А. Мельникова. Меч и лира.

Демагоги, пастухи и герои

Таким образом, верность долгу и господину целенаправленно культивировалась всевозможными кодексами чести и общественными нормами, в эпоху Средневековья возведёнными в ранг абсолюта. Само собой, она подразумевает безоговорочное отречение от всего остального, идущего в разрез с пониманием сущности долга.

Жизненная позиция *странствующих рыцарей* и *ронинов* — «самураев без господина» — в этом контексте весьма показательна: не имеющие иного имущества, кроме своего меча, и иного владыки, кроме Господа Бога, они, таким образом, были свободны от каких бы то ни было обязательств, кроме обязательств перед собой. Естественно эти люди всячески порицались общественным мнением и находились в положении изгоев.

Вообще служение чему-либо предполагает безусловное отречение, в частности, служение иррациональным идеалам предполагает отречение от профанных ценностей повседневной жизни. Отречение приобретает, в частности, форму монашеских обетов, которые давали не только служители культа, но и различные монахи-воины.

Смысл самоограничения на самом деле заключается в освобождении от всего того, что мешает оторваться от мирских ценностей повседневного мира. Связанный мирскими делами, одержимый низменными страстями и привязанный к материальному миру человек неспособен духовно возвыситься и подняться над профанными ценностями. Душевные терзания, порождённые неудовлетворённостью и стремлением к земным благам обрекают человека на духовную нищету, а боязнь потерять сиюминутные удовольствия толкает на неблагоприятные поступки. Объективно, *находя богатство - теряешь совесть, находя любовь - теряешь рассудок, находя истину - теряешь веру... и только потеряв всё - обретаешь свободу...*

Самоограничение есть ни что иное, как единственный путь обрести чистоту помыслов и истинную свободу. Богатство, слава и женщины связывают волю, заставляя направлять силы не на подвиги, а на мелочные распри и склоки, поэтому обеты бедности, нестяжания и безбрачия несут в себе вполне однозначный смысл, направляя Воинов Господа по пути Истины.

Так, например, введение celibата не было случайным. Речь шла о восстановлении перед лицом класса воинов автономии и власти класса священников. Конечно, Григорий VII таким образом в первую очередь стремился достичь обновления и очищения духовенства, в частности, не допустив образования церковных династий, но основной смысл здесь заключается в устранении одного из наибольших мирских соблазнов.

Конфликт из-за женщины является лейтмотивом многих эпических произведений Античности и Средневековья. Троянская война, начавшаяся из-за прекрасной Елены, вестготская Испания, ставшая лёгкой добычей арабов как прямое следствие любовной трагедии, и, наконец, конфликт между королём Артуром и лучшим из рыцарей Круглого Стола Ланселотом из-за королевы Гвиневры. Понимание истины приходит слишком поздно, когда мир, повергнутый в пучину кровавого хаоса, уже невозможно восстановить.

Таким образом, следует полагать, что верность долгу есть квинт-эссенция абстрагирования от мирских ценностей, отличающая настоящую элиту от квазиэлиты. С другой стороны, посредством самоограничения элита всегда пыталась ограничить негативные явления, как то вероломство, лицемерие и двуличие (о которых речь шла выше), являющиеся прямым следствием стремления к обладанию мирскими благами.

Возможности и потребности. Если говорить об отречении от мирских благ ради иррациональных по своей сути ценностей, нельзя обойти вниманием немаловажный аспект — иерархию потребностей человеческого существа, чему психологи уделяют немалое внимание. Еще в 1940-х годах американский психолог Абрахам Маслоу разделил все потребности человека на пять основных уровней и сформировал пирамиду потребностей. Согласно его теории, люди стремятся удовлетворить, прежде всего, свои физиологические потребности (первый, низший, уровень). После того как они удовлетворены, человек стремится к достижению следующего уровня — безопасности и т.д., пока не достигнет вершины пирамиды.

Иерархия потребностей Маслоу выглядит следующим образом.

Физиологические потребности: то, что необходимо человеку для поддержания жизни и продолжения рода — еда, вода, пристанище, секс. Эти потребности потому так важны, что без их удовлетворения сама жизнь индивидуума и всего человечества находится под угрозой исчезновения.

Потребность в безопасности: к этому уровню относятся чувство защищенности, физическая безопасность, в первую очередь, а в современном обществе - безопасная рабочая среда, охрана труда, стабильная заработная плата.

Социальные потребности: человек нуждается в социальном взаимодействии с другими индивидуумами, стремится быть частью команды, хочет испытывать любовь и дружбу других представителей рода человеческого. Правда, кое-кто из особенно рьяно «взаимодействующих» вынужден подолгу находиться в специальных поме-

Демагоги, пастухи и герои

щениях для "охлаждения" чересчур буйных личностей — в тюрьмах и разнообразных изоляторах, но это уже другая, негативная сторона процесса.

Потребность в признании: люди хотят чувствовать, что они сами и их деятельность ценятся другими. Это заставляет их искать признания своих заслуг и уважения со стороны посторонних людей.

Потребность в самовыражении (самоактуализация): эта потребность берет свое начало в поиске смысла существования. Она занимает самый высокий уровень в иерархии Маслоу и может быть достигнута только после удовлетворения всех других ступеней пирамиды потребностей.

Увы, несмотря на то, что на бумаге теория Маслоу выглядит очень убедительно, а его пирамида — весьма внушительно, в реальном мире она не находит однозначного подтверждения. Действительно ли люди выстраивают свой жизненный путь систематично, сначала удовлетворяя "низшие" (согласно их расположению в пирамиде Маслоу) потребности и лишь затем задумываясь о "высших"? Конечно, нет. Это справедливо для «третьего сословия», трудящихся обывателей, большинство из которых никогда в своих запросах и потребностях не поднимаются выше третьей ступени. В то же время люди, наделённые особым даром и претендующие на избранность, как правило, минуют первые ступени, зачастую игнорируя их, и приступают к реализации потребностей четвёртой или даже пятой ступени. Объективно для элиты вопрос удовлетворения потребностей низшего уровня не является актуальным и отбрасывается как нечто ненужное и заведомо вредное (выше мы уже говорили об отречении и монашеских обетах); вопросы безопасности, в том числе и физической, также приносятся в жертву (к примеру, тамплиерам разрешалось отступать только в том случае, если противник превосходил их числом не менее чем три к одному); социальное взаимодействие не играет решающей роли и сводится лишь к ограниченному взаимодействию с равными себе; потребность в признании сохраняет ограниченную актуальность, потому что, как уже говорилось, элите не нужно доказывать свою значимость, она изначально ощущает себя выше всех остальных; по сути, только самоактуализация является основной и единственной потребностью, которую стремится удовлетворить элита во что бы то ни стало.

Следует также добавить: исследования доказали, что хотя значение "низших" потребностей уменьшается по мере их удовлетворения, "высшие" потребности со временем и по мере их удовлетворения лишь возрастают. Объективно, достигнув определённого уровня удовлетворения в отношении признания и самоактуализации, чело-

век неизменно стремится к большему, в то время как после удовлетворения низших потребностей о них он просто забывает.

Таким образом, вполне очевидно, что изначально не все люди испытывают в равной степени одни и те же потребности. Более того — способности и возможности для удовлетворения высших потребностей даны не каждому. В этом отношении люди, не испытывающие потребности подняться выше третьей ступени, в большей степени способны обрести счастье. Все же, стремящиеся подняться выше, обречены на страдания по причине неудовлетворённости из-за невозможность достичь недостижимое.

Ex nihilo nihil fit¹⁷. «Единица – вздор, единица – ноль...» - неистовствовал один небезызвестный советский поэт, воспевая идеалы коллективизма. Однако же противоречие в данном утверждении налицо – ноль не может быть единицей, точно так же, как единица не может быть равна нулю.

Позволим себе эдакую математическую аллегория, вполне, как нам кажется, уместную в данном случае. Как известно, чем больше нулей следует за единицей, тем больше её значение. С другой стороны, сумма любого количества нулей всё равно даст ноль. Такова логика чисел.

Высокая степень самодостаточности, отрицающая ценность чего бы то ни было иного, кроме самого себя, есть высшая степень само совершенствования духа.

Потребность личности в обществе себе подобных других личностей есть ни что иное, как подсознательное сомнение в собственной полноценности, основанное на ощущении духовной ущербности и ограниченности. Ощущая неполноту, недостаточность своей личности, индивид всячески стремится восполнить эту недостаточность за счет других личностей, растворяясь в толпе себе подобных и обретая, таким образом, целостность. Здесь мы имеем дело с личностью как самодостаточной системой (понимая под системой всякий субъект объективной реальности, выступающий как единое целое в силу высокого уровня внутренней самоорганизации) и толпой, которая также является системой, только образованной множеством человеческих особей, каждая из которых самодостаточной сама по себе не является.

Идеалы бусидо, хотя и сводятся в первую очередь к апологии фанатической верности долгу («жизнь человека легка, как перышко, а долг перед императором безграничен»), в общем, противополож-

¹⁷ *Из ничего ничего не выйдет (лат.)*

Демагоги, пастухи и герои

ны принципам тупого армейского солдафонства. Самурайская доблесть должна проявляться не в надменности и высокомерии, не в безоглядной слепой храбрости и фанатизме, а в постоянном и упорном совершенствовании духа, в тщательной шлифовке мастерства и стремлении подняться на новую ступень: "... следует совершенствовать свои качества ... так, чтобы у каждого была твёрдая уверенность: "Я лучший в Японии!" - поясняет "Сокрытое в листе".

Гордость и заносчивость самурая, на первый взгляд, противоречат принципам бусидо, но в то же время гордость трактуется как один из столпов самурайской чести: *"Есть два вида гордости - внутренняя и внешняя. Ничтожен тот самурай, который не обладает обоими видами гордости. Можно уподобить гордость клинку, который следует наточить, прежде чем вложить в ножны. Время от времени клинок вынимают, поднимают на уровень глаз, начисто протирают, затем снова прячут в ножны. Если самурай постоянно размахивает обнажённым мечом, все сочтут, что приближаться к нему не следует, и у него не будет друзей. В то же время, если меч никогда не вынимался из ножен, лезвие потускнеет, и люди перестанут считаться с хозяином"*.

Гордость в данном смысле - это, по сути, чувство собственного достоинства, неотъемлемый атрибут элиты. Элита никогда и ни коим образом не стремится доказывать кому бы то ни было своё превосходство – она изначально ощущает себя выше всех остальных, поэтому ей ничего не нужно доказывать. И это следует называть гордостью, не путая, однако, гордость с проявлениями гордыни и высокомерия.

Мы говорили выше, что основой элитарности, избранности является сила духа - способность своей волей подавлять волю других людей. Однако только человек, обладающий одновременно гордостью и силой духа имеет шансы стать по-настоящему великим. При этом в контексте изложенного выше гордость можно понимать как сублимацию запросов и потребностей, а сила духа (или *воля*) не что иное, как возможность их удовлетворения.

Если у человека есть гордость, но отсутствует сила духа, то он обречён на вечную неудовлетворённость, ибо неизбежно будет подавляем, внутренняя же гордость (которая, по сути, перерастает в гипертрофированное большое самолюбие) будет вынуждать его чувствовать себя несправедливо униженным и обделённым судьбой.

Тот же, кто не имеет гордости, но обладает силой духа, имеет все предпосылки стать беспринципным негодяем и безжалостным тираном. Такому человеку свойственно возвышаться за счёт унижения

других, а не за счёт личных качеств и собственного духовного превосходства.

Собственно, и первые, и вторые не могут существовать в окружении равных себе, ибо здесь у них нет шансов обрести уважение и почёт, а тем более славу и власть. В данном случае, чтобы ярко блистать, нужна темнота, потому что в темноте даже мерцание светлячка покажется гораздо более ярким, чем луч прожектора при свете дня. Естественно, единственный выход в данной ситуации – окружить себя толпой серых посредственностей, чьё раболепие и безоговорочная преданность в купе с врождённым скудоумием создадут подходящий фон для ощущения собственного великолепия. Все же другие, могущие оказаться выше уровня этой однообразной массы, должны быть подавлены и уничтожены, дабы не создавать конкуренции.

Не случайно для вышедших из общественных низов полководцев - вроде Оды Нобунаги или Чингизхана - победа над врагом всегда заключалась в его полном и безоговорочном истреблении.

Выше мы уже говорили о маргинальности элиты, её оторванности от остального общества. Это свойство само по себе есть ни что иное, как протест, нежелание подчиняться общепринятым правилам и законам. Однако здесь опять-таки следует обратить внимание на то, что люди, лишённые силы духа и наделённые лишь самолюбием и болезненным чувством униженного собственного достоинства, не способны изменять существующую реальность и вынуждены жить в ней, удовлетворяясь пассивными формами протеста. Таким образом, они превращаются в настоящих маргиналов – людей, находящихся вне общества, отвергаемые им и способные лишь на то, чтобы заявить: «мы не такие, как все, мы особенные, но нас не понимают и не ценят в этом ущербном мире». Таковы различные неформальные течения или маргиналы-одиночки, обитающие на социальной периферии, часто подавляемые и презираемые, обречённые быть никем и имеющие какое-то значение разве что в своих собственных глазах и в глазах себе подобных.

Другие же, не знакомые с чувством собственного достоинства, но способные действовать и подавлять своими действиями других – физически и духовно – не нуждаются в подобных формах протеста. Они используют существующую систему правил, подчиняясь им или нарушая их по своему усмотрению. Из таких людей получаются хорошие функционеры и бюрократы, но не более, а, оказавшись на вершине власти, они создают свою систему, обслуживающую исключительно их интересы и напроочь игнорирующую интересы всех остальных, которые в модель этой системы не вписываются.

Демагоги, пастухи и герои

Собственно говоря, всё вышесказанное есть описание различных крайностей, в действительности довольно редко наблюдаемых. На самом же деле чаще всего в реальности приходится иметь дело с совокупностью этих проявлений, сосуществующих бок о бок. Однако неоспоримо то, что совокупность гордости и силы духа делают человека выше и значительнее остальных, а их пропорциональные соотношения определяют его личные качества.

Уацнъ
внорая

Вемер
и некор

Часть II. Ветер и песок

1. Социальная структура иерархического общества

Воля богов и власть королей. Как справедливо отмечал Й. Хейзинга, в эпоху Средневековья *"все жизненные происшествия облекались в формы, очерченные куда более резко, чем в наше время."* Знатность и богатство гораздо больше контрастировали с вопиющей нищетой, болезнь и здоровье разнились намного сильнее, и даже природные явления - как то ледяная зимняя стужа и палящий летний зной, зловещий ночной мрак и яркое сияние солнечного дня - облекались в гораздо более категоричные формы. Более того, церковники поделили всё имеющее место быть в окружающем мире на то, что *"от Бога"* и то, что *"от дьявола"*; этот мир был лишён полутонов, в нём было лишь *чёрное и белое*.

Современный мир, как и мир первобытных предков гораздо более размыт и аморфен - границы между различными слоями общества смазаны, категории и определения нечётки и условны. Но от первобытного мира его отличает абсолютное непонимание и неприятие истин, лежащих за пределами человеческого познания.

Мы живем в эпоху, когда самой непосильной задачей оказывается задача исследования реальности. Причина этого затруднения связана не только с тем, что мы разучились образно мыслить. Главное - мы утратили способность исследовать реальность, потому что перестали воспринимать ее как арену столкновения *анонимных могущественных сил*, над которыми оказываемся не властны.

Магия (как и её производное – религия), предполагает существование в природе неких сил или сущностей, постичь и осмыслить, а тем более контролировать которые человек не может. Отличие науки от магии в этом смысле касается только одного аспекта: она также признаёт наличие этих сил, однако допускает возможность их познать и постичь с помощью человеческих знаний. Но, терпя поражение в попытках постичь непостижимое, наука оказывается в тупике, выйти из которого не может. Именно в силу этих научных заблуждений мы не можем понять и объяснить природу социального неравенства.

Для человека всегда существовало следующее восприятие сил, действующих в природе. Существовали силы, которые человек понимал, которые осознавал, и силы, природу которых человек не знал и постичь не мог. Вот как раз эти неведомые человеку силы, природы которых он не мог понять, но с которыми время от времени сталкивался, в глазах первобытных людей были чрезвычайно могущественными и опасными. Поэтому те места, где человек мог вступать в контакт с этими силами, ограждались специальными ритуальными запретами, табу, поскольку именно здесь *неведомое*, которое приходило в мир людей, проявлялось наиболее явно. Собственно, это и есть то, с чем принято связывать понятие *сакрального*.

Сакральным для социума является, по сути, то посредством чего высшие силы проявляются и действуют в человеческом обществе. То есть, человек или институты, через которые происходит это взаимодействие – это проводники между миром людей и потусторонним миром. То есть сакральная власть – это такая власть, которая легитимизируется, прежде всего, посредством апелляции к сверхъестественному и через нее сверхъестественное обретает выход в этот мир, и в то же время человек, соприкасаясь с сакральными носителями власти, будь то институт или властители, как бы опосредованно вступает в контакт с высшим миром, который можно назвать миром духов или богов. В то же время боги через эти институты или людей проявляют свою волю и реализуют её в земном мире.

Образцовыми фигурами в этом смысле являются пророки, которые вступают в непосредственный контакт с богом (богами) (к примеру, Моисей или Зороастр), или герои-завоеватели (например, Александр Македонский), которым приписывается божественное происхождение. С одной стороны, не вызывает сомнений факт существования этих исторических персонажей. С другой - это существование невозможно представить вне предельно мифологизированной роли полубога.

Сакральность, как было сказано выше, связана с определёнными местами, в которых человек мог вступать в контакт с запредельным, либо предметами, с помощью которых можно было делать то же самое. Так, Моисей мог общаться с Богом только в одном месте – на горе Синай. Чтобы говорить с ним во время странствий по пустыне, ему пришлось соорудить специальный «передатчик» - ковчег, с помощью которого и поддерживалась постоянная связь с космосом. Именно в силу *святости места*, например, столица государства — это не просто город, в котором находится правительство; скорее

Демагоги, пастухи и герои

наоборот — правительство находится в данном городе именно потому, что этот город является столицей. Показательны в этом смысле попытки перенести столицу в место, для неё не предназначенное — так, например, попытка сделать столицей России Петербург или столицей Украины Харьков в конечном счёте закончились возвращением её на прежнее место.

Таким образом, исключительность и обособленность отдельных людей, вступающих в контакт с богами и владеющими сакральными артефактами, имеет мистическую природу. При этом власть как таковая непременно наделяется элементами сакральности и является абсолютной, исходящей от Бога, лица же, непосредственно её осуществляющие, являются лишь проводниками божественной воли. В буквальном смысле эти люди являются обладателями некой особенной силы духа, магической и мистической силы. Можно провести параллель между обладанием этой силой и обладанием харизмой. Подобная одаренность ставит её обладателей в исключительное положение по отношению к остальным представителям рода человеческого. В первую очередь это проявляется по отношению к "человеку из народа", у которого нет не только ничего "сверхъестественного", но даже и неординарного, что хотя бы отдаленно можно было бы назвать "даром божьим". Наши современное "демократическое" общество — это общество, где понятие власти до предела деперсонифицировано и десакрализовано. Живя в нём, мы привыкли систематически пренебрегать дарами богов. Именно поэтому те, кто отмечен отпечатком сакральности, зачастую теряются в толпе, а к власти приходят заурядные личности, абсолютно неспособные совершить чудо.

Генезис социального неравенства мало поддаётся исследованию в силу большой удалённости истоков этого процесса от нас по времени и отсутствия его описаний в письменных источниках. Нам остаётся только изучать историю народов, наименее продвинувшихся в своём историческом развитии — первобытных племён Океании и населения крайнего Севера.

Последнее наиболее интересно в этом смысле, так как нам эти народы гораздо ближе, в то же время многие из них - вроде эскимосов, эвенков, чукчей — по сути, остались на уровне развития людей доледникового периода, по крайней мере, оставались таковыми, пока к ним не прибыли русские и американцы, привёзшие с собой на первобытный север человеческую цивилизацию — ружья, табак и огненную воду.

Социальный генезис и генезис властных структур в первую

очередь, можно проследить в развитии скандинавских стран, которых письменная история застаёт в ещё том состоянии, которое европейские страны на тот момент давно миновали. *Даже в XIV в. скандинавские государства лишь приблизились к общественным отношениям, характерным, скажем, для Франции VIII в., а в эпоху викингов ещё не вышли из первобытности.* Легендарная «держава Инглингов» - на самом деле не более чем миф, легенда, рождённая фантазией авторов скандинавских саг. И для этой оценки есть весьма существенные основания: право средневековой Скандинавии сохранило много архаичных норм, ещё в XII-XIII вв. здесь действовали народные собрания – тинги, сохранялось вооружение всех свободных общинников – бондов, которые при этом никогда не были крепостными...

У других стран и народов этот период закончился раньше и прошёл незамеченным: так, Европу мы застаём с уже практически сложившимся феодализмом, о славянах не знаем практически ничего, а античные государства, чей период варварской военной демократии закончился ещё в эпоху Троянской войны, вообще мало чем отличаются своим уровнем развития от государств современности.

Причина заторможенности развития северных народов кроется, видимо, в суровых климатических условиях, где борьба против сил природы происходила особенно остро и драматично. По сути, этим людям приходилось заниматься решением актуальных проблем выживания, времени же на политику не оставалось. Поэтому их усилия сосредоточились на создании наиболее жизнеспособных структур, эффективных в условиях суровой северной природы, тогда как народы Европы в то же самое время активно строили государства по образу и подобию римской военно-политической модели. В условиях застоя нереализованная деструктивная потенция скандинавских народов, в конечном счёте, вылилась в грабительские походы эпохи викингов, заставив содрогнуться прогрессивную и цивилизованную Европу. В разгар военных действий 1 мая 888 г. собор в Меце даже постановил включить в текст богослужения слова: *A furore Normannorum libera nos, o Domine!* («И от жестокости норманнов избави нас, Господи!»).

В конце IX – начале X в. пустынный остров в Северной Атлантике заселили примерно 400 бондов, недовольных политикой конунга Харальда Харфагра¹⁸, прозванного сначала Лохматым, потому что

¹⁸ Харальд Харфагр – Харальд Прекрасноволосый, первый единоподержавный король Норвегии.

Демагоги, пастухи и герои

он дал клятву не стричь волосы до тех пор, пока не объединит под своей властью всю Норвегию. К 930 г. численность населения Исландии, видимо, достигла нескольких десятков тысяч человек. Они образовали сравнительно однородное общество, живущее по законам и обычаям древних предков. В литературе часто встречаются те или иные позиции, оценивающие исландское общество эпохи викингов категориями, обычно применяемыми для других случаев. Так, например, помимо основных терминов используемых историографией, таких как «свободное государство» (*fristaten*), для обозначения устройства Исландии распространение получило слово «республика». Обычно так пишут в разного рода справочниках о стране, а также в научно-популярных изданиях.

Действительно, в Исландии не было правителей и королей, однако не было и тотальной анархии. Некоторые историки считают этот способ организации общества архаичной демократической формой государства, однако, в виду отсутствия здесь государственных институтов как таковых, следует полагать, что, на самом деле, мы имеем дело с догосударственной общинной организацией. Очевидно, что исландская «демократия» - древнейшая форма безгосударственной самоорганизации населения, известная в мире.

В каждой области был тинг, собрание, на котором вершился суд и решались споры; для решения наиболее важных вопросов представители областей собирались в начале лета на *Альтинге* (букв. Всеобщий тинг) под управлением законоговорителя — *годи*. Годи избирался исключительно на время проведения Альтинга и никаких полномочий за его пределами не имел. Положение *законоговорителя* требовало от него незаурядных способностей, поскольку существовала необходимость держать в памяти огромное количество законов, и практическая польза от этого института была огромной, по крайней мере, до 1117–1118 гг., когда правовые нормы начали записываться. Поэтому законоговоритель мог пользоваться материальными плодами своей деятельности, в частности, он получал половину всех штрафов, накладываемых на Альтинге.

Основание Альтинга связано с появлением в Исландии единого закона. Очень обстоятельно об этом повествует «Книга об исландцах» Ари Торгильссона. В главе «О первопоселенцах и принятии законов» говорится о самых знаменитых поселенцах и о том, как Ульвльот принёс в Исландию из Норвегии законы,

составленные на основе законов Гулатинга¹⁹. Это утверждение выглядит вполне логичным в свете того, что Гулатинг распространял свою юрисдикцию на те территории юго-западной Норвегии, откуда большинство исландцев вело своё происхождение. Законы Ульвльота появляются «тогда, когда Исландия стала заселённой», то есть в начале X века. Собственно, первый Альтинг был созван в 930 году. Законотворчеством занималась *логретта* — собрание жрецов: «Там должны люди улучшать свои законы и принимать новые, если хотят». Решения законодательного характера принимались членами логретты (изначально их было тридцать два), хотя инициатива могла исходить от любого из участников тинга.

Судебные процедуры на Альтинге являются довольно сложным предметом для рассмотрения, поскольку позже они подверглись изменениям, а в источниках не нашли должного отражения. Можно лишь предположить, что на Альтинге разбирались дела, не достигшие решения на местном уровне, хотя суды, по всей видимости, были довольно хаотичны. Обычно в споре на тинге побеждал не тот, кто был прав с точки зрения законов (древнеисландское право, как и любое древнегерманское, было обычным и прецедентным, сродни современному англосаксонскому), а тот, кому удалось заручиться поддержкой большего числа участников тинга. Этому способствовал и тот факт, что законы были чрезвычайно запутанными, со множеством исключений и особых случаев, и знание законов, как сказано выше, было большим искусством.

Отсутствие каких-либо органов управления и контроля, налоговой системы и социальной иерархии компенсировалось высокой степенью самоорганизации — решения тинга принимались большинством и были обязательны к исполнению, а самоуправство никоим образом не поощрялась. Так, например, убийца, обвинённый

¹⁹ Гулатинг - высшая судебная инстанция в юго-западной Норвегии, в области Гулатинглаг. Численность *тингманов*, обязанных ежегодно собираться на этом тинге, согласно полностью сохранившимся "Законам Гулатинга", определялась примерно в 400 человек, постановлением Магнуса Эрлингссона в 60-е гг. XII в. была сокращена до 250, причем сокращение коснулось всех фюльков. В это число не включались духовные лица и *лендрманы*. Население фюльков, из которых отправлялись *тингманы*, должно было снабжать их продовольствием сообразно размерам своего имущества, а уклонявшимся от этого взноса грозил штраф. В зависимости от местоположения фюлька продовольствие выдавалось на срок от одного до полутора или даже двух месяцев.

Демагоги, пастухи и герои

и обличённый на собрании, объявлялся вне закона, становясь по сути изгоем (что в условиях сурового климата означало де-факто смертный приговор), имущество его отбиралось в пользу родственников потерпевшего, а те, в свою очередь, получали право устроить над виновным расправу.

Собственно, здесь мы имеем дело с архаичными формами первобытной демократии, вероятно, присущими всем народам на начальном этапе становления государства. То, что такая форма организации общества просуществовала так долго, обусловлено изолированностью Исландии от внешнего мира, малой плотностью населения и отсутствием иных угроз, кроме суровой северной природы. Именно в силу этого её история — это история меньших или больших частных дел и конфликтов.

Этот первобытный мир продержался вплоть до XIII столетия, когда он был буквально сметён европейской христианской цивилизацией, принёсшими с собой не только новую веру, но и новый порядок. XIII век стал веком гражданских войн между тремя кланами, возглавляемыми сыновьями Стурлы Тордарсона; этот период вошёл в историю как *"эра Стурлунгов"*. Исландская знать — *«могучие бонды»*, — к тому времени уже обладавшая большими богатствами и окружившая себя хорошо вооружёнными дружинами, отстранила мелких бондов от участия в управлении государством. Воспользовавшись внутренними раздорами среди исландской знати, остров захватили норвежцы. Эра Стурлунгов завершилась в 1262 г. подписанием так называемого "Старого договора" между Исландией и Норвегией, по которому исландцы признавали власть норвежского короля Хокона IV.

В то время, как в Исландии сохранялось и продолжало успешно существовать общество первобытной демократии, в Скандинавии происходили совсем другие процессы.

Выдвинувшиеся на передний план племенные вожди — конунги постепенно закрепили за собой право на верховную власть. Преимущества конунгов были предопределены их принадлежностью к высшему звену административного аппарата, изначально — племенного, но без резких переходов трансформировавшегося в государственный. Эта власть восходила к древним институтам: тинг осуществлял выборы конунга, даже в XIII в. *«принять и прогнать конунга»* оставалось исконным правом общины. Однако свободу выбора при этом ограничивали, во-первых, сакральность королевского рода, через Инглингов восходящего к божествам, к Одину, Ньерду, Фрейру; во-вторых, реальная мощь этого рода, отношения претендента на власть с другими вождями и «могучими

бондами», состояние его дружины; и, в-третьих, эффективность тех мероприятий, которые конунг осуществлял во время своего правления, закрепляя право избрания за своими наследниками.

Сакральность власти, исходящая от вождя, распространяется и на его окружение, которое действует от его имени и его именем.

«Всюду, где Харальд устанавливал свою власть, он вводил такой порядок: он присваивал себе все отчины и заставлял всех бондов платить ему подать, как богатых, так и бедных. Он сажал в каждом фюльке ярла²⁰, который должен был поддерживать закон и порядок и собирать взьски и подати. Ярл должен был брать треть налогов и податей на свое содержание и расходы. У каждого ярла были в подчинении четыре херсира²¹ или больше, и каждый херсир должен был получать двадцать марок на свое содержание. Каждый ярл должен был поставлять конунгу шестьдесят воинов, а каждый херсир – двадцать. Харальд-конунг настолько увеличил дани и подати, что у ярлов теперь было больше богатства и власти, чем раньше у конунгов. Когда все это стало известно в Трандхейме, многие знатные люди пришли к конунгу и стали его людьми»²².

Такие же изменения, но значительно более ранние и менее для нас очевидные, произошли и в среде других варварских племён Северной и Центральной Европы, а также у остальных народов, поделившие общество на тех, кто правит, и тех, кем правят.

Хозяева и рабы. Легенда о суассонской чаше, рассказанная Григорием Турским, широко известна, она вошла практически во все учебники истории.

В 486 году в битве при Суассоне король франков Хлодвиг одержал победу над галло-римским наместником Сиагрием, объявившем себя «царем римлян». Разграбив город и его окрестности, победители унесли из какой-то церкви вместе с другими драгоценными вещами большую чашу удивительной красоты. Местный епископ направил послов к королю с просьбой вернуть

²⁰ Ярл – предводитель дружины, то же что граф у германцев или эрл у англосаксов; впоследствии – управляющий областью, назначаемый королём.

²¹ Херсир – буквально означает примерно «господин» – представитель мелкой скандинавской знати, что-то вроде рыцаря или барона.

²² Сага о Харальде Прекрасноволосом

Демагоги, пастухи и герои

эту чашу. Выслушав их, Хлодвиг сказал: «Следуйте за мною в Суассон, и если этот сосуд, который просит епископ, по жребию достанется мне, я выполню его просьбу». Когда на площади сложили всю захваченную добычу, король вышел на середину и, имея в виду упомянутую чашу, сказал: «Храбрейшие воины, я прошу вас отдать мне без всякого жребия этот сосуд». В ответ на эти слова старшие дружинники сказали: «Славный король! Ты наш вождь, и все мы подчиняемся тебе. Конечно, бери себе всё, что захочешь». Однако один молодой вспыльчивый воин вышел вперёд и воскликнул: «Ты получишь отсюда только то, что тебе полагается по жребию!». С этими словами он выхватил секиру и разрубил чашу напополам. Все были поражены этим поступком, но король в этот раз промолчал, стерпев оскорбление.

А спустя год, когда авторитет и власть Хлодвига многократно возросли, он приказал всем воинам в полном снаряжении явиться на воинский смотр. Обходя их ряды, он подошёл к тому самому молодому франку, который разбил чашу, и возмущённо сказал: «Никто не содержит вооружение в таком плохом состоянии, как ты. Ведь ни копье твоё, ни меч, ни секира никуда не годятся». И, вырвав у него оружие, он бросил его на землю. Когда тот нагнулся его поднять, Хлодвиг выхватил свою секиру и разрубил ему голову. «Так ты поступил с чашей в Суассоне, - сказал король. - С моей чашей!».

В этой легенде прослеживаются некоторые интересные исторические моменты.

Почему строптивый воин разрубил чашу, не выполнив пожелания Хлодвига? Таким образом он напомнил своему королю о существовании исконной франкской традиции, по которой за вождём не было закреплено никаких особых прав; обычай требовал, чтобы добыча делилась поровну согласно жребию. Хлодвиг не решился рассчитаться с обидчиком немедленно, ибо власть обычая всё ещё была сильнее его власти — король опасался возмущения свободных франков. Возмездие настигло молодого воина лишь когда Хлодвиг мог уже не бояться проявлений недовольства — теперь он был полновластным правителем, в руках которого находились не только имущество и свобода, но также жизнь и смерть его подданных.

На самом деле право решать кому жить, а кому умереть — исключительное право, в современных обществах дарованное исключительно суду, а в иных местах вовсе не дарованное никому, - наделяет правителя неограниченной властью над подданными. Только Бог дарует человеку жизнь, и только Бог имеет право её забрать, утверждает церковь. Распоряжаясь чужими жизнями, а также имуществом и свободой людей, правитель полностью

присваивает себе, таким образом, божественные функции.

И в то же время абсолютная зависимость подданных от своего господина, по существу, делает их его собственностью, рабами; в некоторых обществах это проявлялось в наиболее крайней форме, когда даже чиновничий аппарат и армия состояли почти полностью из рабов, как, например, это имело быть с подданными турецкого султана. Поэтому, на наш взгляд, сейчас будет уместным рассмотреть наиболее явную форму социального неравенства — владение человека другим человеком.

Среди самых примитивных из известных нам народов — племён австралийских аборигенов и жителей крайнего севера — рабство как таковое не существует. Как правило, здесь весь труд лежит на женщинах, играющих роль настоящих рабынь: с ними часто жестоко обращаются, порой хуже, чем с собаками. Вероятно, женщины и дети — первые, кого стали осознанно обращать в рабство.

Очевидно, что в эпоху первобытного общества рабовладение сначала отсутствовало полностью, затем появилось, но не имело массового характера. Причиной этого был низкий уровень социальной организации и отсутствие производства как такового. В таких условиях обращение кого-либо в рабство было бессмысленно, так как раб не приносил пользы хозяину, а при этом его нужно было кормить и содержать. В этот период, собственно, рабов как таковых не было, а были только пленники, взятые на войне. Их, как правило, убивали или приносили в жертву богам (в местах, где был распространён каннибализм — поедали), либо же иногда принимали в племя — это практиковалось и в Древнем Египте, и в Скандинавии, и у других народов в разных частях земного шара. Разумеется, были исключения, когда пленённых мужчин оставляли в живых и заставляли работать, либо использовали в качестве менового товара, но общей практикой это не было. Немногие исключения составляли мужчины-рабы, особо ценные из-за каких-то своих личных качеств, способностей, умений. Интерес, в основном, представляли захваченные женщины - как для рождения детей, так и для хозяйственных работ; тем более, что гарантировать подчинение женщин было гораздо проще.

Дочь жреца Хрисеида и прекрасная Брисеида, бывшие причиной ссоры между Агамемноном и Ахиллесом и отказа последнего от участия в войне, попали в руки победителей как добыча счастливой военной экспедиции. Палатки греческих вождов полны пленницами, захваченными в окрестных приморских местах во время тех набегов и разбойничьих нападений, которые давали возможность грекам жить во время осады Трои. Избиение мужчин, сожжение домов,

Демагоги, пастухи и герои

пленение детей и женщин — таков был обычай, таково было, по-видимому, общее правило при взятии городов:

*Мужи убиты оружием, дома превращаются в пепел,
Дети уводятся в плен и пышно одетые жены.*

Эта мысль преследует Гектора, когда он в последний раз видится с Андромахой, а его смерть пробуждает у несчастной женщины те же мысли в еще более горькой форме. *«Погиб наш блюститель, — восклицает она, — хранивший твердыню троянцев и защищавший их жен дорогих и детей малолетних. Вскоре их в плен повезут на глубоких судах мореходных. Буду и я между ними!»*

В этот период, собственно, рабов как таковых не было, а были только пленники, взятые на войне. С древнейших времён пленник считался собственностью того, кто его захватил. Эта, сложившаяся в первобытном обществе, практика явилась фундаментом для развития рабовладения, поскольку закрепила представление о возможности владения другим человеком.

Увеличение количества рабов связано, в первую очередь, с серьёзным прогрессом в развитии внутриплеменных отношений, когда разделение труда и эффективная организация производства привели к фактическому обособлению людей, не занятых производственным трудом. Эти люди — первоначально шаманы и вожди — были заинтересованы в обеспечении своего безбедного существования, а, следовательно, в увеличении доли избыточного производства материальных благ. Естественно, этот прирост не мог происходить до бесконечности за счёт соплеменников в силу ряда объективных причин. Во-первых, ещё вполне живы были традиции справедливого перераспределения материальных благ среди всех членов общины, а, во-вторых, формально, в силу обычая, все члены племени были равноправны и свободны, поэтому их безнаказанная эксплуатация не представлялась возможной. То есть если заставить их производить какой-то избыточный продукт ещё было можно, то отобрать его и полностью присвоить вряд ли удавалось. Таким образом, возникла естественная потребность в альтернативных трудовых ресурсах, и ресурсы эти находились рядом.

Труд рабов всегда был и остаётся высокорентабельным в силу того, что раб не получает за него ничего, кроме еды, крова и одежды. Как только использование рабского труда получило экономическое оправдание, он начал использоваться массово, и продолжает использоваться до сих пор.

Раб — это человек, не принадлежащий себе. Он не является

субъектом права как личность. Ни в отношении к своему господину, ни в отношении к третьим лицам раб не пользуется никакой правовой защитой как самостоятельное лицо. Господин может обращаться с рабами по своему усмотрению. Убийство раба господином — законное право последнего, а кем-то другим — рассматривается как покушение на имущество господина, а не как преступление против личности. Во многих случаях за ущерб, нанесённый рабом интересам третьих лиц, также несёт ответственность хозяин раба. Лишь на поздних этапах существования рабства рабы получили некоторые права, но весьма незначительные.

Условия жизни раба определяются лишь гуманностью или выгодой рабовладельца. Первая была и остаётся редкостью; вторая заставляет действовать различно в зависимости от того, насколько трудно доставать новых рабов. Процесс выращивания рабов с детства — медленной, дорогой, требующий достаточно большого контингента рабов-"производителей", поэтому даже абсолютно антигуманный рабовладелец вынужден обеспечивать рабам уровень жизни, достаточный для поддержания работоспособности и общего здоровья; но в местах, где добывать взрослых и здоровых рабов легко, их жизнью не дорожат.

Рабовладельческого строя как способа производства никогда и нигде не существовало. В разные времена и у разных народов количество рабов то сводилось к минимуму, как, например, у скандинавских племён, то возрастало колоссально, как в восточных деспотиях или государствах Античности. Рабство продолжало существовать и в средневековой Европе, и в XVII-XIX веках в явных или скрытых формах. В настоящее время рабовладение официально запрещено во всех государствах мира. Последний по времени запрет на владение рабами и использование рабского труда был введён в Мавритании, в 1981 году. Тем не менее, в современных условиях рабовладение не просто существует, но и процветает, в том числе в государствах, считающихся свободными и демократическими. В формах, типичных для классического рабовладельческого общества, рабство продолжает существовать в государствах Африки и Азии, где формальный его запрет произошёл относительно недавно. В государствах же, считающихся вполне цивилизованными и демократическими, процветает трудовое рабство. Основными его жертвами становятся незаконные иммигранты или лица, насильственно вывезенные из страны постоянного проживания. Нередко в рабство попадают лица, обратившиеся у себя на родине в рекрутинговые фирмы,

Демагоги, пастухи и герои

обещающие высокооплачиваемую работу за рубежом. У таких лиц под различными предложениями изымают документы после прибытия в страну назначения, после чего лишают свободы и принуждают к труду.

Для Европы, а также ОАЭ, Турции, Израиля наиболее характерно сексуальное рабство. Оно же составляет значительную долю в других промышленно развитых странах, прежде всего, в США.

«Призывным рабством» представители ряда общественных и правозащитных организаций именуют обязательную военную службу по призыву, которая существует во многих государствах, в частности, почти во всех странах бывшего СССР, странах Азии и Южной Америки. Имеющаяся кое-где возможность замены военной службы альтернативной гражданской, хотя и даёт право отказаться от службы в армии, но не освобождает призывника от необходимости длительное время работать на государство за минимальную плату без возможности выбора места работы и характера деятельности.

До сих пор мы говорили о рабстве в его самом очевидном проявлении — насильственном лишении человека личной свободы и физическом принуждении его к выполнению определённых обязанностей. Однако понятие *зависимости* и *эксплуатации* одними людьми других гораздо шире и не ограничивается рамками изложенного выше.

Как уже отмечалось, раб — это человек, не принадлежащий себе. Но, как справедливо сказал Ницше, *рабом должен быть признан всякий, кому не принадлежит хотя бы две трети его времени*. Поэтому рабом должен считаться и тот, кто большую часть своего времени обслуживает потребности других людей за мизерную плату, еду и жильё. Единственное предназначение этих людей — работать изо дня в день, своим трудом делая богатых людей ещё богаче.

Нет никаких оснований отрицать тот факт, что человечество объективно поделено на тех, кто использует труд других людей, и тех, чей труд эксплуатируют. При этом в любом обществе существует большое количество формально свободных людей (по крайней мере, считающих себя таковыми), на самом деле находящихся в положении рабов.

Новые общественные и хозяйственные отношения, которые в различных государствах обуславливались различными причинами, создали новый институт условно-зависимых людей, породив новое состояние несвободных, прикреплённых к земле и поставленных под власть землевладельца крестьян (личная зависимость, поземельная зависимость), единственное отличие которых от собственно рабов

заклучалось в формальной личной свободе. Рабство сохранилось как, преимущественно, домашнее, облечённое в более цивилизованные и гуманные формы. Примечательно, что земля как основная материальная ценность никогда не являлась народной собственностью, и те, кто на этой земле работал, обслуживали интересы хозяина, получая за свой труд ничтожную долю того богатства, которое производили.

Сельское хозяйство всегда было и остаётся сверхрентабельным производством, однако работающий на земле крестьянин во все времена находился на самой нижней ступеньке общества, получая, может быть, едва ли сотую часть того, что было произведено его усилиями. Именно поэтому отток сельского населения в города имел место быть всегда, с древнейших времён и до сегодняшнего дня. Этот своего рода «провинциальный комплекс», если смотреть на проблему более глобально, обрёл отражение в том искажённом видении мира, которое и сегодня присуще многим. Он выражается в перманентном стремлении жителей провинции, в особенности сельской глубинки, в города, большие города, потому что счастье можно обрести только там, где всего много; потому что *там, у них* – в Киеве, Москве, Рио-де-Жанейро, – всё гораздо лучше, чем в нашем колхозе.

Этот процесс, называемый *урбанизацией*, естественно возник не на пустом месте.

В действительности, выбор жителя села незавидный — либо с утра до ночи работать в поле и жить вдали от благ цивилизации, либо попытаться поискать лучшей участи вдали от дома. Правда, большинство таких «искателей» оказываются в другом рабстве, с утра до ночи выполняя тяжёлую физическую работу в городе, ту работу, за которую горожане не берутся, а если и берутся, то за гораздо большую плату. Таким образом, и здесь бывший крестьянин продолжает оставаться рабом, расходуя львиную долю своих заработков на оплату жилья и еды, и не имея абсолютно никаких перспектив.

Но не только люди, занятые физическим трудом, пополняют армию рабов. Лично свободные, но на самом деле не имеющие ничего своего и зависящие от своего хозяина люди образуют основную часть общества. Из рабов набирались и набираются целые армии, из них формируются силовые структуры и чиновничий аппарат, при этом часто рабы получают существенные бонусы и ощущают себя «хозяевами жизни», однако с той разницей, что настоящие хозяева в любой момент могут их этого всего лишиться.

Зависимость одних людей от других — это один из аспектов

Демагоги, пастухи и герои

социальной психологии, закономерный факт, вызванный не столько желанием одних людей повелевать другими, сколько неспособностью последних этому сопротивляться. Человек, будучи рабом, не является рабом своего хозяина - он раб веры в неизбежность хозяина. И если исчезает один хозяин, на его месте очень быстро появляется другой. Готовность подчиняться обусловлена, в первую очередь, неготовностью большинства людей мыслить самостоятельно, самостоятельно принимать решения и, - главное — потом за эти решения отвечать.

Современные люди больше всего гордятся своей свободой и независимостью. Во второй половине XX и начале XXI века постоянно говорилось и говорится о свободе в различных её аспектах. Наша цивилизация очень гордится тем, что после долгих столетий *тьмы, рабства и невежества* в значительной части стран мира господствует демократия, которая обеспечивает человеку различные свободы - печати, слова, передвижения, вероисповедания и пр. Любовь к свободе, независимости мышления привела к появлению так называемой *постмодерной философии*, в которой не существует каких бы то ни было чётких понятий о добре и зле, норме морали, принципах поведения. Всё это каждый человек отныне определяет сам для себя и никто не вправе делать ему какие бы то ни было замечания и учить его (если это, конечно, не выходит за рамки закона и не влечёт за собой преступления). Особо гордится своей свободой молодёжь, и, в частности, студенчество. Современное общество очень любит говорить, что в отличие от своих дедушек и бабушек они не рабы какой-то политической системы и никогда не будут таким стадом, каким было, по их мнению, общество при Сталине и Гитлере. Тем не менее, практика показывает, что подавляющее большинство людей готово подчиниться чужой воле, лишь бы не решать самостоятельно вопросы проектирования и управления.

Вопреки марксистско-ленинскому учению о классовой борьбе, можно предположить, что история цивилизации не породила, а лишь проявила рабство (как и другие социальные институты), в скрытой форме существовавшее и продолжающее существовать в естественной иерархии общества, подпадающего, в конечном итоге, под общие законы мироздания.

Феодалы и их вассалы. Первоначально социальная организация первобытной общины представляет собой крайне размытую нечёткую структуру, в конечном счёте трансформирующуюся во что-то наподобие исландской

«демократии». В этой структуре нет сложной иерархии подчинения, и единственной формой социального неравенства является рассмотренное выше рабство как форма владения одного человека другим. Структура общества древней Скандинавии выглядит приблизительно следующим образом. Его основу составляют свободные общинники-бонды. Особняком стоят треллы-рабы и хёвдинги-вожди²³. Рабов в это время очень мало, и это единственный зависимый класс. Хёвдинги пока не имеют реальной власти, точно так же, как исландская логретта, однако их особое положение в обществе обусловлено той сакральностью, которой их наделяет происхождение от богов-асов.

В этот период «карлы и ярлы» в общественно-политическом плане составляли нечто целое: родовитая знать ничем, кроме своей родовитости (выраженной в поэтических генеалогиях, возводящих владельцев к мифо-эпическим персонажам) и периодических, ритуального характера приношений со стороны других общинников, не выделяется. Формально функция верховного языческого жреца и предводителя народного ополчения закреплялась за конунгом. Конунг выступает, скорее, как власть исполнительная, верховный функционер племенной организации, ограниченный волей народного собрания, которое нередко позволяло себе заявить: *«А если ты не пожелаешь сделать то, что мы требуем, мы восстанем против тебя и убьём тебя... Так раньше поступали наши предки: они утопили в трясине на Мулатинге²⁴ пятерых конунгов за то, что те были такими же высокомерными, как ты»* (Сага об Олаве Святом).

Превратить в полной мере свободных бондов в подданных – подчиненное конунгу ополчение, а затем и в плательщиков даней и податей – вот цель, к которой из поколения в поколение стремились скандинавские вожди эпохи викингов. И, в конечном счёте, достигали ее: *«Харальд весь народ в стране поработил и подчинил»*, – так оценивает первые успехи королевской власти «Хеймскрингла». О том же говорит и «Сага о людях из Лососьей долины»: *могущество конунга Харальда Прекрасноволосого возросло настолько, что ни один конунг в стране и никто из знатнейших людей не обладал никакой властью, если их не наделял властью Харальд.*

Знать, возглавившая возникшие в VII-VIII вв. локальные

²³ Хёвдинги или хавдинги – представители древней родоплеменной знати, позже их место заняли конуги и ярлы.

²⁴ Мулатинг или Моратинг - тинг, собиравшийся недалеко от Уппсалы, здесь происходили выборы короля.

Демагоги, пастухи и герои

племенные объединения, не только сосредоточила в своих руках серьёзную экономическую, политическую, идеологическую власть, но и создавала адекватные этой власти новые административные формы. Можно предполагать, что возвышение этой знати в VII-VIII вв. сопровождалось нарастанием напряжённости в отношениях между хёвдингами и свободными общинниками. Очевидным показателем этого конфликта была эмиграция населения из Норвегии на острова Северной Атлантики и начавшееся в VI-VII вв. движение шведов на Аландские острова и восточный берег Ботнического залива.

Подчинение свободных общинников осуществляется, в основном, силовыми методами. Стратегически этот метод прост – лишить большинство свободного населения оружия и возможности защищаться, а своё окружение наоборот усиленно вооружить. Конунги собирают вокруг себя вооружённых людей, первоначально членов рода, а затем и всех тех, кто готов был сделать войну своей профессией. Так формируется «хирд» - дружина вождя, - как альтернатива и одновременно оппозиция *ледунгу* — ополчению свободных бондов. Преимущество «хирд» налицо — свободные от занятий сельским хозяйством воины постоянно совершенствуются в воинском искусстве и всегда готовы взяться за меч, в отличие от крестьян-бондов, которые берутся за оружие только в случае возникновения военной угрозы.

Основой существования королевской власти и подчиненной ей вооруженной силы – в буквальном смысле одним из источников ее пропитания – на раннем этапе стала *вейцла*.

Первоначально – это пир, который бонды периодически устраивали в честь своего местного хёвдинга, но затем *вейцла* стала исключительно королевской прерогативой, которой конунг либо пользовался сам, либо мог пожаловать кому-то из своих приближенных. Со времен Харальда Харфагра конунги с дружиной регулярно разъезжали по стране, и население каждой местности обязано было к указанному времени доставить строго регламентированное количество продуктов. Численность дружины постепенно возрастала: при Олаве Святом (в 1016 г.) она возросла от 60 до 100 дружинников, затем превысила этот порог. Олав Тихий (1066-1093 гг.) возил с собою уже 240 человек.

Таким образом, преследовались и достигались две цели. Конунг ездил по стране со своими воинами, и это было демонстрацией силы: конунг, таким образом, показывал, что у него есть возможность защитить своих подданных и также есть возможность в случае необходимости подавить их недовольство. В то же время кормить

такую ораву за чужой счёт было весьма выгодно, тем более что отъезд сопровождался вручением подарков, опять же в натуральной форме — ремесленных изделий, мехов или продуктов.

Правящая элита, формирующаяся и объединяющаяся вокруг конунга, существовала во многом за счет ресурсов крестьянского хозяйства *бондов, вейцла послужила специфической организационной формой выкачивания из крестьянского хозяйства производимого им избыточного продукта, первоначально – в виде натуральных поставок для королевских пиров.*

Аналогичные обычаи существовали и у других народов. Например, Генрих II Плантагенет, весьма прогрессивный монарх, всё время, не занятое войной, проводил, разъезжая по стране и пируя в замках своих вассалов.

Феодальная система была в принципе несовместима с современной идеей централизованного всеобщего подоходного налогообложения; вассал был обязан сюзерену военной службой, может быть, разовыми выплатами по случаю посвящения в рыцари или женитьбы сына сюзерена и т.д., но не постоянной уплатой налогов²⁵ со своих владений. Король должен был, кроме этих преимущественно неденежных феодальных обязанностей своих вассалов, довольствоваться доходами со своего собственного домена и различными косвенными доходами, преимущественно от таможен и выпуска монет, а также нерегулярными поступлениями от выморочного имущества, судебных пошлин и т. д. Западноевропейские короли прилагали большие усилия, чтобы разными, часто обходными путями ввести подоходный налог для всех подданных (например, посредством принудительной замены военной службы в феодальном ополчении на денежные выплаты, так называемые *щитовые деньги*).

Усложнение социальной иерархии общества сопровождается усилением власти вождей — теперь между знатью и рабами образуется многоступенчатая лестница, состоящая из зависимых, независимых и полузависимых субъектов феодального права, связанных друг с другом системой сложных иерархических отношений.

²⁵ Средневековые феодалы выполняли функцию своеобразных налоговых агентов – в их обязанности входил сбор налогов с подвластного населения, и эти налоги затем поступали в казну. По существу, то же самое делают в современном обществе предприятия, выступающие посредниками между государством и гражданами в вопросах сбора и уплаты так называемых косвенных налогов.

Феодализм, если рассматривать его сквозь призму сложившихся стереотипов, имеет следующие отличительные черты. Первое – *приоритет статуса*. Роль статуса в классическом феодализме огромна, и бедный дворянин - это все равно дворянин. Главный ресурс феодалов - влияние, способность «решать вопросы». Разумеется, приобретается этот ресурс в политической сфере. В силу этого в феодальном обществе положение рождает богатство, а не наоборот. Второе - замысловатые и запутанные отношения лояльности, по сути, *система личных связей*. Основа классического феодализма — *оммаж*, совокупность процедур, когда вассал получает от сеньора во владение землю, а взамен даёт обязательства верности и военной службы. При этом действует один из основополагающих принципов феодализма - «*вассал моего вассала не мой вассал*». Именно этот принцип породил бесконтрольный разгул феодальной анархии во Франции, где, например, созвать *арьербан* – ополчение из вассалов своих вассалов – было для короля практически непосильной задачей. Англия, в основном, избежала неразберихи в феодальных отношениях преимущественно благодаря Солсберрийской присяге, когда Вильгельм Завоеватель обязал всех феодалов – и норманнских баронов, и только что завоеванных саксонских эрлов и танов, - принести клятву верности ему лично, с тем чтобы гарантировать лояльность всей этой вооружённой толпы землевладельцев непосредственно королю.

На самом деле феодальная система не приносит с собой ничего радикально нового, ибо статус – прямое следствие сакральности происхождения, а хитросплетённая система общественных отношений – результат логического, хотя и несколько хаотичного развития системы соподчинения, возникающая как результат наложения военных институтов управления на институты общинные.

Классическая феодальная лестница выглядит следующим образом. Наверху этой лестницы стоит король – верховный сюзерен и глава державы. Рядом с ним находятся пэры – те, кого сеньор считает равными себе. По сути, их наличие преследует две цели, в первую очередь, легитимизацию решений сюзерена, которые как бы принимаются не им одним, а с одобрения суда пэров; в то же время пэры со своей стороны гарантируют законность власти сюзерена своей поддержкой и влиянием.

На следующей ступеньке стоят крупные феодалы – герцоги и князья. Герцоги – прямые потомки и преемники племенных вождей, древняя родовая знать, могущая похвастать не менее сакральным происхождением, чем представители королевского рода. Не

случайно борясь с племенным сепаратизмом, Карл Великий упразднил институт герцогства, назначив в каждую область своего управляющего. Впоследствии титул герцога был восстановлен, а параллельно с ним как результат развития административной системы возник титул маркграфа или маркиза. Оборона границ была делом важным, но в то же время очень хлопотным и дорогостоящим, а феодальные государи не располагали достаточными средствами для содержания многочисленных гарнизонов на пограничье. Поэтому в приграничные области – *марки* (др.-нем. *mark* – межа, граница) короли назначали маркграфов – управляющих, которым были предоставлены фактически неограниченные полномочия в их владениях, как то чеканка монеты, право суда, право сбора налогов и решение вопросов мира и войны. Со своей стороны эти новоиспечённые феодалы своими силами и за свой счёт должны были организовать защиту границ. Со временем маркграфы превратились в независимых и могущественных удельных правителей, чья власть вполне могла равняться герцогской, хотя в феодальной иерархии маркграф следует за герцогом.

Третью ступеньку занимают графы (ярлы в Скандинавии), первоначально - предводители дружин, затем – управляющие областями, назначенные милостью короля и управляющие от его имени. Именно на этом этапе у скандинавов начинают различаться понятия *jarl* – собственно ярл как правитель определённой территории и *seajarl* – «морской ярл», вождь дружины, по сути, пират.

Четвертую ступеньку делят рыцари и бароны – мелкие феодалы, часто не имеющие собственных вассалов. Изначально – это дружинники короля, мелкие скандинавские вожди-херсиры и все те, кто удостоился права носить оружие, в то время как у большинства свободного населения его отобрали. Между ними были распределены земельные наделы, некогда принадлежавшие общине, как плата за службу и как гарантия их лояльности сюзерену.

Вся остальная масса населения, именуемая народ, находится в основании этой пирамиды. Формально вся эта толпа состоит из лично свободных крестьян и горожан (за исключением, естественно, настоящих рабов, коих в Средние века было очень мало), однако де-факто все они были связаны непрямыми отношениями зависимости, основанными, в первую очередь, на земельных отношениях. Первое, что сделали племенные вожди, претендовавшие на верховную власть, они присвоили себе право на землю, которая до этого принадлежала общине, а ещё раньше, до её заселения, была ничейной. Затем эту землю они раздали своим вассалам, поначалу на правах условного держания, как плату за военную службу. Таким

Демагоги, пастухи и герои

образом, вся земля, являвшаяся главным, по сути, источником материальных благ, находилась в исключительной собственности феодалов, крестьянин же получал право на ней работать при условии соблюдения одного простого правила – львиная доля всего, что производилось в его хозяйстве, принадлежало хозяину земли и перераспределялось между правящей верхушкой, способствуя ещё большему её усилению.

Таким образом, на протяжении пяти-шести веков на примере скандинавов мы прослеживаем поступательное развитие общественных отношений от самоорганизации общин, являющейся прямым следствием логического развития первобытной демократии, до классической феодальной системы со всеми присущими ей атрибутами. Свод королевских саг – Хеймскрингла, «Круг земной», – весьма наглядно обрисовывает все эти процессы. В самом начале эпохи викингов – в период мирной колонизации необитаемых островов и первых грабительских набегов на побережье Англии, – скандинавское общество предстаёт перед нами в том виде, в котором его рисуют авторы ранних саг. Раннесредневековая Исландия – очевидный тому пример. В этом контексте сама по себе эпоха викингов видится как попытка массового бегства свободного населения Скандинавии от новых порядков, которые несли с собой социальные изменения, происходившие в тот момент в скандинавском обществе.

Некоторое время спустя мы уже видим полноценные феодальные государства, созданные скандинавами у себя дома и на захваченных территориях, как, например, в Нормандии. Биография её первого правителя Роллона, Хрольва Пешехода исландских саг, показательна для характеристики социальной природы викингов. Младший сын в знатном роде, вступивший в конфликт с конунгом, пират, грабитель, торговец, военный предводитель, постоянно ищущий места для поселения – от небольшого острова Вальхерен до обширного герцогства Нормандского, и, наконец, феодальный правитель завоёванных им земель.

Если в отдалённом уголке мира, на окраине цивилизации, в Исландии северные поселенцы долгое время сохраняли древний общественно-политический уклад, то на землях, где период ломки старых порядков уже давно миновал, они форсированными темпами вливались в новую мировую систему, которая в самой Скандинавии сформировалась окончательно лет на триста позже.

Норманнские бароны, завоевавшие Англию в 1066 году, были потомками тех викингов, чьи предки вершили суд и решали важные вопросы на народных собраниях, однако в их обществе этих

собраний уже не существовало - им на смену пришла сильная власть королей с новыми феодальными порядками, зафиксировавшими превосходство вооружённого и сильного меньшинства над бесправным и слабым большинством.

Как пишет Г. С. Лебедев, *на земле Британии начиналась эпоха викингов, с налетов дерзких разбойничьих банд «морских кочевников», бесстрашно бороздивших моря в поисках добычи и славы. На земле Британии она и закончилась, в столкновении кованых ратей феодального мира.*

Реальная власть и иллюзия власти. Мы не случайно настолько подробно остановились на элементарной структуре классического феодализма, знакомой, в принципе, каждому по учебникам истории – в дальнейшем это позволит нам понять суть процессов, происходящих в системе общественных отношений, в том числе и в современном мире.

Разделение истории общества на рабовладельческий, феодальный и капиталистический периоды условно и вряд ли объективно. В эти различные периоды истории в обществе лишь наиболее заметно проявлялись определённые элементы его организации, существовавшие всегда, с самого момента его возникновения. Описанные в учебниках формы этих обществ в чистом виде не встречаются практически нигде – так, классический феодализм можно изучать на примере Франции и – отчасти – Японии, в остальных странах мы встречаемся с различными его модификациями и гибридными формами.

Единственным существенным отличием так называемого «капитализма» от классического феодального общества является то, что субъектом экономических, правовых и общественно-политических отношений становится не земельное владение, а хозяйственная структура - *предприятие* как самостоятельная экономическая единица, фактически мини-государство со своим бюджетом, законами, внутренней структурой и даже вооружёнными силами.

Предприятия в современном мире являются основным источником материальных благ; собственно, они, а не отдельные граждане, выступают субъектами в отношениях с государством. Борьба за контроль над предприятиями, уничтожение или захват «вражеских» предприятий является основным сюжетом современного феодализма, так же как в классическом феодализме – захват земли врага. Современная система управления предусматривает приоритет предприятий, *гражданин для нее*

Демагоги, пастухи и герои

является лишь неким трудовым ресурсом, требующим возобновления - подкормки и удобрений. Для того, чтобы гражданин мог всерьез вести дела с государством, ему необходимо пройти определенную инициацию, связанную, как и любая инициация, с испытанием. Испытание состоит в том, чтобы гражданин стал предприятием – в наиболее простом случае зарегистрировался в качестве частного предпринимателя.

В политической сфере это проявляется, в первую очередь, в том, что субъектами политических процессов являются не отдельные граждане, а *политические партии*.

Конечно, современная экономика отличается от экономики средневековой, в первую очередь, развитой системой денежных отношений – это объективно обусловлено постепенным переходом от натурального хозяйства к хозяйству смешанному, которое включает в себя, помимо производства продуктов питания, ещё и торговлю, и промышленное производство, и ряд непроизводственных секторов экономики. при этом создаётся иллюзия того, что обществом управляют деньги, вернее, те люди, которым эти деньги принадлежат. Однако это следует рассматривать как одно из основных заблуждений индустриальной и постиндустриальной эпохи.

Деньги – одно из грандиознейших изобретений человечества, равное по масштабности изобретению производящей экономики и оружия. По сути, первичны не деньги, а материальные блага, деньги же были придуманы как универсальное средство перераспределения материальных благ в пользу элиты, незадействованной в производственных процессах.

Попробуем развить эти мысли, изложив их системно.

Первоначально мир не принадлежал никому. Полями, лесами, реками, а также землёй, на которой всё это находится, распоряжались могущественные силы природы, находящие персонифицированное воплощение в образах духов и богов. Эти силы *позволяли* людям пользоваться природными ресурсами, санкционируя их действия своей сакральной властью.

Первым этапом установления собственности на природные ресурсы стало *присвоение земли*. У большинства высших животных есть понятие *своей* территории – места их обитания, которое является в то же время источником пищи. Борьба за территорию характерна для животного мира, и является естественной частью борьбы за выживание, борьбой за ресурсы. Естественно, такая борьба сводится к минимуму в случае отсутствия прямого контакта с конкурентами и избытком природных ресурсов; в случае же плотного

заселения территорий и дефицита ресурсов она обостряется, принимая формы открытого силового противостояния, в результате которого происходит передел территорий, связанный с вытеснением сильными животными более слабых.

Аналогичные процессы имели место и в первобытном человеческом обществе на этапе, когда присваивающая экономика была единственным источником средств существования.

Ситуация изменилась с появлением производящей экономики – сельского хозяйства. Если до этого границы территорий, занимаемых человеческими сообществами, были условны, то теперь возникает необходимость в проведении чётких границ, потому что земля становится в прямом смысле слова источником пропитания, а охрана этой земли – жизненной необходимостью. Таким образом, формируются понятия *своей*, *чужой* и *ничейной* земли как способа идентификации принадлежности территорий. Земля распаханная и земля застроенная – это уже не абстрактная территория обитания человеческого стада, это земля общины, отделённая внешней границей и от мира других людей, и от мира дикой природы. Естественно, земля не захватывается самовольно – разрешение занять ту или иную территорию нужно выпросить у inferнальных сил: путём магического ритуала, нередко в обмен на жертву получить *санкцию* духов на пользование их собственностью. Духи, таким образом, делегируют общине право распоряжаться землёй, поэтому право владения священно, а чужая собственность – табу, покушение на неё может вызвать гнев богов. Право собственности на землю коллективно, ибо субъектом отношений между миром духов и миром людей является община. Частная собственность – нонсенс, вообще индивидуум вне коллектива, изгой не имеет никаких шансов выжить, мир дикой природы убьёт его. Даже с дроблением хозяйств и выделением рода как самостоятельной хозяйственной единицы владение землёй продолжало оставаться коллективным – субъектом владения был род, семья, а не отдельные их представители.

Вероятно, принципиальная возможность индивидуального владения возникла как следствие того социального разделения, в результате которого некоторые люди – шаманы и вожди – во-первых, отделились от общины в качестве самостоятельной единицы, а, во-вторых, в силу своих сакральных функций, утвердили за собой право распоряжаться от имени богов собственностью богов. Тем не менее, следует признать, что присвоение земли с древнейших времён имело вид принудительного перераспределения, в том числе и силовыми методами.

Демагоги, пастухи и герои

Магия – это средство познания мира, оружие – средство его освоения и подчинения; о тех радикальных изменениях, которые повлекло появление последнего, мы подробно говорили ранее. Война – не только средство борьбы за выживание, войну следует рассматривать как неотъемлемый элемент присваивающей экономики, экономики по своей сути экстенсивной, но достаточно эффективной как средства перераспределения материальных благ.

Присваивающая экономика – как то охота, рыбная ловля и собирательство – не производит ничего, а лишь использует возобновляемые природные ресурсы. Главное – чтобы темпы потребления этих ресурсов не превысили темпы их естественного восстановления, только в таком случае возможно избежать продовольственного кризиса. Следует отметить, что разработка недр и освоение природных ресурсов как то, например, лесов также являются экстенсивной отраслью экономики, продолжающей существовать до сих пор.

Война как таковая есть борьба за ресурсы, первоначально – природные, её задача – прогнать конкурентов и получить контроль над территорией, являющейся источником пропитания. Вторая функция войны – отобрать и перераспределить готовый продукт, и здесь в качестве возобновляемых ресурсов выступают материальные блага, накопленные другими людьми. Первоначально идея захвата чужих ресурсов родилась, вероятно, в процессе разграбления поселений побеждённых конкурентов, на данном этапе как акция разовая, знаменующая успешный финал военных действий. В дальнейшем, вероятно, грабёж становится средством систематического пополнения собственных ресурсов, некоторые племена – в первую очередь, разнообразные кочевники, жители степи, бедной на собственные запасы пропитания, превратили его в одну из основных отраслей экономики, причём достаточно высокоэффективную. В данном случае, как и в случае с природными ресурсами, главное не перебрать – потребляемые ресурсы должны возобновляться быстрее, чем происходит их экспроприация.

Таким образом, в подобных действиях проявилась потенциальная возможность принудительного перераспределения, во-первых, избыточного продукта, а, во-вторых, коллективной собственности общины в пользу отдельных, можно сказать, частных лиц.

Как уже говорилось выше, основным богатством общины была земля, и именно земля, в конечном счёте, стала тем достоянием, борьба за которое велась не на жизнь, а на смерть уже не с внешними врагами, а внутри самой общины.

Следует отметить, что с увеличением плотности населения и ростом потребления природных ресурсов ничейной земли практически не осталось – под это понятие подпадают незаселённые пустоши, труднопроходимые заболоченные местности или высокогорные районы, и вообще территории, в принципе непригодные для проживания. Таким образом, расширение собственных территорий стало возможным только за счёт соседей, что само собой провоцировало споры и вооружённые конфликты. Именно в этот период как альтернатива всеобщему ополчению формируются небольшие боеспособные отряды, сплотившиеся вокруг племенных вождей. Первоначально источник их существования – добровольные подношения общинников и периодические грабежи в ходе военных акций против обнаглевших соседей, однако со временем эти контингенты, образовавшие самодостаточную силу, становятся средством перераспределения имущества внутри общины.

Отбирая у свободных общинников землю, вожди, прежде всего, апеллируют к своим священным правам сакральных правителей, осуществляющих на земле волю богов, то есть присвоение земли легитимизируется посредством не только силы, но и божественного права. Таким образом новоявленные правители присваивают себе то, что некогда боги даровали коллективу – право собственности на землю.

Самый простой и надёжный способ сделать человека счастливым – это сначала отобрать у него что-либо жизненно важное, а потом часть этого вернуть как щедрый дар. Именно так поступили и с землёй – отобранные поля и леса незамедлительно вернули обратно прежним владельцам в виде величайшей милости в обмен на обязательство делиться всем, что на этой земле будет произведено. Так в одночасье картина привычного мира перевернулась.

Борьба за землю становится квинтэссенцией существования человеческого общества. Примечательно, что новоявленные короли, хотя и не прочь были поделиться своим священным правом на землю, очень неохотно с ней расставались, стараясь сохранить за собой возможность это право себе вернуть. Крестьяне больше никогда собственниками земли не являлись – отныне и навсегда эта привилегия у них была отобрана. С другой стороны, даже раздавая земли своим приспешникам, правители ограничивали их право этими землями распоряжаться, те же, в свою очередь, стремились эти права закрепить. Бенефиций – это даже не владение землёй, это пожалование за военную службу, остававшееся в распоряжении

Демагоги, пастухи и герои

владельца только до тех пор, пока он копьём и мечём служил своему господину. Собственно, такое положение вещей не лишено логики – ведь, чтобы обучить воина, нужна целая жизнь, а для того, чтобы вывести его из строя достаточно одного удара. Феод – это уже пожизненное владение, дарованное всё за ту же службу, но могущее быть передано по наследству, если наследники продолжали служить сеньору. Отобрать феод было возможно, но только в особых случаях и только по решению суда пэров. Аллод – закономерный результат развития земельных отношений, абсолютное и полное право собственности на землю, передаваемое по наследству; оно было вырвано феодалами в результате долгой борьбы с королями, несмотря на отчаянное сопротивление последних.

Стоит отметить, что церковные землевладения так и не стали наследственными в силу высокой степени централизации духовной власти: все церковные должности, хотя и были пожизненными, оставались назначаемыми или выборными, но никак не наследственными, обеты же, даваемые служителями культа, препятствовали образованию кланов по родовому принципу. В то же время сохранилось и безличное коллективное землевладения – земли монастырей и храмов, не принадлежащие конкретному лицу.

В современном мире земля часто объявляется народной или государственной, частная собственность на землю рядовым гражданам, как правило, не допускается и реализуется в большинстве случаев в виде различных форм долгосрочной аренды или временного землепользования.

Земля и связанное с ней натуральное хозяйство оставалось самодостаточным до тех пор, пока могло удовлетворять потребности населения в продуктах питания, то есть практически бесконечно. Однако само по себе оно налагало определённые ограничения на перераспределения продукта производства – из крестьянского хозяйства невозможно получить больше, чем оно может произвести. Поэтому возникла потребность установить тотальный контроль за перераспределением материальных благ во всех сферах экономики, а, поскольку банальный грабёж с появлением централизованных государств и сложной системы международных и внутривнутриполитических отношений себя исчерпал, для этого понадобились альтернативные средства. Таким средством стали *деньги*.

Деньги как таковые появились давно, однако их массовому внедрению способствовала именно та часть общества, которая всесторонне стремилась получить исключительное право распоряжаться распределением материальных благ. Возникновение

денег как результата развития торговли – миф: торговля всегда была меновой, один товар менялся на другой в том соотношении, которое устраивало участников сделки; универсальным средством обмена были металлы или - иногда - шкуры животных. Собственно, функции первых денег выполняли металлические слитки, в первую очередь, из золота и серебра – не случайно названия денег первоначально соответствовали мерам веса: как то драхма, талант или марка.

Первым этапом монополизации права на производство денег стало установление особых меток в виде клейма на слитках, что формально как бы гарантировало качество металла и законность его происхождения, но в то же время ставило все остальные аналогичные слитки в неравное положение с теми, которые были отмечены клеймом правителя. Следующим этапом стало уменьшение веса слитков (впоследствии, при чеканке монет – уменьшения веса монет), то есть фактическое уменьшение содержания драгоценного металла при сохранении его номинальной стоимости. Внедрение в оборот денег из дешёвых сплавов и неметаллических (бумажных) денег, якобы обеспеченных золотом, способствовало объективному тотальному обесцениванию денежной массы, а, с другой стороны, привело к тому, что определённый круг людей, располагающих доступом к деньгам, может в обмен на ничего не стоящие цветные бумажки получать в неограниченном количестве реальные ценности и материальные блага. При этом государство ревностно охраняет своё право на производство денег – если раньше правители в ряде случаев разрешали своим наиболее влиятельным подданным чеканить собственную монету, то теперь это право становится исключительно привилегией державы, а изготовление фальшивых денег ставится в один ряд с особо тяжкими преступлениями, такими как убийство, разбой и грабёж.

Безналичные деньги – высшая степень экономической абстракции, позволяющая оперировать, по сути, воздухом, при этом государство в лице его контролирующих структур может контролировать эти виртуальные потоки. Собственно, безналичные деньги сделали принципы тотального и всеобщего налогообложения максимально реальными.

Глобализация экономики и увеличение доли несельскохозяйственного сектора привели к тому, о чём было сказано в начале раздела – перемещению центра тяжести социально-экономического взаимодействия от поземельных отношений к отношениям организационным. Первыми субъектами этих отношений стали различные монашеские братства и рыцарские

Демагоги, пастухи и герои

ордена. Не будучи привязанными к конкретному месту на карте, они в то же время имели в своём распоряжении земли с сельхозугодьями и природными ресурсами, крепости, порты, ремесленное производство. Они выступали как субъекты внутривластных и международных отношений, подчиняясь в то же время верховной власти апостольского престола в Риме. Например, Орден Храма, могущественнейший из рыцарских орденов Средневековья, имел значительные владения в Англии, Франции и по всей Европе; Орден Святой Девы Марии Тевтонской вообще основал собственное государство в Прибалтике. И, конечно, эти организации имели в своём распоряжении неисчислимы богатства, позволявшие им конкурировать с могущественнейшими феодалами и даже королями.

Аналогичные структуры возникли и как продукт развития торгово-транспортных предприятий, таких, как Ганза – союз немецких городов, число которых доходило до двухсот и более. Ганза располагала портами, укрепленными форпостами и собственными военно-морскими силами в Северной Европе. Крупнейшая ганзейская крепость располагалась в Висбю на острове Готланд. Также Ганза сумела основать дополнительные конторы в Брюгге (во Фландрии, ныне на территории Бельгии), в Бергене (Норвегия) и в Лондоне (Англия). Эти фактории стали значительными анклавами. Лондонская контора, основанная в 1320 году, стала через некоторое время окруженной стенами общиной с собственными складами, домом весов, церковью, офисами и жилыми домами, отражая важность и масштаб производимой деятельности.

Ганзейские сообщества усиленно работали над тем, чтобы получать специальные льготы для своих членов. К примеру, они ухитрились убедить короля Англии Генриха II даровать им в 1157 году особые торговые привилегии и рыночные права, которые освободили их от всех лондонских пошлин и позволили торговать на ярмарках по всей Англии.²⁶

Феодальные правители видели очевидную угрозу своей власти в этих стремительно растущих новообразованиях. Французский король Филипп IV Красивый физически уничтожил тамплиеров, обвинив их в ереси, и добился от папы юридической ликвидации ордена. Датская королева Маргарита, понимая опасность растущей

²⁶ По своей сути эти организации являли собой прообраз современных транснациональных корпораций наподобие таких как «Газпром» или «Samsung».

мощи Ганзы, организовала против неё настоящую войну, однако не увенчавшуюся, в конечном счете, успехом.

Трансформация экономики, связанная с ростом торговли и промышленного производства, по сути, привела к тому, что удельные князья поменяли форму, но не изменилась суть общественных отношений. Так называемый «капитализм» лишь подчеркнул те конфликты и противоречия, которые успешно подавлялись до этого военной силой. Если основным принципом первобытной экономики было перераспределение материальных благ поровну между всеми членами общины, то в экономике иерархического общества происходит перманентное перераспределение избыточного продукта в пользу немногочисленной касты избранных. Современная демократия пытается эти противоречия сгладить, прикрыв проблемные места мишурой народовластия и социальной справедливости. Тем не менее, в этом демократическом мире происходят те же самые процессы, которые имели место быть сотни лет назад: бедные stanовятся всё беднее, а богатые всё богаче, и пропасть, их разделяющая, всё время растёт.

Утопии коммунизма. Основополагающая идея общества социальной справедливости – *от каждого по возможностям, каждому по потребностям*, – сама по себе привлекает своей правильностью и кажущейся простотой. Одна беда – идея так и осталась только идеей, не более, несмотря на разнообразные малоуспешные попытки воплотить её в жизнь.

Фактически социализм, а тем более, коммунизм – в теории есть попытка возродить ту систему первоначального перераспределения материальных благ, от которой безмерно далеки и феодальные, и капиталистические государства, да и государства посткапиталистической демократии. Концептуально такая система не отрицает государственного управления как такового, но фактически места для государства в классическом виде в ней нет. Собственно, сама по себе система управления в СССР представляла собой совокупность соподчинённых управленческих структур, курирующих разные отрасли экономики – так называемых ведомств, а функции государственного аппарата сводились к тому, чтобы эффективно распределить между этими ведомствами (а через них между гражданами) материальные блага. Фактически государство решало, у кого сколько забрать и кому сколько отдать, поддерживая, таким образом, экономический баланс. Как следствие это привело к тому, что государства, образовавшиеся после распада

Демагоги, пастухи и герои

СССР, принципиально не могли быть эффективными в условиях, когда появились независимые от них социально-экономические субъекты. Эти государства были не просто «неправильные», (то есть такие, которые могут быть улучшены и исправлены), а принципиально неспособные действовать классическим образом. Это обстоятельство не понимали «реформаторы» внутри страны, поскольку они никогда не видели эффективного классического государства и не знали, как оно устроено. Точно так же, это обстоятельство не понимали западные доброхоты, поскольку «снаружи» все государства выглядят одинаково. На исправление ситуации ушли годы, и даже сегодня нельзя сказать, что процесс этот завершился.

Таким образом, «советский эксперимент» не просто не удался – в СССР не только не получилось построить «коммунизм в отдельно взятой стране», более того, последствия его строительства привели к политическому и социально-экономическому краху.

Попробуем разобраться, почему это произошло.

Современная демократия вообще есть ни что иное, как попытка возрождения народного самоуправления – по сути, попытка вернуть общине те священные права, которые были у неё отняты насильственными методами. Великая Хартия Вольностей, проторившая путь английскому парламентаризму, была буквально вырвана у Иоанна I Безземельного рыцарями и горожанами во главе с Симоном де Монфором; это была попытка обязать короля при принятии решений советоваться с народом, по крайней мере, с лучшей его частью. Последующее изобретение демократии – конституция, – вообще ограничила права монархов, сведя их роль к сугубо представительским и церемониальным функциям. Следует заметить, что конституция в классическом феодальном обществе не только бесполезна, но и вредна, поскольку она расставляет совсем иные приоритеты общественных отношений. Конституция ставит во главу угла отдельного гражданина и его права, восстанавливая, таким образом, тот порядок отношений, который существовал в период первобытной демократии наподобие исландской. При этом все граждане условно становятся равными между собой и перед государством, а сложная иерархия с её феодальными атрибутами теряет всякий смысл. В то же время конституция пытается наладить прямую коммуникацию между человеком и государством, тогда как сложившаяся система управления устанавливает приоритеты для социально-экономических и политических структур.

В целом, можно сказать, что современная демократия стремится к тому идеалу общественной организации, который существовал на

заре человечества: равенство всех граждан, как политическое, так и имущественное, гарантируется и обеспечивается священной властью народа, а люди выдающиеся являются не более чем первыми среди равных и выполняют свои социальные функции в тех рамках, в которых этого требует общество. Однако идеал этот остаётся недостижимой мечтой о земном рае, «золотом веке», сказкой, которой дурачат доверчивых простофилю.

Как писал Г. Морган, проводя социальные параллели между дремучим прошлым и светлым будущим, *«время, прошедшее с наступления цивилизации, - это ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени, которое ему ещё предстоит прожить. Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование осветят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Она будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов».*

Что бы ни говорили историки, но советская политико-экономическая модель приблизилась к этой идеальной системе более других. Пол крайней мере, в теории.

Равенство всех перед законом было установлено раз и навсегда – привлечь к ответственности могли каждого независимо от рангов и званий. Заслуженно или нет – другой вопрос, в данном случае не слишком актуальный.

Борьба с богатством велась теми же методами, что и в первобытном обществе – в случае обнаружения богатого человека его имущество надлежит отобрать и поделить, его же самого отправить на перевоспитание в трудовые лагеря, а в случае невозможности перевоспитания просто расстрелять.

Экономика и политика были замкнуты на одной-единственной политической силе. Диктатура пролетариата в чистом виде. Одна страна, одна партия, один фюрер – это, правда, из истории другого государства, но вполне применимо и в отношении СССР.

Народ и партия едины – стоит вспомнить римское S.P.Q.R.²⁷

²⁷ Senatus populi que Roma – «сенат и римский народ едины», лозунг, начертанный на знамёнах римской республики, а затем и римской империи. Италики во время войны с римлянами дразнили их, по-своему

Демагоги, пастухи и герои

Однако в однопартийности системы и партийности власти были заложены предпосылки социального неравенства. Были члены партии, а были простые граждане; первые, по сути, являлись привилегированным сословием. Чтобы попасть в структуру управления и занять самую маленькую третьестепенную руководящую должность, нужно было стать членом партии. Естественно привилегия эта была дарована не всем. Своё право на партбилет нужно было доказать, пройти испытание, и только тот, кто это испытание выдержал, становился полноправным членом авангарда рабочего класса. Соответственно это давало ему доступ к использованию тех благ и возможностей, которые рядовому гражданину были недоступны. В том числе и возможность стать гораздо более материально обеспеченным. Но с этим вопросом было не всё так просто.

Единственным собственником в стране было государство, другой собственницей, кроме государственной, не было и не могло быть. Экономика страны работала как единый механизм. Попытки частной инициативы пресекались. Одновременно шла перманентная борьба с накоплением частных капиталов, в том числе и представителями правящей верхушки. В СССР контролировались не доходы, а расходы. Человек, который тратил слишком много, неизбежно попадал в поле зрения контролирующих органов и должен был доказывать законность происхождения своих накоплений. Если это ему не удавалось, он незамедлительно подвергался наказанию, а имущество его конфисковывалось в доход государства.

Крах всей этой системы последовал вследствие того, что образовалось значительное количество людей, в том числе близких к власти, имевших деньги, которые они не могли использовать. Именно эти люди в поисках возможности легализовать свои капиталы подтолкнули политическую систему СССР сначала к «перестройке», а потом и к её фактической ликвидации.

Причина крушения советской системы не в её несовершенстве или ущербности, а в человеческой психологии. Мировосприятие современного человека радикально отличается от мировосприятия человека первобытного, о чём уже говорилось выше. Осознание и понимание самой возможности получить большую власть и большее богатство невозможно искоренить, поэтому появление отдельных личностей, пытающихся это сделать, обусловлено самой человеческой природой. Таким образом, становится очевидным, что

расшифровывая эту надпись: *Somo porco questo romani – «свиньи они, эти римляне».*

в современном мире общество социальной справедливости не будет построено никогда.

2. Мечи и мушкеты

Бел-Африс: - *Послушай, родич. В бою один на один египтяне - боги в сравнении с римлянами...*

Но этот Цезарь не знает боя один на один, он бросает легион туда, где мы всего слабее, как бросают камень из катапульты.

И этот легион подобен человеку с одной головой и тысячью рук, и он не знает бога.

Я сражался с ним, и я знаю.

Бельзенор (насмешливо): - *Они испугали тебя, родич?*

Бел-Африс: - *Нет, родич. Но они меня сразили.*

Возможно, они испугались, но они раскидали нас, как солому...

Все кончилось в одно мгновение.

Они напали на нас там, где мы их меньше всего ждали.

Бельзенор: - *Это значит, что римляне трусы.*

Бел-Африс: - *Им все равно, трусы они или нет: они бьются, чтобы победить.*

Б. Шоу.

Цезарь и Клеопатра

Нагасино. Нагасино – название замка в японской провинции Микава, считавшегося в своё время неприступной крепостью. Во время военных кампаний Сэнгоку Дзэдай он неоднократно переходил из рук в руки, и, наконец, летом 1575 года этим замком завладел легендарный объединитель Японии Ода Нобунага. Замок имел важное стратегическое значение, и 16 июня его осадил Такеда Кацуёри. Гарнизон стойко сопротивлялся всем тактическим приемам, которые были в распоряжении осаждающих, поэтому к 22 июня Кацуёри решил превратить штурм в осаду, надеясь уморить защитников замка голодом. Поскольку запасов пищи у осажденных было всего на несколько дней, они забеспокоились и послали за помощью к Нобунаге.

Тот отреагировал мгновенно. В операции по снятию осады с Нагасино он увидел возможность раз и навсегда сокрушить могущество клана Такеда, так что немедленно выступил на помощь осаждённым. Численное превосходство было на стороне Нобунаги – он мобилизовал более 30 000 воинов, в то время как войско Такеды едва ли насчитывало 15 000. Однако эта армия была набрана почти полностью из крестьян-асигару, войско же Кацуёри – большей

частью из закалённых в боях самураев, а его ядро составляла тяжёлая конница – предмет гордости клана Такеда, сила, с которой нельзя было не считаться. Несмотря на это, опытные генералы Кацуёри предложили своему молодому господину отступить или же предпринять общий штурм замка, чтобы попытаться захватить его до прибытия Нобунаги. Тот отказался от обоих предложений, приняв решение атаковать противника на подходе.

Нобунага знал, что его войска ненадёжны и не выдержат серьёзной кавалерийской атаки. Узнав, что Кацуёри готов сражаться, он спланировал свои действия соответствующим образом. Приказы, которые Нобунага отдал своим войскам, в полной мере показывает, насколько верно он оценил потенциал *аркебузы*.

Его солдаты соорудили из веревок и кольев импровизированные изгороди - редкий частокол, как раз такой высоты, чтобы через него не смог перескочить конь. Но гениальность плана Нобунаги заключалась не в этом. Он выделил из своего войска три тысячи асигару, вооружённых аркебузами, и выстроил их на склоне холма в три ряда, по тысяче в каждом, назначив им опытных командиров. Он понимал, что основными недостатками этого оружия являются небольшая дистанция прицельного огня и долгая перезарядка, поэтому приказал каждому ряду стрелять по очереди, залпами, и только тогда, когда враг подойдёт вплотную.

На рассвете, в пять часов утра 29 июня 1575 года началась битва при Нагасино.

Такеда были вынуждены действовать на неровной местности, атакуя вверх по склону холма. Кроме того, ночью прошёл ливень, и земля сильно размокла. Конница Кацуёри двигалась медленно, и как только она добралась до изгородей, по ней ударил смертоносный залп тысячи аркебуз...

...Несмотря на то, что первая атака была отбита с большими потерями со стороны атакующих, Кацуёри приказал ввести в бой резервы, и сам повел их на частокол. Но залпы чередовались с той же регулярностью и с той же эффективностью, отправляя самураев Такеда в вечность. Залп следовал за залпом до тех пор, пока все люди и кони не полегли на склоне холма.

Сражение при Нагасино стало триумфом современных методов ведения войны Оды Нобунаги, который показал, что масса непрофессиональных воинов при правильной организации и наличии опытных командиров способна противостоять сокрушительной силе элитных воинов, хорошо обученных и вооружённых. История с аркебузами при Нагасино наглядно демонстрирует потенциальное превосходство умелой организации

Демагоги, пастухи и герои

над элитными войсками, полагающимися исключительно на свою неодолимую мощь. Именно совокупность этих факторов позволили Нобунаге устроить клану Такеда кровавую бойню. И если бы победа в этом сражении была единственной победой Нобунаги, то и её одной было бы вполне достаточно для утверждения его авторитета великого полководца.

Полководцы. *«Не следует домогаться мечей и кинжалов, принадлежащих знаменитым воинам. Меч стоимостью в десять тысяч может быть побежден сотней копий по цене лишь в сотню за каждое»,* - эти слова одного из стратегов эпохи Сэнгоку Дзэдай лучше всего могут подытожить рассказ о военных успехах Нобунаги.

Великий воин – не тот, кто может с лёгкостью одолеть противника в бою, а тот, кто может выиграть битву на расстоянии, стоя на вершине холма. Но ещё более великий воин тот, кто может выиграть войну, не покидая походного шатра. Сражения, как известно, выигрываются не на поле боя. Настоящий полководец выигрывает битву задолго до её начала.

Воинские контингенты тёмных веков были относительно малочисленны и слабо организованы. В этих условиях основной задачей военачальника было благополучно доставить свой отряд в место непосредственного контакта с врагом, выстроить в некотором порядке, вдохновить речью и повести в бой. В дальнейшем управление сражением становилось практически невозможным. С ростом численности армий, улучшением вооружения и качественным изменением военной тактики на первый план выходит *военная организация*, оттесняя бойца-одиночку на задний план.

Превосходство воина-профессионала над толпой ополченцев обусловлено множеством факторов, причём далеко не в первую очередь превосходством в вооружении, о чём неоднократно говорилось выше. Само по себе изощрённое владение оружием в отрыве от духовной составляющей не может служить подтверждением личных достоинств воина. *"Человек, который завоёвывает репутацию благодаря техническому совершенству в воинских искусствах, просто глуп. По неразумению своему он все силы сосредотачивает на одном и добивается в этом деле успехов, отказываясь думать обо всём остальном. Такой человек ни на что не годен!"*, - утверждает Ямамото Цунэтомо.

Но элитные отряды никогда не были многочисленными. Несколько десятков, иногда несколько сотен — вот предел численности средневековых феодальных дружин. Отряд в несколько тысяч считался огромной армией.

Европейских рыцарей было мало, ничтожно мало, если сравнивать их численность с количественными показателями армий нового времени. То, что в учебниках истории принято называть *тяжеловооружённой рыцарской конницей* на самом деле таковым не являлось, вернее, не соответствует принятой терминологии в полной мере. Настоящих рыцарей было гораздо меньше – во второй половине XIII века во всей Англии их было всего 2750 человек; Ливонский орден времён Ледового побоища насчитывал не более пятидесяти рыцарей. В сражениях обычно участвовали несколько десятков, в крупных битвах, решавших судьбы держав, несколько сотен, редко более тысячи рыцарей.

Вот некоторые цифры из средневековых хроник, дающих представление о соотношении сил на полях сражений феодальной Европы и количественных показателей армий того времени.

В битве при Мюре 12 сентября 1213 г., единственном крупном сражении Альбигойских войн, войско Симона де Монфора имело в своём составе 900 тяжеловооружённых всадников и неизвестное количество пеших сержантов против около 2000 кавалерии короля Педро II.

Вот описание войска Сида Воителя во время одного из походов: *“Таким образом, набралось девятьсот рыцарей. И набрал Сид пятьсот пеших оруженосцев идальго, не считая прочих воспитанников его дома. Приказал Сид поставить свои шатры и отправился располагаться в Сан-Серване и вокруг него в холмах; и каждый человек, который видел лагерь, который устроил Сид, говорил потом, что это было большое войско...”*

В битве при Бувине, являющейся, в общем-то, событием эпохальным, с обеих сторон участвовало около трёх тысяч рыцарей. Они-то это сражение и выиграли, при том что французская пехота разбежалась почти сразу же, и все тяготы трёхчасового рукопашного боя легли на тяжёлую кавалерию короля Филиппа II Августа.

Сильные, но немногочисленные отряды, состоящие из профессиональных воинов, могли решать исход локальных военных конфликтов и отдельные тактические и стратегические задачи, однако в случае неудачи, больших потерь или просто при наличии у противника значительных человеческих ресурсов они становились малоэффективными.

Так, потери тамплиеров в 1187 г., сначала в сражении у источника Крессон (из 60 рыцарей спаслись только трое), а затем в битве при Хаттине (там погибло и попало в плен около 200 рыцарей), были настолько существенными, что всерьёз подорвали военную мощь ордена и сыграли не последнюю роль в потере

Демагоги, пастухи и герои
крестоносцами Святой Земли.

Крайняя малочисленность профессиональных феодальных армий (а ещё невозможность быстрого восстановления их численности после крупных сражений) сыграла злую шутку со многими раннесредневековыми государствами. Битва при Гастингсе, как до этого при подобных обстоятельствах битва при Гваделете, решила судьбу королевства. И не удивительно – король и его лучшие воины погибли в бою, защищать страну некому, как следствие захватчики завладевают обширными территориями, не встречая сопротивления. Такая же ситуация сложилась, вероятно, с русскими княжествами после битвы на реке Сити и с венграми после поражения под Лигницей.

На поле боя европейский рыцарь был вполне самостоятелен, однако их малое число приходилось компенсировать за счёт набора дополнительных бойцов. Каждый рыцарь вёл за собой отряд конных воинов, вооружённых за его счёт. Конечно, вооружение их было гораздо слабее и хуже, однако же именно они составляли основную массу этой самой *тяжеловооружённой рыцарской конницы*, создавая впечатляющие количественные показатели.

Потребность во вспомогательных войсках становилась всё более очевидной по мере совершенствования вооружения и увеличения потерь живой силы на полях сражений. Большие массы пехоты – обычное явление в войнах XIV-XV веков, а столетие спустя пехота стала столь многочисленной, что существенно потеснила элитные отряды в пользу регулярных армий.

Неоспоримым преимуществом «неэлитных» армий была их многочисленность, а также наличие потенциальной возможности немедленно набрать взамен убитых в бою солдат столько же новых – без особых затрат времени и средств.

Методы, которыми собирались такие армии не отличались оригинальностью – феодальные властители в принудительном порядке ставили «под ружьё» своих крестьян в таком количестве, которое только возможно было собрать. Благо, их было достаточно, поэтому с потерями на поле боя мало считались, пополняя поредевшие ряды новыми солдатами. К примеру, Ходзэ Удзиясу (1515–1570) набирал рекрутов без всяких ограничений. Если его предписания относительно набора войск, изданные в то время, когда он воевал с Уесуги Кенсином, действительно выполнялись, то совершенно непонятно, как в его провинции вообще могло уцелеть сельское хозяйство:

1. Всем мужчинам, включая лиц самурайского сословия, приказано явиться и записаться в двенадцатый день этого

месяца. Им надлежит принести с собой ружье, копье или какой-либо другой вид оружия, если оно у них имеется.

2. И если станет известно впоследствии, что хотя бы один человек в области скрылся и уклонился от этого призыва, кем бы он ни был, управляющим этой областью или крестьянином, он будет обезглавлен.

3. Всем мужчинам, от пятнадцати до семидесяти лет, надлежит явиться; уклониться не дозволено будет даже обезьяньему поводиру.

Тем, у кого нет оружия, велено явиться с мотыгами и серпами; даже буддийские монахи призваны «исполнить свой долг». Документ заканчивается суровыми предупреждениями и обещаниями наград. Для такого господина все подданные были солдатами.

Такая армия была не столь надёжна, зато численность её легко возобновлялась, а вооружить её можно было простым, не требующим специальной тренировки оружием. И именно этим обусловлена широкая популярность ручного огнестрельного оружия на закате Средневековья.

Так, искусство стрельбы из лука, в средневековой Японии являвшееся привилегией самураев, с течением времени начинает постепенно приходить в упадок. Поэтому в эпоху Сэнгоку Дзэдай, когда перманентные военные действия требовали постоянного пополнения феодальных армий рекрутами, в первую очередь, из числа крестьян, фитильное ружьё, привезённое на острова португальцами, появилось весьма кстати. Поскольку крестьянин, занятый работой на полях, не имел возможности (да и желания) упражняться в военных занятиях, а обучение стрельбе из лука и владению мечом, вкупе с наращиванием мышц, требовало многолетней практики, то получить за короткий срок большое количество профессиональных воинов не представлялось возможным.

Правда, первоначально ружья считались просто забавной новинкой, и долгое время использовались только для охоты - хотя даже в этом деле лук превосходил их во многих отношениях. К тому же, что более важно, японское военное оружие было почти ритуальным, - самым важным и почетным оружием был меч, поскольку основной формой рукопашного боя были индивидуальные поединки профессиональных бойцов. Использование же ружей считалось трусостью и бесчестьем и полностью шло вразрез с кодексом самураев.

Поэтому ружьё оказалось идеальным оружием для асигару – крестьянин не был обременён самурайским кодексом чести, и при

Демагоги, пастухи и герои

этом его можно было всего за несколько дней научить стрелять из аркебузы, в той мере, насколько это вообще возможно. Это, конечно, не означает, что им всем немедленно выдали аркебузы, однако с ростом численности армий и усиления в них роли низов японского общества, огнестрельное оружие занимает важное место в военной истории.

Присутствие в армии английского короля во время Столетней войны большого количества лучников объясняется исключительно теми финансовыми проблемами, которые испытывал Эдуард III в ходе военных действий на континенте. Истратив наперёд несколько годовых бюджетов Англии и накопив крупные долги, он вынужден был использовать то, что было под рукой. Его дедушка, Эдуард Длинноногий, известный своими победами над шотландцами, использовал в основном генуэзских арбалетчиков, как и все европейские государи того времени. Однако содержание одного арбалетчика было сопоставимо с содержанием сегодня, например, какой-нибудь гаубицы. Арбалетчики, в виду того, что их место было на передней линии войск, шли в бой в стальных доспехах и с большими щитами; сам арбалет был весьма дорогостоящим устройством, а требовался он не один, а как минимум плюс один запасной; кроме того, у арбалетчика ещё могли быть один-два помощника. Всё это делало их очень дорогими, и в то же время весьма грозными. Лучники же набирались толпами из числа простонародья, защитного доспеха они не имели, а их единственным оружием была палка с привязанной к ней верёвкой, коих можно было настрогать сотню в ближайшем лесу из любой подходящей древесины.

Ещё одним неоспоримым преимуществом народного ополчения перед отрядом элитных бойцов - её управляемость. Элитный воин-профессионал – это, прежде всего, индивидуальный боец, не признающий никакого командования и авторитета военачальников. Каждый такой воин действует на свой страх и риск. По мере становления и возвышения элиты воинов ситуация ещё более усугублялась. Так, сражения эпохи средневековья обычно начинались с более менее слаженного удара копьями, вслед за чем бой распадался на множество поединков, и его результат зависел уже не от полководческих дарований военачальника и его тактического искусства, а, по большей части, от вооружения, численности и личных качеств сражающихся.

Что касается дисциплины, то у элитных воинов её попросту не было. Рыцарям невозможно было отдавать приказы – их просили, умоляли хоть как-то держать строй, не рассыпаться по полю и

следовать намеченной цели. Средневековые государи перед началом важных сражений часто строили виселицы для устрашения своих непокорных вассалов. Воинская дисциплина присутствовала только в рыцарских орденах, являвшихся, по сути, первыми регулярными армиями средневековой Европы.

В отличие от элитных воинов-одиночек массы простонародья действуют как один человек, подчиняясь воле своего вождя. И если победа рыцаря – это, прежде всего, вопрос его личных качеств, то победа толпы – вопрос дисциплины и личных качеств полководца.

Дисциплина регулярной армии – беспрекословное подчинение, в основе которого лежит страх перед наказанием. Таким образом были организованы все массовые армии человечества – будь то римский легион, или македонская фаланга, или любая действующая армия новейшего времени. Дезертиров имели обыкновение казнить без суда и следствия, особенно в военное время: для поддержания жёсткого порядка устраивали показательные расправы, причём заодно доставалось и невиновным. Так, у римлян в случае бегства подразделения с поля боя по жребию казнили каждого десятого. У монголов, войско которых было разделено на десятки, казнили весь десяток, если бежал хотя бы один человек. Боеспособность и практическая полезность таких отрядов – будь то средневековые японские асигару или коммунальная милиция европейских государей – весьма относительна: они были эффективны на поле боя только до тех пор, пока их страх перед врагом не превосходил страх перед их собственными хозяевами.

Безраздельное господство на полях сражений тяжёлой кавалерии было обусловлено, в том числе, и отсутствием в эпоху Средневековья полноценной боеспособной пехоты. Пешее ополчение играло исключительно вспомогательную роль. В оборонительном бою его использовали в качестве живого заграждения против ударных единиц противника, во время наступления пехота обычно следовала за конницей, добывая остатки врагов и играя роль всё того же заградительного барьера в том случае, если кавалерия вынуждена была отступить. Сельская община – основной источник пешего ополчения в эпоху раннего Средневековья, - не могла выставить на поле боя нормальной боеспособной пехоты. Нищета деревенского населения, всегда находившегося на грани голода, не давала возможности вооружиться должным образом. Ополченцы шли на войну по большей части без защитного вооружения, в лучшем случае, с деревянными щитами и кожаными шлемами, вооружённые чем попало – копьями, луками, ножами, топорами, иногда дубинами и

Демагоги, пастухи и герои

заостренными кольями; известно, что ещё в битве при Гастингсе некоторым саксонским воинам служили оружием палки с привязанными к ним камнями. В сражении при Линкольне, например, многочисленные валлийские пехотинцы были легко опрокинуты воинами короля Стефана. Валлийцы, по словам одного из хронистов того времени, *«всею лишь предмет нашего презрения ... отважные, но неопытные в обращении с оружием ... подобные скотине, бегущей на охотничьи копья»*. В основном, это были пехотинцы в одних рубахах, без лат, с длинными копьями и круглыми деревянными щитами. Естественно, что такая пехота, даже сомкнутая в шеренги, даже имеющая опытных командиров, на поле боя могла рассматриваться лишь как пушечное мясо, в котором должен был увязнуть клин вражеской конницы. Выигрывать сражения с такими армиями было попросту невозможно.

Появление нормальной пехоты относится к более позднему периоду и связано с ростом городов, когда сельское ополчение стало заменяться коммунальной милицией, проще говоря, ополчением городов. Средневековые города, бывшие центрами торговли, имели значительные доходы в виде местных налогов, поступавших в городскую казну. За счёт этих средств они могли вооружить и отправить на войну достаточное количество полноценных бойцов. Именно коммунальная милиция, а не сельское ополчение составляла армии феодальных властителей XIII-XV веков, и она же нанесла поражение французским рыцарям в битве при Куртрэ.

Профанизация самурайской армии средневековой Японии наиболее наглядно проявилась в военной организации армий Оды Нобунаги, который предпочитал использовать на поле боя копейщиков-асигару и многочисленных мушкетёров вместо традиционных самурайских отрядов. Они, впрочем, оказались очень действенны, как мы видим, против главного соперника легендарного объединителя Японии – могущественного клана Такеда, славившегося своей непревзойдённой кавалерией. Сражения при Каванакадзима²⁸ утвердили в средневековом японском сознании

²⁸ Такеда Сингэн прославился своими непрерывными войнами со своим соседом Уесуги Кенсином. Провинции обоих даймё лежали в горной местности и единственным местом, где они могли развернуть свои армии для большого сражения, была равнина Каванакадзима на границе их владений. Здесь между ними в 1553, 1555, 1557, 1561 и 1564 гг. произошёл ряд столкновений, вошедших в историю как **Пять битв при Каванакадзима**.

представление о непобедимости самурайской конницы – Такеда Сингэн настолько полагался на свое тактическое мастерство и непобедимость своих всадников, что в эпоху крепостей не возвел ни одной, предпочитая встречаться с врагом в открытом бою; битва при Нагасино доказала возможность обратного. Противопоставив непобедимой коннице Такеды мушкетный огонь и сомкнутые копыя своей пехоты, Нобунага, в конечном счете, смог одержать победу. *Его манера сражаться была эффективной, но жестокой, а иногда – исключительно свирепой. Он не давал пощады никогда и никому. Его представление о победе сводилось исключительно к уничтожению врага. Время, конечно, было жестокое, но Нобунага жестокостью превзошел всех.*²⁹

Собственно говоря, суть не в этом, а в том, насколько радикально изменилось представление о функциях и роли героя. Отправляясь на бой с драконом, Беовульф оставляет дружину ожидать в отдалении исхода схватки, намереваясь собственноручно победить чудовище:

*Почел бесчестьем
кольцедаритель
вести дружину,
рать многолюдную
на огнекрылого:
единоборства
он не страшился,
не веря ни в силу,
ни в отвагу змея.*

Новые Беовульфы поступают наоборот – они посылают своих воинов вперед, с вершины холма наблюдая за ходом сражения.

Наёмники, солдаты и бюрократы. Ни золото, ни крепостные башни не являются гарантией спокойствия и безопасности. Немногочисленные поначалу представители элиты постоянно стремились окружить себя верными и преданными людьми, готовыми отстаивать их интересы даже ценой собственной жизни. При этом они не считались с теми огромными расходами, которых требовали пиры и подарки, ибо щедрость - непереманный атрибут настоящего правителя.

«Люди – твои замки, люди – твои стены; враждебность – вот

²⁹ С. Трэнбулл. Самураи: военная история.

Демагоги, пастухи и герои

твой недруг, преданность – вот твой союзник» - так говорил Такеда Сингэн. Эти люди – оплот вождя и правителя, свита, которая делает короля; на них так или иначе распространяется тот ореол сакральности, который даёт право считаться выше и лучше других. Нередко эти люди и сами обладают мощной харизмой, при этом, однако, признавая первенство за своим предводителем. Они служат не столько за золото и награды, сколько ради славы и интересов господина, которые неразрывно связаны с их собственными интересами. Поскольку их благополучие, в том числе материальное, напрямую зависело от благополучия господина (всякий предводитель, желавший достичь успеха, щедро делился со своими соратниками и приближёнными золотом и властью), они нередко жертвовали своими интересами, а то и жизнью. Несомненно, это лучшие люди, на которых можно опереться – такая, говоря современным языком, команда единомышленников, стоит гораздо больше, чем все сокровища мира.

Однако таких верных и преданных людей тяжело найти и сплотить, а потому, потеряв их, невероятно трудно восполнить утраченное. Не случайно, сожалея о надвигающемся крушении королевства и братства Круглого Стола, король Артур вскользь замечает: *"...королев я всегда смогу найти довольно, а такую дружину добрых рыцарей не соберу больше никогда"*.³⁰

Очевидно также, что таких людей не может быть много, и в силу этого, а ещё поскольку их деятельность связана в большей степени с решением важных стратегических задач, они не могут эффективно выполнять рутинную работу. Их малочисленность приходится восполнять, как уже говорилось выше, за счёт массы менее качественных, зато многочисленных исполнителей.

Исполнители бывают двух видов – наёмники, которые служат исключительно за деньги, и рекруты, которые служат принудительно, из страха или по необходимости.

Наёмники – это профессионалы, посвятившие себя какому-либо делу, но делающие это дело не из убеждений или по призванию. Единственным призванием, в данном случае, является регулярная и своевременная плата:

*Министрам толковать законы надо;
Бог – жребий мой, и хлеб – моя награда.
Ландскнехт одно лишь знает на войне:
Кто платит вдвое, тот и прав вдвойне.*

³⁰ Томас Мэлори. Смерть Артура.

Этот отрывок из средневековой песни очень верно характеризует жизненную позицию наёмников. В связи с этим Макиавелли писал следующее: *Наемные и союзнические войска бесполезны и опасны; никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско, ибо наемники честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы; поражение их отсрочено лишь настолько, насколько отсрочен решительный приступ; в мирное же время они разорят тебя не хуже, чем в военное неприятель. Объясняется это тем, что не страсть и не какое-либо другое побуждение удерживает их в бою, а только скудное жалованье, что, конечно, недостаточно для того, чтобы им захотелось пожертвовать за тебя жизнью. Им весьма по душе служить тебе в мирное время, но стоит начаться войне, как они показывают тыл и бегут.*

Действительно, в то время в Италии очень часто случалось, что кондотьеры захватывали власть в городах, основывая синьории. Временами они после получения платы за свою работу переходили из одного воюющего лагеря в другой и шантажировали своих нанимателей. Поэтому мудрые государи всегда предпочитали иметь дело с собственным войском. Лучше, полагали они, проиграть со своими, чем выиграть с чужими.

Что касается «своего войска», рекрутов, то здесь мы видим следующую картину. Эти войска гораздо более дисциплинированы и обходятся недорого. Первое обусловлено тем, что служить они вынуждены по необходимости и не имеют выбора относительно рода занятий; второе – тем, что в силу их положения они вынуждены довольствоваться скромной платой и не могут претендовать на большее. Их эффективность тем выше, чем более они заражены какой-либо религиозной идеей или духом патриотизма, тогда, превращаясь в фанатиков, они могут совершить настоящие подвиги, и при этом можно не опасаться, что из корыстных соображений они перейдут на сторону врага.

Несомненным же минусом рекрутов является их низкий уровень профессионализма и – как следствие – малая эффективность.

Впрочем, о плюсах и минусах массовых армий мы достаточно пространно говорили выше.

Практически полностью из наёмников состояли войска Карфагена. Они были профессиональны и качественны, однако очень дорого обходились их нанимателям. Карфаген чуть не был ими захвачен после окончания первой войны с Римом, хотя

Демагоги, пастухи и герои

карфагеняне поставили во главе войска своих же граждан.

Римская армия формировалась из рекрутов, сплочённых патриотизмом и идеей служения республике. Поначалу она сильно уступала карфагенянам и нередко терпела поражения, но воинская дисциплина и эффективная организация, в конечном счете, сделали своё дело.

Какой из двух вариантов предпочтительнее избрать сказать однозначно невозможно – в настоящее время мы видим как бы смешанные формы того и другого; эффективность же работы исполнителей напрямую зависит от того, насколько эффективно организована система управления.

Поскольку представители элиты – правитель и его окружение – заняты стратегическими вопросами проектирования и управления, с течением времени развивается и формируется особая прослойка людей, которую в наше время нередко отождествляют с элитой и властью. Эта прослойка образует административный аппарат, выполняющий, по сути, функции передающих шестерён, вращение которых заставляет двигаться огромный механизм. Этот аппарат возникает как результат делегирования элитарными группами рутинных управленческих функций своим подчинённым, нередко даже рабам, как это было, например, в султанской Турции. В свою очередь, с усложнением административных механизмов эти люди набирают себе помощников, делегируя часть функций им. Так возникает и размножается бюрократия.

Фактически в любом обществе со сложной структурой подчинения на передний план выступают многочисленные исполнители, приписывающие себе черты элитарности, но в действительности ими не обладающие. Большинство действующих чиновников и политиков – эти самые передаточные шестерёнки. Они плохо знают финансовые и информационные технологии, действующие в мире, они не сильны в политике и дипломатии, но они знают, как «нагнуть», «решить вопрос», «найти тяги». При этом они уверены в своей значимости и всесилии, но зачастую не имеют ни малейшего представления о тех рычагах, с помощью которых приводится в действие сложный государственный механизм, а уж тем более о том, кто на эти рычаги нажимает.

3. Низвержение в бездну

*Тот, кто мягок и
податлив, идет
дорогой жизни, тот,
кто неуступчив и
тверд, идет дорогой
смерти.*

ДАО ДЭ ДЗИН

Чужое наследство. Социальное неравенство легитимизировалось сакральной традицией. В «Песни о Риге» рассказывается о том, как три социальных слоя — рабы, свободные земледельцы и знать — произошли от некоего Рига, который в прозаическом введении к песни отождествляется с богом Хеймдаллем.

Однажды бог-странник³¹ пришел в убогую хижину, где жили старик и старуха. Хозяйева угощали его похлёбкой и черствым хлебом с отрубями, он же три ночи спал на ложе между ними. Потом он ушел, а через девять месяцев бабка родила сына. Его назвали Трэль, *раб. Стал он расти, сильнее становился, кожа в морщинах была на руках, узловаты суставы, толстые пальцы и длинные пятки, был он сутул и лицом безобразен.* Через некоторое время он женился на такой же загорелой кривоногой девушке по имени Тир - *рабыня*. На соломенной подстилке они зачали кучу детей, имена которых в переводе означают примерно «скотник», «грубиян», «обрубок», «лентяй», «вонючий», «сутулый», «пузатая», «толстоногая», «болтушка», «оборванка» и т. п. Они делали всю грязную работу: таскали тяжести, собирали хворост, удобряли поля, пасли свиней и резали торф, и от них пошел род рабов.

В это время Риг снова пустился в странствие и пришел в другой дом, более просторный и удобный, где жили дед и бабка. Риг ел с ними, давал им хорошие советы и три ночи спал на ложе между ними. Потом он ушел, а через девять месяцев хозяйка родила сына — крепкого, рыжеволосого, с ясными живыми глазами. Его назвали Карл — *пахарь*. Он вскоре также женился, и жена родила ему детей, чьи имена означают «парень», «мужчина», «житель», «жена»,

³¹ Обычно его называют именем Риг, но в предисловии к песне он косвенно отождествляется с богом Хеймдаллем — отцом людей.

Демагоги, пастухи и герои

«невеста», «хозяйка» и т. п. Карл приручал быков, строил дома и сараи, мастерил повозки, пахал землю. Его жена вела хозяйство, кормила и одевала семью. От них пошел род свободных людей – бондов.

Снова Риг пустился в путь, и дорога привела его в роскошные палаты, где жили мужчина и женщина: *там двое сидели, смотря друг на друга, пальцы сплетая. Стрелы хозяин строгал и для лука плел тетиву и к луку прилаживал; хозяйка, любясь нарядом своим, то одежду оправит, то вздернет рукав.* Риг дал им добрые советы, потом хозяйка накрыла стол льняной скатертью и подала белый пшеничный хлеб, свинину, дичь, кувшин с вином и серебряные кубки. Гость пил вино и беседовал с хозяевами до самого вечера. Как и прежде, три ночи Риг спал на ложе между ними. Потом он ушел, а через девять месяцев женщина родила сына – *прекрасный лицом, а волосы светлые, взор его был, как змеиный, страшен.* Его назвали Ярл - *вождь*, и он, едва подрос, взял лук и стрелы, щит и копье; он скакал верхом и загонял дичь, учился владеть мечом и плавать. Спустя какое-то время Риг вернулся к избраннику-сыну, научил его колдовству и знанию рун и сделал наследником своих владений. Так Ярл явился в мир и затеял войну: он мчался вперед на коне, убивал врагов, обагрял кровью поля, неся с собой беды и горе. У него было восемнадцать дворов, и он, как положено властителю, щедро делился богатствами со своими соратниками и друзьями. Он женился на благородной деве, которая была красива и мудра, с тонкими пальцами и родила ему двадцать сыновей, и их имена означают примерно «сын», «ребенок», «наследник» и т. п. Среди них больше всех прославился младший по имени Кон. Сочетание «*Кон юный*» (Konr ungr) в оригинале созвучно слову «*король*» (konungr)³². Он не только укрощал коней и искусно владел оружием, но еще знал руны и с их помощью мог исцелять раны, тупить мечи, умирять огонь, успокаивать море. В этом тайном знании он превзошел даже Рига.

Социальная структура, столь наглядно представленная автором "Песни о Риге", являла собой установленный богами порядок, согласно которому каждый человек рождается с определённым предназначением выполнять свою роль в обществе. Священная власть конунгов, авторитет которой поддерживался богоизбранностью и сакральным происхождением, была гарантией

³² Возможно здесь имеет место игра слов – автор песни о Риге вероятно пытался возвеличить представителей какого-то королевского рода, какого точно мы не знаем, так как Песнь полностью не сохранилась.

этого порядка. В Исландии и Гренландии, правда, было одно существенное отличие: там долгое время не знали власти конунгов. Однако люди и там делились на могучих бондов, свободных бондов и рабов.

Но священный порядок, в конечном счёте, был нарушен, ибо уже в то время в этом древнем мире зрели силы, готовые взорвать его изнутри. В «Песне о Хлёде», одной из ранних в «Старшей Эдде», молодой герой, сын рабыни, вступает в спор с братом-конунгом, требуя долю наследства – половину владений своего отца. Выслушав его, конунг отвечает:

*Сначала расколется
щит сверкающий,
и с холодным копьем
столкнется копье,
И воинов много
падет на траву,
прежде чем Тюрвинг
начну я делить
или дам тебе, Хумлунг,
долю наследства.*

Копья столкнулись, и воины пали. Согласно эпической традиции, переданной в «Хеймскрингле», род Инглингов пресёкся в годину кровавых распрей.

Появление «новых людей», недовольных существующим порядком и желающих этот порядок исправить, перекроив мир в свою пользу, было неизбежно. В первую очередь, конечно, это были младшие отпрыски знатных родов, в силу обстоятельств лишённые богатства и власти, однако среди них с течением времени появлялось всё больше случайных людей или просто проходимцев, правда, наделённых харизмой и претендующих на то, что до этого могло принадлежать только избранным.

Японцы даже придумали этому процессу специальное название: *гэкокудзё* - когда подлые подавляют благородных. В средневековой Японии особенно ярко он проявился в начале эпохи Сэнгоку Дзэдай, когда старые традиционные самурайские кланы были низвергнуты их собственными вассалами. Произошло это быстро и внезапно, потому что благородные в своих междоусобных войнах были слишком заняты выкапыванием собственной могилы, и им некогда было думать о подлых.

В провинции Мино, например, старинной фамилии Токи суждено

Демагоги, пастухи и герои

было пасть жертвой некоего Сайто Тосимаса, который сперва был монахом, затем стал торговцем маслом, а далее начал свою славную карьеру с того, что убил усыновившего его самурая. В других местах события разворачивались аналогичным образом. Никому неизвестный самурай по имени Исэ Синкуро внезапно воспылил желанием отомстить отцеубийце из рода Асикага. Осуществив акт справедливости, он получил контроль над полуостровом Идзу. Придя столь неожиданно к власти, он поменял имя, что было в обычаях самураев, и стал именоваться Ходзё. Он, конечно, не был никоим образом связан с древним родом Ходзё, бесследно исчезнувшим в начале XIV века, но это имя все же приятно звучало для самурайского уха и намекало на связь с аристократическими домами. Позднее он даже попытался оправдать его, женив своего сына на девушке, якобы происходившей из настоящих Ходзё. Затем он побрил голову и принял буддийское монашеское имя Соун. Под именем Ходзё Соуна эта примечательная личность и вошла в историю. Утвердившись в Идзу, Ходзё Соун стал поглядывать на восток, на провинцию Сагами, стратегическим ключом к которой был город-крепость Одавара. Соун завел дружбу с молодым человеком, который недавно унаследовал эту провинцию, и однажды был приглашен им на охоту на оленя. Вскоре стало ясно, что роль дичи была отведена вовсе не оленю: люди Соуна убили молодого магната, и Соун без труда овладел Одавара. Далее он обратил свое внимание на провинцию Мусаси. К 1518 г. он завершил завоевание Сагами. Ходзё Соун умер в 1519 г., предоставив своему сыну Удзицуна довершить начатые им завоевания. Тот воспользовался раздорами внутри могущественной семьи Уесуги, чтобы захватить замок Эдо. Его сын Удзиясу довел до конца замысел деда, полностью разгромив войска Уесуги в ночной битве при Кавагоэ в 1545 г.

Мы здесь имеем дело с тремя поколениями семейства, вышедшего ниоткуда, никому, кроме самих себя, ничем не обязанного, которое достигло власти при помощи неприкрытой агрессии и тайных интриг.

Семейством, больше всего пострадавшим от расчетливой воинственности Ходзё, были Уесуги, которые к тому времени, когда Ходзё Соун напал на них, фактически сами разорвали на части свой клан. Последним из Уесуги, кто противостоял Ходзё, был Норимаса, который в 1551 г. бежал из своих владений в дикую горную провинцию Этиго. Здесь он вынужден был просить защиты у одного из своих прежних вассалов, Нагао Кагэтора. Как и Ходзё Соун, Кагэтора понимал цену известному имени и добился, чтобы Уесуги

Норимаса его усыновил. Вскоре он принял имя Уесуги Кэнсин – одно из самых прославленных имен в военных анналах XVI века. Став по усыновлению наследником пришедшей в упадок семьи Уесуги, он предпринял несколько кампаний против Ходзэ, однако больше всего прославился благодаря вражде с другим соседом, Такеда Сингэном.

Такеда Сингэн, или Харунобу, как его звали сначала, – одна из самых ярких личностей в истории Японии. Его первые агрессивные действия были направлены против собственного отца, который хотел лишить его наследства в пользу младшего брата. Харунобу восстал, заточил отца в тюрьму, и таким образом получил во владение провинцию Каи. Затем этот энергичный молодой магнат расширил свою территорию за счет области Синано, которой тогда правил древний, но пришедший в упадок род Мураками. Когда последний из Мураками был разбит, он попросил помощи у ближайшего соседа, которым оказался Уесуги Кэнсин. Так началась прославленная в военной истории серия войн между Кэнсином и Сингэном.

В возвышении «новых людей», таких, как Ходзэ Соун и Такеда Сингэн, много драматизма, однако нигде процесс гэкокудзэ не выглядел столь театрально, как в истории падения клана Оути, которых низверг один из их вассалов и за которых отомстил другой. Последний правитель из рода Оути был лишён власти неким Суэ Харуката. Другой вассал Оути, Мори Мотонари, не принимавший в этих событиях никакого участия, вдруг почувствовал, что долг обязывает его отомстить за господина. Он втайне готовил заговор, выражая меж тем свое почтение Суэ и преклоняясь перед обретенной им властью. Имея перед собой противника, способного выставить армию в 30 000 человек, Мори решил прибегнуть к военной хитрости. Он выстроил на острове Миядзима в непосредственной близости от владений Суэ крепость. Последний не замедлил отправиться на остров и почти без потерь занял его. Мори тем временем захватил другую крепость, стоявшую напротив, на противоположной стороне пролива, и таким образом отрезал Суэ пути к отступлению. Суэ оставил в крепости гарнизон в 500 человек, а остальную армию, которая там просто не поместилась, разместил на острове. Это, несомненно, было бы впечатляющей демонстрацией силы, если бы не то обстоятельство, что вся эта армия оказалась отрезанной на острове и что это положение было слишком похоже на положение осажденного. Мори оставалось теперь только выбрать момент для внезапной атаки. Соотношение сил было пять к одному, однако внезапность нападения могла обеспечить успех. Темной дождливой октябрьской ночью солдаты

Демагоги, пастухи и герои

Мори погрузились в лодки. Через пролив их перевозили пираты, которым Мори приказал вернуться после высадки войска, чтобы ни одна лодка не досталась отступающему противнику. Войско разделилось на две части, чтобы атаковать Суэ с двух сторон. Под трубные звуки раковин самураи Мори двинулись к центру острова, сметая все на своем пути. Победа была полной. Не найдя лодок для отступления, воины Суэ сотнями кончали с собой: одни бросались в воду, другие прибегали к традиционному харакири. После победы на Миядзима Мори стал крупнейшим феодалом в западной Японии.

Что касается других исторических личностей того времени, то правитель Японии Ода Нобунага происходил, например, происходил из бедного самурайского рода, которому в силу определённых обстоятельств удалось завладеть провинцией Овари. Один из его лучших генералов, также ставший впоследствии фактическим правителем Японии, Тоётоми Хидэёси вообще родился в крестьянской семье. Еще юношей он бежал из храма, куда родители-крестьяне пристроили его в надежде, что он станет священнослужителем, и вступил в ряды армии местного магната в качестве асигару. Однажды господин доверил ему некоторую сумму денег. Он украл их, приобрел доспехи и оружие и присоединился к войску Нобунаги, опять-таки в качестве асигару. У Нобунаги было чутье на талантливых людей, и последующее повышение Хидэёси по служебной лестнице не сравнимо по скорости ни с одной самурайской карьерой за всю историю Японии.

Взавшие власть с соизволения богов, тем не менее, утвердили её силой, присваивая чужие земли и имущество. Когда однажды уже упомянутый нами выше герой «Песни о Риге» Кон охотился в зарослях на птиц, сидевший на ветке ворон сказал ему: *«Юный Кон, зачем ты преследуешь птиц? Лучше бы ты сел на коня, взял меч и сокрушал врагов. У Дана и Данпа палаты и земли лучше, чем у тебя. Иди воевать, пусть они узнают, как остёр твой клинок, наносящий раны...»* Этим кровожадным призывом заканчиваются речь ворона и «Песнь». И в этих словах прослеживаются пути развития будущего конфликта: то, что однажды было завоёвано и поделено, можно отвоевать и поделить ещё не один раз.

Маргиналы. Элитарность и связанные с ней атрибуты никогда не были исключительным достоянием. Разумеется, в идеале небольшая группа избранных имеет право занимать высшую ступеньку социальной иерархии, остальные же должны поклоняться и подчиняться ей. Но реально во всей истории, к примеру, в той же Скандинавии едва ли найдется хотя бы несколько верховных

властителей, поднявшихся на эту ступень. Действительно, Харальд Прекрасноволосый повыгонял огромное количество конунгов из их мелких королевств, но к старости наплодил почти столько же из своих сыновей и близких родичей. Еще и в правление Олава Святого в не слишком обширной стране нашлось достаточно таких конунгов. Кроме этого существовало множество ярлов и херсиров, которые правили в своих владениях как полновластные государи и временами, как это было при ярле Хаконе или ярле Эйрике, контролировали едва ли не всю страну... Многочисленные феодалы Иль-де-Франса, сидевшие за мощными крепостными стенами в своих неприступных донжонах, нередко обладали большей властью и могуществом, чем их король... Русские князья – многочисленные потомки Владимира Великого, – соперничали друг с другом, кичась славой и богатством, в грош не ставя киевского князя...

Пока потомки богов и их наместники делили земли и власть, а всё остальное население покорно трудилось, обслуживая их интересы, где-то на периферии общества поднимали голову те, кто опоздал на поезд, но всё ещё рассчитывал зацепиться за последний вагон или, если повезёт, даже заменить собой машиниста.

Мы говорили выше о том, что жизненная позиция людей в отношении существующего порядка имеет три формы. Есть люди, которых покорно мирятся с существующим порядком, ибо они слабы духом и не чувствуют в себе силы что-либо в этом мире изменить. Безропотно проводят они жизнь в труде, довольствуясь малым и не прося большего. И эти люди есть толпа, народ, безголосая серая масса, чей удел – покорность и смирение. Также есть люди, которых не устраивает существующий порядок вещей, и они создают свой, со своими правилами и законами, заставляя всех остальных подчиниться этим правилам и законам. Они способны на это, потому что их сила духа позволяет подавлять не только безвольную и безликую массу, но и других людей, которые могут им сопротивляться. И эти люди есть избранные, элита, чей удел – повелевать.

Но есть и третий сорт людей, не принадлежащий ни к рабам, ни к властителям. Этим людей не устраивает существующий порядок, но они не имеют достаточно возможностей для того, чтобы его изменить. Они находятся на периферии общества, на краю, и потому должны быть названы *маргиналами*. Их удел – мятеж, бунт и подрыв общественных устоев.

Мы выше уже упоминали однажды о маргиналах, как о людях, чьё самолюбием и чувство неудовлетворённости не позволяют им ощущать себя полноценными членами общества, однако слабость духа

Демагоги, пастухи и герои

и воли вынуждает удовлетворяться пассивными формами протеста. Такие люди способны разве что выкрасить волосы в розовый цвет и радоваться своей оригинальности либо же бежать от реальности в свой виртуальный мир, придуманный ими же для самих себя. Однако эти люди не представляют собой никакой угрозы – они разве что периодически доставляют дискомфорт благообразным гражданам и правоохранительным органам своими мелкими хулиганскими выходками, за которыми, кроме желанья продемонстрировать всему миру свою пресловутую неординарность не стоит ничего более.

Другое дело – маргиналы, наделённые силой духа, но лишённые в виду тех или иных причин места под солнцем. Они опасны по своей сути, ибо готовы подкрепить свой протест реальными действиями, и этими действиями перевернуть существующий порядок с ног на голову.

Естественная маргинализация связана преимущественно с ограничением социальной мобильности, когда представители отдельных слоёв общества неспособны в силу установленного порядка легитимными способами изменить свой статус. При этом активные маргинальные элементы либо предпринимают попытки «встраивания» в социальную систему, что может привести к очень интенсивной массовой мобильности (перевороты и революции, восстания и войны). Либо же они становятся на путь конфронтации, противопоставляя себя существующей системе, что порождает образование агрессивных маргинальных групп, живущих по своим законам и правилам.

«Враг всему миру, друг только Богу» – так характеризовал себя знаменитый пират Клаус Штёртебеккер. Обиженный патроном, он, подобно многим другим в те времена, организовал бунт на корабле, выбросил за борт шкипера и, взяв командование в свои руки, вышел в море, желая отомстить за нанесенные ему обиды.

Правда, Штёртебеккер вошел в историю не только из-за своих пиратских бесчинств, а ещё и потому, что вмешался в большую политику. Случилось это в 1389 году, когда в Швеции разгорелась ожесточенная борьба за трон. Шведский король Альбрехт попал в плен к королеве Дании и Норвегии Маргарите. Один лишь гарнизон Стокгольма остался верен королю, оказав сопротивление датчанам. Население Стокгольма состояло в то время большей частью из немцев, и в противоположность Маргарите, Альбрехт поддерживал немецких купцов в Швеции. Если бы датчане овладели Стокгольмом, привилегии немецких купцов были бы отменены, что, в свою очередь, нарушив равновесие сил на Балтике, ударило бы по Ганзе. В этой ситуации ганзейцы не придумали ничего лучшего, как обратиться за помощью к пиратам. Штёртебеккер согласился оказать

помощь стокгольмским немцам и Ганзе. Со своей флотилией он начал военные действия против датчан, поспособствовав в немалой степени заключению перемирия с Данией. Это, однако, не спасло пиратов впоследствии. Когда Штёртебеккер вернулся к своим прежним занятиям, ганзейцы и датчане объединились с твёрдым намерением положить конец пиратству.

Пиратская база на Готланде была уничтожена, а в 1401 году ганзейцам удалось разбить Штёртебеккера у острова Гельголанд и взять его в плен. В гамбургской хронике упоминается о 40 убитых и 73 плененных пиратах, доставленных в Гамбург. 20 октября 1401 года Клаус Штёртебеккер был публично обезглавлен на одной из гамбургских площадей.

И в Средневековье, и в Новое время с пиратами, как, впрочем, и с другими криминальными элементами, расправлялись так же, как задолго до этого поступал Харальд Харфагр: *«Когда конунгу надоела эта доука, он однажды летом поплыл со своим войском на запад за море и перебил там всех викингов, которые не успели спастись бегством. Затем он поплыл на юг к Оркнейским островам и очистил их от викингов. После этого он отправился на Южные острова и воевал там. Он перебил там много викингов, которые раньше предводительствовали дружинами»*³³.

Подобная политика, а также невозможность малыми силами противодействовать растущему могуществу правящей элиты заставляла представителей маргинальных групп выбирать один из двух путей самореализации – миграционный или революционный. Первый сводился к поиску новых, неосвоенных земель или территорий, которые можно было захватить малой кровью. Так поступали викинги, и так поступали их потомки – норманны.

Во второй половине XI в. в итальянском аббатстве Монте-Кассино жил монах по имени Аматус, который примерно между 1075 и 1080 гг. написал историю норманнов на юге. Аматус передаёт рассказ о нормандских паломниках, появление которых положило начало завоеванию норманнами Италии. По его словам, в 999 г. группа из сорока молодых нормандцев, возвращаясь на корабле из Палестины, посетила Салерно, где их гостеприимно встретил князь Салерно Гвемар. Их мирный отдых там был, однако, грубо прерван появлением сарацинских пиратов: местные жители так боялись их ужасной жестокости, что даже не пытались сопротивляться. Возмущенные их трусостью, норманны взяли за оружие и бросились на врага. Сарацины, не ожидавшие противодействия,

³³ Сага о Харальде Прекрасноволосом

Демагоги, пастухи и герои

были убиты или обратились в бегство. Восхищенный Гвемар сразу предложил доблестным героям богатое вознаграждение, если они останутся при его дворе. Норманны отказались: после долгого отсутствия они торопились вернуться домой. Однако они обещали в следующем году вернуться вместе со своими друзьями, многие из которых были бы, безусловно, заинтересованы таким предложением, а доблестью отнюдь не уступали им самим.³⁴

Рассказ этот, вероятно, легендарен, и, скорее всего, первые норманны в Италии были просто изгнанниками, которых подговорил вмешаться в лангобардские дела папа Бенедикт VIII в качестве части своей антивизантийской политики.

Знаменитый Роберт Гискар³⁵ и его брат Роджер, а также их предшественники прибыли в Италию, будучи не востребованными в своей собственной стране. Как пишет Аматус, *их народ чрезвычайно умножился, так что поля и леса не могли более давать им все необходимое... и тогда эти люди ушли, покинули то, что было скудным, в поисках изобилия. Но они не хотели, как многие, кто пускался по свету, служить другим; но, как древние рыцари, порешили, что все будут им подчиняться, признавая их верховными правителями.*

Первый отряд нормандских воинов в Италии если и походил внешне на «древних рыцарей», по сути своей имел мало общего с героями каролингских легенд. Основную их массу составляли младшие сыновья феодалов, которые, не имея собственных наследственных земель, мало были привязаны к своему дому; их ряды пополнила значительно менее уважаемая толпа профессиональных наемников, игроков и авантюристов, привлеченных легкими деньгами. По дороге, особенно в Бургундии и Провансе, к ним присоединился обычный сброд - беглые преступники, разбойники и прочие.

Многие местные жители (особенно после битвы при Чивитате, где

³⁴ Есть другой, более правдоподобный рассказ, изложенный в некоторых хрониках, о том, что норманнов при подобных обстоятельствах пригласил один из лангобардских вождей по имени Мелус, до этого потерпевший поражение в борьбе против греков. С помощью норманнов он рассчитывал снова поднять мятеж против византийского императора и восстановить свою власть. Норманны затем в действительности приняли участие в этом предприятии Мелуса и потерпели неудачу.

³⁵ Собственно, Роберт и его братья не были в числе первых норманнов, прибывших в Италию. Но они были в числе тех, кому более других удалось развить свой успех.

пришельцы нанесли сокрушительное поражение папской армии) верили, что норманны непобедимы, поскольку заключили союз с силами тьмы. Но даже те, кто продолжал подозревать, что они могут уступить более могучему противнику, были вынуждены признать, что в данный момент такого противника, очевидно, не существовало. Подобные пораженческие настроения давали нормандцам дополнительное преимущество, которое их предводители быстро уловили; и события последующих нескольких лет, описанные в хрониках, представляют собой череду легких побед, поскольку города один за другим сдавались при их атаках почти без борьбы.

*И поутру норманны радостно поехали через луга и сады к Венозе, что неподалеку от Мельфи. Счастливые и довольные, они пустили коней вскачь, и горожане смотрели на этих неведомых всадников и дивились им и боялись их. И норманны вернулись с большой добычей и привезли ее в Мельфи... Оттуда они отправились в прекрасную Апулию, и то, что им нравилось, брали, а то, что не нравилось, оставляли...*³⁶

Монах Уильберт, биограф папы Льва IX, пишет, что норманны, «приглашенные как освободители, быстро превратились в угнетателей»; во многих отношениях они были хуже сарацин, которые, по крайней мере, ограничивались отдельными набегами, в то время как норманны держали в постоянном страхе всех, кто оказывался слабее, чем они.

Когда в цивилизованном мире стало негде развернуться, авантюристы и искатели лучшей жизни обратили свой взор к новым, ещё не освоенным землям. Завоевание Сибири и Мексики в этом смысле весьма показательно.

О происхождении и первых годах жизни волжского атамана Ермака Тимофеевича ничего не известно. Первые достоверные сведения о нем появляются лишь в конце 70-х годов XVI века, когда его казачий отряд был нанят на службу богатейшими купцами и промышленниками Строгановыми и пришел в Орел-городок (Кередин). По словам Н. М. Карамзина, «Ермак был роду безвестного, но душою великой». Одни историки считают, что он был донским казаком, другие – казаком уральским, третьи видят в нем выходца из князей земли сибирской. В одном из рукописных сборников XVIII в. сохранилось сказание о происхождении Ермака, якобы написанное им самим («О себе же Ермак известие написал,

³⁶ Амагус, II

Демагоги, пастухи и герои

откуда рождение его...»). Согласно ему, дед его был суздальским посадским человеком, отец, Тимофей, перебрался «от скудости и от бедности» в вотчину уральских купцов и солепромышленников Строгановых.

Согласно одной версии, получив разрешение царя провести набор казаков для защиты своих владений, Строгановы наказали Ермаку создать сильный боевой отряд для борьбы с ханом Кучумом. Ермак собрал войско в 540 человек, с которым и выступил на завоевание Сибирского ханства. Согласно другой версии, Ермака никто не нанимал, и он отправился в поход самовольно, разгромив вместе с дружиной имение Строгановых и захватив хлеб, муку, оружие и вещи, необходимые для военных действий...

Эрнан Кортес родился в городе Медельине испанской провинции Эстремадура. Родители его принадлежали к небогатой дворянской знати. Для единственного сына, в детстве обладавшего слабым здоровьем, была избрана карьера юриста. В четырнадцать лет юношу отправили в университет города Саламанки. Однако Эрнан не проявил любви к юриспруденции и вернулся домой. В 1504 году девятнадцатилетний Кортес отправился на остров Эспаньолу. Здесь, на Гаити, он обратился с ходатайством о предоставлении ему права гражданства и наделении землей. В 1511 году Диего де Веласкес начал завоевание Кубы. Кортес, отказавшись от своих владений, сменил спокойное существование землевладельца на полную приключений жизнь конкистадора. Когда же Диего Веласкес начал в порту Сантьяго снаряжать флотилию для новой экспедиции с целью завоевания Мексики, он поставил во главе экспедиции Кортеса, *«видного идадьго из Эстремадуры, щеголя и мота. Денег у него было мало, зато долгов много, — говорит хронист Берналь Диас. — Энкомьенда (поместье) его была не плоха, да и индейцы его работали на золотых приисках, но все уходило на его собственную особу, на наряды молодой хозяйки и на приемы гостей... Он имел тонкое обхождение и дар речи»*. Под залог имения Кортес получил от ростовщиков большие средства деньгами и товарами и начал вербовку солдат, обещая всем долю в добыче и поместья с закрепощенными индейцами. Он набрал отряд в 508 человек, взял с собой десять пушек и 16 лошадей. С этой армией он и отправился завоёвывать Мексику...

Отряды обоих завоевателей состояли из людей, скажем так, находившихся не в лучших отношениях с законом. Костяк отряда Ермака составили казаки во главе с Иваном Кольцо, Матфеем Мещеряком, Богданом Брязгой и Никитой Паном, грабившие до этого ногайских и русских купцов и пришедшие к Ермаку, чтобы пополнить

его «сибирскую дружину» в надежде и самим поживиться в ожидаемом походе. Отряд Кортеса был набран из всевозможных криминальных элементов, разорившихся безземельных идальго и просто бродяг. Большинству и тех и других на родине грозила как минимум каторга, и это в значительной степени способствовало успеху их военных предприятий: возвратиться назад эти люди могли только мёртвыми или героями.

С течением времени количество ничейных и спорных земель, которые можно было легко завоевать, придумав для этого какой-нибудь благовидный предлог, уверенно стремится к нулю. Неуклюжие попытки глобального передела мира, как то так называемая война за испанское наследство, наполеоновские войны, колониальные войны XIX века, и, наконец, две мировые войны были невиданно жестокими и кровопролитными, и при этом на редкость малоэффективными. Истощение бесхозных ресурсов сужает возможные варианты миграций, а поэтому заставляет маргинальные группы идти по пути революционных преобразований.

Под революцией мы здесь имеем в виду не столько те настоящие революции вроде Великой французской или Великой октябрьской. Речь идёт о принудительной смене одних элитарных групп другими и переход контроля над административным аппаратом и материальными ресурсами в руки тех, кто ещё накануне был никем. При этом эти люди завладевают той властью, которой их предшественники владели в силу священного права, таким образом присваивая часть той сакральности, которой обладают избранники богов. Тем не менее следует признать, что сакральность эта порождается не только нездоровыми амбициями и неуёмной ничем не обоснованной жадностью власти – новые люди в значительной своей части могут совершать чудеса порой не хуже своих великих предшественников. Конечно, «чудо при Отумбе»³⁷ не более чем один из тех военных подвигов Кортеса, благодаря которым он снискал

³⁷ В битве при Отумбе атака трёх всадников во главе с Кортесом решила исход сражения, в котором небольшому отряду конкистадоров (около пятисот пехотинцев и двадцать девять кавалеристов без пушек и ружей) противостояла трёхтысячная армия индейцев. Аналогичные победы имели место быть и в других местах. Так, в битве при Энне Роберт Гискар располагал собственным войском около семисот человек, в то время, как у арабов по сообщениям хронистов было до 15000, однако сражение закончилось впечатляющей победой норманнов. В битве при Арзуфе Ричард Львиное Сердце нанёс поражение Саладину, потеряв всего 700 воинов, в то время как потери мусульман исчисляются около 7000.

себе славу великого завоевателя, и не идёт ни в какое сравнение с чудесами Моисея; однако воспетое легендами чудо Штёртебеккера³⁸ – зрелище шагающего по эшафоту обезглавленного тела – способно впечатлить даже весьма требовательную и взыскательную публику.

Взлёт и падение. *Души императоров и сапожников плавают в едином тигле... Те же причины, что побуждают нас враждовать с соседом, вызывают войны между князьями,* - писал Мишель де Монтень. Нельзя не согласиться с этим утверждением, ибо зависть и алчность, однажды пробудившись, неизбежно толкают человека на неблагоприятные поступки, не важно каким бы ни было его происхождение. Оправдание же таким поступкам всегда найдётся.

Мы говорили прежде о благородных героях древности, воспетых в «шаносон де жест» и рыцарских романах, совершавших подвиги во имя добра и справедливости, верой и правдой служивших своим государям и всегда готовых выступить в защиту угнетённых и обездоленных. Увы, Ланселот, Персифаль, Лознгрин – всё это не более чем идеальный образ, вымысел, красивая сказка, в которую хочется верить. Реальные герои в реальной истории большей частью выгрядят и действуют совершенно по-другому. Устанавливая законы и порядки, обязательные ко всеобщему исполнению, они сами же нарушили и попирали их, будучи одновременно поборниками справедливости и её палачами.

Интерес и уважение к закону всегда были отличительными чертами большинства человеческих обществ; но один из парадоксов истории заключается в том, что эти качества проявились в такой степени у народа, прославившегося своими беззакониями – норманнов. Пиратство, нарушение клятв, грабеж, насилие, вымогательство, убийство - такие преступления совершались жизнерадостно и постоянно норманнскими королями, герцогами и баронами задолго до того, как Крестовые походы опустили планку шкалы моральных норм христианского мира еще ниже. Объяснение

³⁸ Когда пиратов вывели на главную площадь Гамбурга, чтобы прилюдно обезглавить, Штёртебеккер попросил выстроить их всех в шеренгу вдоль эшафота, а потом предложил бургомистру заключить пари. Суть пари заключалась в следующем: если после того, как ему отрубят голову, Штёртебеккеру удастся встать с колен и пробежать вдоль шеренги пиратов, то все, мимо кого он сумеет пройти, будут помилованы. Бургомистр согласился, не веря в то, что это в принципе возможно. Как гласит легенда, обезглавленный Штёртебеккер прошёл мимо одиннадцати пиратов и упал лишь тогда, когда один из стражников подставил ему подножку.

состоит в том, что нормандские правители, как и все остальные правители цивилизованного мира, были, прежде всего, прагматиками. Они видели в законе величественную и прочную структуру, на которой можно строить государство и которую можно использовать как оплот в любом предприятии. Кроме того, закон позволял удерживать в рамках покорности основную массу населения, которая, в отличие от своих господ, вынуждена была ему подчиняться. По сути, закон становился не их господином, а их рабом, и они стремились укрепить его просто потому, что сильный раб полезнее слабого. Вот почему величайшие норманнские строители государственности, король Генрих II Плантагенет в Англии и король Роджер на Сицилии, сконцентрировали свои усилия, прежде всего, на построении развитой правовой системы в своих владениях. Но никто из них никогда не рассматривал закон как абстрактный идеал и тем более не смешивал его с правдой и правосудием.

Такое отношение превалировало среди норманнских правителей на севере и на юге. И именно поэтому даже самые неразборчивые в средствах властители почти всегда умудрялись давать изобретательное законное оправдание всему, что они делали.

Ричард Дренго, граф Аверсы с самого начала своего правления стремился увеличить свои владения за счёт слабых лангобардских соседей - князей Салерно и Капуи. После захвата Капуи в соседней Гаэте он сговорился о брачном союзе своей дочери с сыном герцога Атенульфа, но мальчик умер незадолго до намеченной свадьбы. Печальное событие должно было вызвать сочувствие у предполагаемого тестя; вместо этого новый князь Капуи напомнил герцогу Атенульфу о том, что, согласно лангобардским законам, четверть состояния мужа становилась собственностью жены после свадьбы. Притязания Ричарда были совершенно необоснованными. Как явствует из самого названия этой выплаты - "*моргенгаб*" (утренняя плата), она могла быть выдана только на следующий день после свадьбы, как знак успешно прошедшей брачной ночи³⁹.

Атенульф, естественно, отказался и тем самым дал Ричарду требовавшийся ему повод. Среди скромных владений Гаэты в это время числился небольшой город Аквино; спустя несколько дней

³⁹ "*Этот знаменитый дар, вознаграждение за девственность, равнялся четвертой части состояния мужа. Некоторые предусмотрительные девушки, однако, оговаривали досрочное вручение подарка, которого, как им хорошо известно, они не заслуживали*" - (Гиббон, гл. XXXI).

Демагоги, пастухи и герои

этот ни о чем не подозревающий город оказался в осаде, а окрестные угодья и деревни испытали на себе ярость норманнов, сжигавших и разорявших все на своем пути. Война была прекращена только при посредничестве Дезидерия, аббата Монте-Кассино, при этом аббату удалось убедить Ричарда удовольствоваться меньшей выплатой, чем та, которую он поначалу требовал.

Это - типичный пример норманнской тактики в худшем ее проявлении: сфабриковать какое-то законное оправдание, пусть шаткое, свалить вину на намеченную жертву, а затем атаковать ее превосходящими силами без оглядки на приличия или гуманность. Такие приёмы слишком хорошо знакомы и в наши дни.

Объективные реалии человеческого общества и особенности человеческой психологии, в конечном счете, позволили возвыситься над этим обществом тем, кто был дерзок, силен, решителен и готов действовать без оглядки на обстоятельства, а тем более на мораль и законы. *Фортуна любит людей не слишком благоразумных, зато отважных*, - писал Эразм Роттердамский. И эти люди действия не видели препятствий в переделе мира под свои желания и запросы. Лучшие из них при этом хотя бы изредка вспоминали об остальном населении и его благосостоянии, худшие же нередко безжалостно обрекали его на страдания, нисколько не заботясь о последствиях. Мы не можем определённо сказать сколько времени потребовалось для того, чтобы социальное неравенство обрело современные черты, вероятно на это ушла не одна сотня лет, которые очень мало описаны в письменных документах; однако мы можем с уверенностью сказать, что вся последующая история человечества представляет собой перманентную борьбу элитарных групп за контроль над ресурсами. Эта борьба имела различные формы – от жестоких столкновений закованных в железо рыцарских ратей до свободных демократических выборов, однако суть этой борьбы всегда оставалась неизменной: немногочисленные, но могущественные социальные группы вели войну на уничтожение между собой, и в этой войне богов всё остальное население было не более чем разменной монетой, стратегическим ресурсом, как, например, земля, полезные ископаемые или домашний скот. Цель в этой войне – власть, цена победы – жизнь.

В этой борьбе выживает сильнейший, но на всякого сильного почти всегда найдётся более сильный и могущественный противник, или же просто судьба даст козырь в руки случайному игроку.

Зацикленность удельных японских правителей на своих собственных узко локализованных проблемах привела к тому, что, будучи ограниченными в своих перспективах, они большей частью

занимались тем, что следили друг за другом, воевали друг с другом и охраняли друг от друга границы своих владений; и именно поэтому слава героя-завоевателя досталась, в конечном счете, не Такеде Сингэну или Мори Мотонари, а мало кому известному до этого военачальнику из провинции Овари.

Думал ли Ода Нобунага 22 июня 1560 г., выступая из крепости Киёсу навстречу армии Имагавы Ёсимото о своей будущей славе великого полководца и объединителя Японии⁴⁰, и о том, что в зените могущества падёт жертвой завистников и предателей? Вероятно, всякий великий человек должен быть готов к этому.

Взлёт и падение знаменитого объединителя Японии весьма показательны в контексте нашего исследования.

После двадцати лет ожесточённой борьбы расправившись со своими основными противниками, Нобунага смог наконец сконцентрировать все силы на войне против клана Мори. В течение пяти лет его войска медленно, но верно добивались успеха в этой войне, продвигаясь на запад вдоль побережья Внутреннего моря. Эта операция была поручена Хидэёси, лучшему из генералов Нобунаги. К апрелю 1582 г. он осадил замок Такамацу. Многократное превосходство противника и угроза голода заставили коменданта просить помощи у Мори Тэрумото, который вскоре явился в сопровождении своих родичей и их лучших воинов. Оказавшись лицом к лицу со всем кланом Мори, Хидэёси срочно потребовал подкрепления у Нобунаги, который послал ему всех, кого только мог, в том числе своих хатамото⁴¹, и сам собирался вскоре последовать за ними. Нобунага находился в Киото, в своей резиденции Хоннодзи с отрядом не более сотни воинов вместо обычной охраны из 2 000 человек.

Акэти Мицухидэ, военачальник, который потерпел неудачу в кампании против Мори, был в то время в Киото. Он тоже получил приказ Нобунага двинуться на помощь Хидэёси. Но, дойдя до реки Кацура, он неожиданно повернул войско назад, воскликнув: «Враг в Хоннодзи!» И до воинов Акэти сразу дошел смысл его слов. С дымящимися фитилями аркебуз на рассвете они вошли в Киото и со всех сторон окружили Хоннодзи. С охраной быстро расправились, и мятежники ворвались во двор. Нобунага только что встал. Он

⁴⁰ История успеха Оды Нобунаги началась с победы при Окэхадзама над пятикратно превосходящей его отряд армией Имагавы Ёсимото, который вторгся в провинцию Овари, оказавшуюся волею случая на его пути к японской столице.

⁴¹ Хатамото – личная гвардия военачальника или сёгуна.

Демагоги, пастухи и герои

умывался, когда услышал снаружи шум. Неожиданно стрела ударила ему в ребро. Он вырвал ее, схватил первое попавшееся копьё и защищался им до тех пор, пока пуля не раздробила ему левую руку. Как пишет отец Фруа, *«тогда он отступил в комнаты и с трудом запер за собой дверь. Одни говорят, что он вспорол живот и покончил с собой по обычаю японских владык, другие утверждают, что он заживо сгорел в объятном пламенем дворце, который подожгли нападавшие. Так или иначе, тот, кто прежде заставлял трепетать других не то что словом, но даже именем своим, теперь обратился в прах и пепел».*

Так погиб Ода Нобунага в возрасте сорока девяти лет, от руки посредственного военачальника, который воспользовался удачным стечением обстоятельств.

«Знающий людей благоразумен, - говорит Дао Де Дзин. - Побеждающий людей силен». Но «знающий себя просвещен. Побеждающий самого себя могуществен. Кто не теряет свою природу, долговечен... Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечны».

В своих эгоистичных устремлениях прежние герои утратили свою сакральную природу, встав на путь лицемерия и гордыни. Их власть и их слава, в конечном счёте, становятся их гробовой плитой, а сами они уступают место другим, не менее алчным и кровожадным, но более изощрённым и изворотливым. Говоря словами «Хэйкэ моногатари», взятыми нами в качестве эпиграфа к этой работе, звук колокола Гионсодза отражает непостоянство всех вещей. Цвет тикового дерева говорит о том, что тем, кто сейчас процветает, суждено пасть. Да, гордые живут лишь мгновение, как вечерний сон в разгар весны. И могучие в конце концов погибают; они лишь пыль, несомая ветром.

Заключение

Ностальгия о Герое

*Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.*

**Старшая Эдда,
«Речи высокого»**

Современное общество не изобрело ничего принципиально нового – всё, что составляет его инфраструктуру сегодня – общественно-политические и экономические институты, социальная иерархия и механизмы социального взаимодействия – существовало всегда, возможно, в несколько видоизменённых формах, но, тем не менее, формы эти имели то же самое содержание. Поэтому легенды о «золотом веке» всего лишь легенды, воспоминание о том доисторическом времени, когда проточеловек, ещё только будущий homo sapiens, в своём тропическом раю вкушал плоды беззаботной жизни на лоне природы.

Древние люди были свободны и независимы, потому что у них ничего не было. Кроме потребности выжить. А для того, чтобы выжить, они должны были сообща добывать средства к существованию. В те времена наивной простоты люди не гнушались труда; труду Гесиод посвятил свою основную поэму «Труды и дни». Труд стал неизбежным условием для смертных, с тех пор как боги похитили у них тайну легкой жизни; и похвальное «соревнование», которое господствует в мире, ставит себе целью побудить их к этим трудам. Сам поэт указывает на это своему брату, как на долг жизни. *«Боги и люди,— говорит он, — равно ненавидят того, кто живет бездельником, как трутень без жала, который, сам ничего не делая, пожирает труды пчел. Работая, ты станешь более милым и для бессмертных и для людей, так как они ненавидят ленивцев. В труде нет позора, он только в безделье»*. Коллективный труд на благо коллектива – вот настоящий и единственный смысл «золотого века».

Однако уже во времена Гесиода дело обстояло совершенно иначе. Мы видим как в течении небольшого по историческим меркам

Демагоги, пастухи и герои

периода времени происходят колоссальные метаморфозы в системе социальных отношений. Появляются сначала единицы, а затем целые касты благородных, для которых труд – сначала физический, а затем и труд вообще, - абсолютно чужд.

Труд перестаёт быть общественно важным и всеобщим занятием. Более того – он становится наказанием.

Диодор в своем описании Египта упоминает о каменоломнях, находившихся на границе Эфиопии, и о способе их эксплуатации, практиковавшемся еще в его время. Эти приемы едва ли чем отличались от тех, которые применялись несколько лет спустя, во времена римского владычества. К работам в этих каменоломнях осуждали провинившихся рабов, но спекуляция трудом рабов насчитывала там не меньше жертв, чем наказание. Были там и пленные, посылавшиеся и в одиночку, и целыми семьями. Там хватало работы на все возрасты: дети должны были проникать в пустоты горы, мужчины — дробить извлеченный из подземных галерей камень, женщины и старики — вертеть мельничный жернов, чтобы превратить его в порошок и таким образом добыть из него золото. Закованные в цепи, проводя время в непрерывном труде под наблюдением солдат, которых старались сделать глухими к их мольбам, выписывая их из чужих стран, эти люди все же должны были возбуждать в своей страже сострадание печальным Зрелищем своей наготы и страданий. *«Пощады не было ни для кого, — пишет историк, — не дают передышки ни больным, ни увечным, ни женщинам ввиду слабости их пола. Всех без исключения заставляют работать ударами кнута до тех пор, пока они, окончательно изнуренные усталостью, не погибают».*

Человек всегда был животным социальным. То есть жил в коллективе, в котором неизбежно отдельные особи оказывались хитрее, сильнее, умнее и изворотливее других. Коллективный труд позволил человеку выжить. Коллективный труд сделал человека рабом.

Одиночка вынужден противостоять окружающему миру сам, без посторонней поддержки, без возможности переложить тяжёлый груз на плечи соседа. В коллективе, в человеческом стаде сделать это гораздо легче, проявив ум и смекалку. Поэтому неудивительно, что отдельные представители homo sapiens научились благополучно выживать за счёт других.

Так закончился «золотой век». В то время как основная масса человекообразных продолжала бороться за выживание, балансируя на грани жизни и смерти, «лучшие» её представители теперь беспечно пожинали плоды чужих трудов.

Древний человек не имел ничего, кроме самого необходимого, без чего не мог выстоять в борьбе с природой. Однако социальное неравенство породило неравенство имущественное. Потому что в мире, где всё прежде было практично и целесообразно, появились лишние вещи.

Лишние вещи порождают зависть. Зависть порождает вражду. Так начинается новая эпоха в истории человечества – эпоха железа и крови, эпоха золота и красноречия, квинтэссенция которой – перманентная и жестокая борьба за власть.

У феномена власти есть две природы – социальная и психологическая.

Социальная природа власти рациональна, она происходит из стремления общества к внутреннему порядку. Отсутствие порядка – зло, ибо оно ведёт к конфликту, следствие которого – гибель. Благополучное сосуществование двух и более особей одного вида требует установления определённых норм и правил, обязательных для соблюдения, а также наличия институтов, которые эти правила поддерживают и охраняют.

Порядок был принесён в мир богами. Боги дали людям законы и предписания, которым те должны были следовать. Те же, кто не подчинялся этим предписанием, становились изгоями и попадали к богам в немилость. Так говорят мифы. Поддержание порядка боги возложили на всё общество. Поэтому изначально не было персонифицированных носителей власти – и в этом есть особый смысл. Империя Александра была личным делом Александра. С его смертью она прекратила своё существование. Власть же безличная есть дело всего народа — *res publicum*, общественное дело, по сути своей власть вечная и справедливая, не связанная с отдельной личностью.

Психологическая природа власти состоит в желании одних повелевать другими. Это желание иррационально по своей сути и возрастает по мере того, чем больше власти обретает человек. Всё дело в том, что и сильные мира сего – такие же люди, как и все остальные, и им присущи обычные человеческие чувства, которые мешают им, выполняя своё предназначение, действовать беспристрастно, во благо всех людей. И именно потому злоупотребление могуществом и властью мы наблюдаем сплошь и рядом, в то время как действительно справедливые правители – лишь идеальные примеры для подражания, всеми восхваляемые, но мало кем наследуемые.

"Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют

Демагоги, пастухи и герои

от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает".

Так говорит Дао Де Дзин.

Отсюда следует, что тирания такое же социальное зло, как и анархия, ибо диктатор присваивает себе то, что по праву принадлежит не ему, а Богу — абсолютную верховную власть.

Эпоха войн породила ещё большее зло.

Простой анализ фактов позволяет сделать вывод, что наряду с реальным героизмом, взаимовыручкой, боевым братством и другой относительно позитивной атрибутикой войны, грабежи и убийства (как исход "разборок" среди своих), средневековые пытки и жестокость к пленным, самое извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно - на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к характерным явлениям для любой из воюющих армий, как только она ступает на территорию (особенно - в случае иноязычного) противника.

"Прославлять себя победой - это значит радоваться убийству людей. Тот, кто радуется убийству, не может завоевать сочувствия в стране. Благополучие создается уважением, а несчастье происходит от насилия".

Так продолжает говорить Дао.

Но мир не идеален. Более того – мир построен на лицемерии, несправедливости и обмане, он не имеет ничего общего с идеалами «золотого века», в нём нет ни капли так очаровавшего в своё время Г. Моргана первобытного всеобщего равенства и братства.

Поэтому этот несправедливый и жестокий мир должен быть исправлен. И, чтобы восстановить утраченную справедливость, в этот мир приходит Герой.

Воспеваемые в героических песнях герои и подвиги неизменно локализируются в седой старине. *«Мало что было еще раньше, то было вдвое раньше»,* — говорится в «Речах Хамдира». Время героической песни — абсолютное эпическое время. Оно — невозвратно, величественно; это — «доброе старое время», когда только и существовали столь грандиозные фигуры, о каких повествует героическая песнь. Все случившееся в те прежние времена полностью завершено.

Благодаря эпической дистанции, исключаяющей всякую возможность активности и изменения, эпический мир приобретает свою исключительную завершенность не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения его смысла и ценности все события

прошлого нельзя ни изменить, ни переосмыслить, ни переоценить. Эпический мир готов, завершён и неизменен и как реальный факт, и как смысл и как ценность.

Эпический мир можно только благоговейно принимать, но к нему нельзя прикоснуться, так как он вне района изменяющей и переосмысливающей человеческой активности.

Эпический герой... Он выступает в блеске славы, в сверкании доспехов, бесстрашно сражается с несметными полчищами врагов или побеждает в поединке ужасающего, сверхъестественного противника — дракона, великана.

Эпический человек завершён и закончен. Он завершён на высоком героическом уровне, но он завершён и безнадежно готов, он весь здесь, от начала до конца, он совпадает с самим собою, абсолютно равен себе. Между его подлинной сущностью и его внешним явлением нет ни малейшего расхождения. Все его возможности до конца реализованы в его внешнем социальном положении, во всей его судьбе, даже в его наружности.

Общественное сознание преподносит нам образ героя-одиночки, богатыря, доброго волшебника, на худой конец благородного разбойника вроде Робин Гуда или Стеньки Разина, блюдущих справедливость даже в ущерб собственным интересам, даже ценой собственной жизни.

Но не случайно время героев отстоит от нас так же далеко, как и мифический «золотой век». Оно безвозвратно прошло, кануло в небытие в тот момент, когда герой стал частью упорядоченной иерархии человеческого мира.

Пока герой действует сам по себе, не связанный обязательствами ни перед кем, кроме Бога и своей совести и не нагружен бременем мирских забот, он может быть преисполнен человеколюбия и сострадательности, поступать по велению своего сердца. И это — типичный образ, воспетый в древних легендах, фрагментарно дошедший до нас в эпосе о Беовульфе, былинных сказаниях об Илье Муромце, рассказах о короле Артуре... Однако же, интегрируясь в социальные структуры, герой перестаёт быть самим собой. Вместо сердца решает разум, место чувств занимает жёсткий прагматизм, на смену вдохновлённости приходит холодный расчёт, на смену идеалам — практическая целесообразность. Выбор прост — либо существовать по законам системы либо оказаться вне её.

Сильные мира сего не могут быть благодетельными и сострадательными, потому что в противном случае они не смогут выполнять свои социальные функции. Чем выше человек поднимается над другими людьми, тем больше ответственности

Демагоги, пастухи и герои

ложится на его плечи, тем чаще он встаёт перед выбором кем или чем пожертвовать во имя практической целесообразности.

Глупо будет выглядеть тот генерал, который будет лить слёзы по поводу гибели солдат, которых он отправляет штурмовать вражеские позиции, потому что солдаты неизбежно должны погибнуть. Не слишком умный генерал бросит их в атаку невзирая ни на что и добьётся победы, пусть даже ценой колоссальных жертв или проиграет, погубив армию. Умный генерал найдёт способ минимизировать потери, но не потому, что ему жаль солдат и их семьи, а лишь потому что солдат – это ресурс, который, в случае больших потерь, сложно будет возобновить.

В битве при Фалкирке, когда после неудавшейся атаки тяжёлой кавалерии англичан бой превратился в кровавую свалку стенка на стенку, король Эдуард приказал своим лучникам и арбалетчикам начать обстрел сражающихся шотландских копыеносцев. Его командиры в один голос воскликнули: «Государь! Но там же наши люди, мы же попадём в них!». «Да, - невозмутимо ответил король. - Но ведь мы же попадём и в шотландцев».

Благородство и честность также никогда не были в числе добродетелей, почитаемых сильными мира сего. Скорее наоборот.

Заслуги Хлодвига перед церковью были велики, как крестителя своей страны, Его супруга, королева Хротхильда получила нимб святости. Но Хлодвиг не был канонизирован, и виной тому, очевидно, был характер короля, прагматичного до цинизма. Крещение не было связано для него с нравственным переворотом, подобным тому, какой испытал, например, Владимир Киевский, который стал до того бояться греха, что даже остерегался казнить преступников. Хлодвиг видел в принятии христианства прежде всего практическую пользу, и уже став христианином безо всяких угрызений совести осуществил свои планы расправы над всеми королями-родичами.

Классический Герой не может и не умеет управлять в силу своих специфических качеств.

Из романов и фильмов известна героическая, полная чудесных деяний жизнь короля Ричарда Львиное Сердце. В легендах он воплощает идеальный образ средневекового рыцаря, который совершил множество хорошо задокументированных доблестных подвигов. Кроме того, в Третьем Крестовом походе он зарекомендовал себя как один из буквально нескольких за все Средневековье блестящих военачальников.

Из десяти лет своего правления Ричард провёл в Англии только полгода. Его правление, начавшееся с еврейских погромов в Лондоне и Йорке (виновники которых были наказаны Ричардом),

резко отличалось от царствования его отца. Ричард прославился своими воинскими подвигами, но его потребительское отношение к Англии свело управление страной в основном ко взиманию огромных налогов на финансирование армии и флота. Он даже освободил от вассальной клятвы короля Шотландии Вильгельма I за сумму в 10 тысяч марок, а также стал торговать государственными землями и постами. Все средства были направлены на подготовку к крестовому походу, ставшему апофеозом его героического правления.

Блистательные победы Ричарда в Святой земле, особенно взятие Аккры и победа при Арзуфе, огромными буквами вписали его имя в историю Крестовых походов. Однако все эти успехи были сведены на нет в результате взаимного непонимания, которое возникло между английским королём и его немецкими и французскими соратниками-крестоносцами. Последние в конечном счёте покинули Святую землю, предоставив Ричарда самому себе. В конечном счёте, он вынужден был признать своё поражение. Иерусалим остался во власти мусульман, Святой крест не был выдан; пленные христиане были предоставлены своей горькой участи в руках Саладина.

На обратном пути Ричард, путешествовавший, как и подобает странствующему рыцарю, практически в одиночестве, был захвачен в плен австрийским герцогом Леопольдом. Ричарда передали императору Священной Римской империи Генриху VI, который заключил его в замке Дюрнштайн. Император потребовал выкуп в 150 тысяч марок — двухлетний доход английской короны, из них 100 тысяч марок должны были быть выплачены вперёд (брат Ричарда Иоанн и французский король Филипп II Август предложили 80 тысяч марок за то, чтобы Ричард оставался пленником навсегда). Мать Ричарда Элеонора собрала требуемую сумму путём взимания непомерных налогов, и 4 февраля 1194 года Ричард был освобождён.

В его отсутствие Филипп II Август добился некоторого преобладания над англичанами на континенте. Ричард поспешил исправить положение. Он взял Лош, одну из основных крепостей Турени, овладел Ангулемом и принудил к покорности закоренелого мятежника графа Ангулемского. В следующем году Ричард двинулся в Берри и действовал здесь так успешно, что заставил Филиппа подписать мир.

Французы должны были отказаться от восточной Нормандии, но удержали несколько важных замков на Сене. Поэтому соглашение не могло быть прочным. В 1198 году Ричард вернул пограничные нормандские владения, а затем подступил к замку Шалю-Шаброль в Лимузене, владелец которого, виконт Адемар Лиможский был

Демагоги, пастухи и герои

изобличен в тайной связи с французским королем. 26 марта 1199 года после ужина, в сумерках, Ричард отправился к замку без лат, защищенный только шлемом. Во время боя арбалетная стрела глубоко вонзилась королю в плечо, рядом с шейным отделом позвоночника. Не подав вида, что он ранен, Ричард поскакал в свой лагерь. Ни один важный орган не был задет, но в результате неудачной операции началось заражение крови. Проболев одиннадцать дней, король Ричард I Английский умер 6 апреля 1199 года.

Странствующий рыцарь на престоле, король-герой, неудачная пародия на короля Артура, Ричард при всех его доблестях и добродетелях не смог стать успешным правителем, его правление принесло Англии лишь убытки и хлопоты, последствия которых ещё долго исправляли последующие короли.

Однако коллективное сознание не желает воспринимать прозаическую действительность, стремясь противопоставить в качестве альтернативы жестокой и несправедливой реальности воспоминание о легендарном герое, который сражается и погибает, но затем обязательно вернётся для того, чтобы восстановить мир и справедливость. Оно воспеваает подвиги, боевые стычки, в которых герой добывает себе славу и получает раны; месть за ущерб, причиненный роду и чести; гибель героя, оставляющего на земле бессмертным свое имя.

*Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!*
(«Беовульф», 1386 и след.);

*Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава!*
(«Речи Высокого», 76–77).

Подобные цитаты можно множить без конца. Бросается в глаза устойчивое сочетание двух понятий: «слава» и «смерть». Смерть фигурирует в героической поэзии германцев не как некое меланхолическое *memento mori*, напоминание о бренности мира, о преходящем характере всего земного. Смерть — момент, когда герой переходит в мир славы, ибо только со смертью он достигает завершенности и только слава останется после него. Но в этом «только» — все: слава — главная ценность в героической этике.

В скальдической поэзии также не раз разрабатывается мотив смерти героя. Великий воин, король, вождь погибает в бою, и валькирии приносят его тело в Вальхаллу — чертог, в который Один собирает бойцов, со славой павших на поле брани. Герой обращается к валькириям с упреком, почему они лишили его жизни в то время, когда он мог одержать очередную победу, и слышит в ответ: близится схватка богов с чудовищами, и Один нуждается в бойцах, которые вместе с ним пойдут на бой против великанов и мирового Волка Фенрира. Смерть, таким образом, не только условие упрочения славы героя в поколениях, но и превращение его из воина на земле в воина на службе у главы асов, в участника мирового конфликта.

Подводя итог, следует сказать, что в коллективном сознании Герой — всегда величественная, но одинокая фигура; не понятый и не оценённый современниками, он вступает в конфликт с реальностью и трагически погибает в неравном бою. Но торжество зла не вечно. Герой уходит, но оставляет после себя надежду, и веру в мечту о справедливом светлом будущем, которое, не смотря ни на что, в конце концов наступит...

...Пришел конец миру в Британии, пришел конец братству Круглого стола, конец чести, справедливости и любви, настало время предательства и крови. Умиравшего Артура феи уносят на Авалон, его меч Экскалибур возвращается к Владычице озера, саксы снова вторгаются в Британию и страна погружается в хаос и мрак разорения... Но на этом история не заканчивается. Потому что где-то в глубине зелёных холмов в хрустальном гроте до сих пор спит вечным сном великий маг и чародей Мерлин. Но, как говорит легенда, он ещё может проснуться...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение. Иллюзия равенства	5
Часть 1. Истоки	
1. Социальная структура в доисторическую эпоху	20
2. Заклинатели духов, изгои и воины-звери	32
2.1. Путь змеи, или В начале было Слово	32
2.2. Князья войны	55
3. Элита: особенности характеристики	76
Часть 2. Ветер и песок	
1. Социальная структура иерархического общества	96
2. Мечи и мушкетеры	130
3. Низвержение в бездну	143
Заключение. Ностальгия о герое	161

САКАДЫНСКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 1977 г., 27 января.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: Украина,
Луганская область, г. Стаханов

Президент Луганской областной общественной организации Центр творческих инициатив "Восточная Украина".

Автор ряда научно-исследовательских, политологических и литературных публикаций в прессе, специализированных изданиях и сети Интернет. Соиздатель альманахов "Древо познания" и "Загадки и проблемы человека", автор книги "Как

размножаются фюреры".

Круг вопросов, освещаемых в публикациях: философия истории, вопросы социокультурного развития, происхождение и генезис правящих элит, проблемы и перспективы развития человеческого общества.

Луганск,
2010